

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У.І. Леніна

СЕРЫЯ 3

Гісторыя
Філасофія
Навуковы камунізм
Эканоміка
Права

2 '90

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У.І.Леніна

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з сакавіка 1969 года
адзін раз у чатыры месяцы

СЕРЫЯ 3

**Гісторыя
Філасофія
Навуковы камунізм
Эканоміка
Права**

2'90

ЛІПЕНЬ

МІНСК
УНІВЕРСІТЭЦКАЕ

Галоўны рэдактар В. Р. РУДЗЬ
Адказны сакратар П. М. БАРАНОЎСКІ

Рэдакцыйная калегія серыі:

У. К. ҚОРШУҚ (*адказны рэдактар*),
М. І. БАЗЫЛЕЎ, В. М. ГАДУНОЎ, С. Р. ДРАБЯЗКА,
П. П. ДРОНЬ (*нам. адказнага рэдактара*), А. М. ЕЛСУКОЎ,
Э. М. ЗАГАРУЛЬСКІ, П. І. ЗЯЛІНСКІ, А. Г. ЗЕЛЯНКОЎ,
Ю. Л. ҚАЗАКОЎ (*адказны сакратар*), П. М. ҚОБРЫНЕЦ,
А. А. МІХАЙЛАЎ (*нам. адказнага рэдактара*), М. В. НАУЧЫ-
ЦЕЛЬ, М. В. РОЖЫН, П. А. ШУПЛЯК

ВЕСТНИК БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. ЛЕНИНА

Серия 3, № 2, 1990

Издательство «Университетское».
220048, Минск, проспект Машерова, 11, Дом книги.
Адрес редакции: 220080, Минск, Университетский городок, тел. 20-65-42.

На русском и белорусском языках

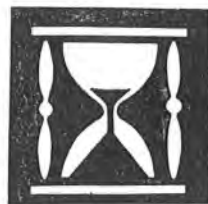
Рэдактар *А. А. Сычой*
Малодшы рэдактар *Г. М. Добыш*
Мастацкі рэдактар *Р. У. Кондрад*
Тэхнічны рэдактар і карэктар *Г. І. Хмарун*

Здадзена ў набор 05.05.90. Падпісана да друку 05.07.90. АТ 04696. Фар-
мат 70×108^{1/16}. Папера друк. № 1. Друк высокі. Ум. друк. арк. 7.0.
Ум. фарб.-адб. 7.35. Ул.-выд. арк. 8.66. Тыраж 755 экз. Заказ 744.
Цана 80 к.

Выдавецтва «Універсітэцкае». 220048, Мінск, праспект Машэрава, 11.
Дом кнігі.
Адрес редакцыі: 220080, Мінск, Універсітэцкі гарадок, тэл. 20-65-42.

Срдэна Працоўнага Чырвонага Сцяга друкарня выдавецтва ЦК КП
Беларусі, 220041, Мінск, Ленінскі праспект, 79.

© Веснік БДУ імя У. І. Леніна, 1990

П. І. БОНДАР

ПАРТЫЙНАЕ КІРАЎНІЦТВА МАРАЛЬНЫМ ВЫХАВАННЕМ ПРАЦОЎНЫХ: УРОКІ 60—80-х ГАДОЎ

Поспех перабудовы нашага грамадства ў многім залежыць ад яго маральнага аздаравлення, стварэння спрыяльных сацыяльных умоў для духоўна-маральнага развіцця, праяўлення ініцыятывы, здольнасцей і дараванняў кожнага савецкага чалавека. Гэта абумоўлівае неабходнасць рашучага выкаранення маральных заган, спароджаных сталінізмам і застоём, эфектыўнага выкарыстання апраўдаўшых сябе і нетрадыцыйных падыходаў да маральнага выхавання.

Складанасць і супярэчлівасць перабудовачных працэсаў, рэальнае становішча ў краіне патрабуюць ад грамадазнаўцаў, у тым ліку і гісторыкаў, актывізацыі даследчыцкага пошуку, узмацнення ўвагі да надзённых запатрабаванняў маральна-выхаваўчай практыкі, маральна-этычных аспектаў дзейнасці партыйных камітэтаў і арганізацый, усіх сацыяльных інстытутаў.

У 60—80-я гады маральнае выхаванне працоўных Беларусі набыло ў значнай ступені этанакіраваны, сістэмны характар. Партыйныя камітэты і арганізацыі ўдасканалі кіраванне маральна-выхаваўчай работай, яе метады і формы. Гэта аказвала станоўчае ўздзеянне на маральна-псіхалагічны клімат у калектывах, на свядомасць і паводзіны людзей.

Па дадзеных сацыёлагаў, якія даследавалі ў пачатку 80-х гадоў маральны стан калектываў 46 прамысловых прадпрыемстваў БССР, 70 % апытаных работнікаў арыентаваліся на ўзаемадапамогу ў працы; 79,2 % рабочых і 74,8 % спецыялістаў выказалі задавальненне міжасабовымі адносінамі ў калектыве; толькі 19,1 % рабочых і 14,4 % спецыялістаў ацанілі маральна-псіхалагічны клімат як неспрыяльны. Абсалютная большасць з 3400 рэспандэнтаў усведамлялі адказнасць за асабісты ўклад у агульную справу, паспяхова выконвалі нормы выпрацоўкі, кіраваліся высакароднымі маральнымі матывамі ў працоўнай і грамадска-палітычнай дзейнасці¹.

Даследаванні, праведзеныя АГН пры ЦК КПСС у 1987 годзе ў дзесяці рэгіёнах краіны і ў пяці абласцях Беларусі, даюць карысную інфармацыю для аптымістычных вывадаў. 73 % рэспандэнтаў адзначылі, што людзі, з якімі яны маюць зносіны, чулыя, заўсёды гатовыя прыйсці на дапамогу, 60—65 % заявілі, што яны імкнуцца працаваць як мага лепш, па-гаспадарску адносіцца да агульнанароднай уласнасці; 71 % — асудзілі хабарніцтва, парушэнні працоўнай дысцыпліны, іншыя далёкія ад сацыялізму з'явы².

Цікавыя звесткі атрымалі ў 1985—1988 гадах таксама супрацоўнікі АН БССР. З дапамогай экспертнай ацэнкі меркаванняў кіраўнікоў калектываў яны прыйшлі да вываду: працавітасць уласціва 56 % работнікаў, добра сумленныя адносіны да працы — 60, пачуццё адказнасці за поспех агульнай справы — 71, дысцыплінаванасць — 49, пачуццё гаспадара, калектывізму і таварыскай узаемадапамогі — 47—59 %³.

Паглыблены аналіз грамадскага жыцця працоўных дазволіў высветліць і сур'ёзныя недахопы ў партыйным кіраўніцтве маральным выхаваннем. Узровень яго арганізацыі, змест у многіх працоўных калектывах, населеных пунктах рэспублікі не адпавядалі запатрабаванням людзей, надзённым задачам сацыяльна-эканамічнага развіцця.

Недаацэньвалася дэструктыўнае ўздзеянне фактараў сацыяльнага асяроддзя, умоў жыцця на норавы. Між тым на рубяжы 70—80-х гадоў яскрава праявіліся супярэчнасці паміж гуманістычнымі мэтамі маральнага выхавання і рэчаіснасцю. Матэрыялы сацыялагічнага даследавання, праведзенага ў 1987 годзе кафедрай ідэалагічнай работы АГН пры ЦК КПСС у шэрагу рэгіёнаў краіны, уключаючы Беларусь, сведчаць што ў думках працоўных відавочна заўважалася зніжэнне перакананасці ў перамозе справядлівасці, ідэалаў нашага грамадства. Толькі 18,3 % экспертаў з прадстаўнікоў адміністрацыі і партыйных работнікаў не зафіксавалі гэту тэндэнцыю; 72,5 % экспертаў у той ці іншай ступені сутыкаліся з ёй. Сярод прычын, што падрывалі веру людзей у сацыяльную справядлівасць, эксперты назвалі перш за ўсё пралікі і памылкі ў вырашэнні надзённых пытанняў «практычнай маральнасці» — недасканаласць, а часам, і дэфармацыю грамадскіх адносін: разрыў слова і справы (61,4 %); парушэнне размеркавальных адносін у аплаце працы, забеспячэнні жыллём (38,2 %); недахопы ў рэалізацыі законных патрабаванняў і просьбаў (28,8 %) і інш. На думку 43,9 % экспертаў, у значнай меры падрывалі аптымістычны дух людзей тыя абставіны, што заставаліся беспакаранымі раскрадальнікамі, хабарнікамі, «нясуны», падхалімы. Амаль 77 % апытаных працоўных заявілі, што сутыкаюцца на вытворчасці і ў быце з абыхавасцю, непавагай да чалавечай годнасці, а многія з іх выказалі незадаволенасць узроўнем гуманізацыі працы, быту, міжасабовых сувязей⁴.

У маральнай сферы сталі праяўляцца сімптомы крызісу. Дасягнуты грамадствам узровень маральнай сталасці аказаўся недастатковым для актыўнага супрацьдзеяння адхіленням ад прынцыпаў сацыялізму. Больш таго, стала відавочнай тэндэнцыя да яго зніжэння, што вылілася ў значную дэвальвацыю маральных ідэалаў, парушэнні маральных і прававых норм часткай грамадзян, іх індывідуалістычныя памкненні, сацыяльную пасіўнасць. У грамадскай свядомасці ўкараняўся маральны нігілізм.

Параўнанне дадзеных, якія характарызуюць стан маральных адносін у працоўных калектывах у 70-я і 80-я гады, гаворыць аб тым, што «застойныя» з'явы ў духоўна-маральнай сферы набылі даволі ўстойлівы характар.

Скажэнні ленінскай канцэпцыі сацыялізму паступова стварылі такую сітуацыю, калі палітычныя і сацыяльна-эканамічныя структуры грамадства выявілі поўную неадпаведнасць патрэбам яго гуманізацыі, маральнага самаачышчэння і ўзвышэння. Чалавек усё ў большай ступені ператвараўся ў «заложніка» адміністрацыйна-каманднай сістэмы, якая перашкаджала яго свабоднаму духоўна-маральнаму ўдасканаленню. Адрыві ідэалагічнай дзейнасці ад жыцця, зніжэнне яе рэвалюцыйна-крытычнага патэнцыялу, актыўнасці, наступальнасці стымулявалі застой у грамадскім развіцці, у тым ліку і духоўнай, маральнай сферы.

Якія ж урокі з мінулага трэба зрабіць.

Маральна-выхаваўчая работа партыі, усіх сацыяльных інстытутаў не можа быць плённай, калі прыніжаюцца ці замоўчваюцца супрацьлеглыя тэндэнцыі ў грамадскім развіцці і, у прыватнасці, дыялектычныя супярэчнасці ў маральнай сферы, якая з'яўляецца крыніцай, імпульсам яе бесперапыннага ачышчэння і абнаўлення.

Ва ўмовах, калі ўладарыла ідэалогія і псіхалогія застою, супярэчнасці сацыялістычнага грамадства не толькі не вывучаліся навукай, але і свядома ігнараваліся бюракратычным апаратам. Не выпадкова менавіта ў гэты час нарадзілася памылковае ўяўленне, што «адбываецца, нарэшце, спалучэнне ўздзеяння сацыяльнага асяроддзя і мэтанакіраванага маральнага выхавання, знікае супярэчнасць паміж імі, характэрная для класава-антаганістычных грамадстваў»⁵.

Тое, што адбывалася ў жыцці, пераканаўча сведчыла аб іншым: аб разрыве паміж мэтамі маральнага выхавання, духоўнымі імператывамі грамадства і сацыяльнай практыкай. Гэта ў канчатковым выніку прывяло да пасаблення прыцягальнасці сацыялістычнага ідэалу, пагаршэння маральнага здароўя працоўных, дэвальвацыі маральна-выхаваўчых намаганняў партыйных, дзяржаўных, грамадскіх арганізацый, сям'і, школы, калектываў, ідэалагічных устаноў.

Рэвалюцыйная перабудова заклікана забяспечыць рэальнае пераўтварэнне быцця, ліквідаваць дэфармацыі сацыялізму і надаць яму якасна новае, гуманнае, дэмакратычнае аблічча. Неабходна ажыццявіць мэтанакіраванае маральна-выхаваўчае ўздзеянне на працоўных. На наш погляд, яно паскорыць асваенне кожным чалавекам маральных каштоўнасцей і патрабаван-

няў грамадства. Аднак адбудзецца гэта тады, калі ў поўнай меры рэалізуецца патэнцыял маральна-выхаваўчай работы. Чым вышэй будзе ўзровень яе навуковай арганізацыі, тым багацей змест, больш арганічныя сувязі з жыццём, рэвалюцыйна-ператваральнай дзейнасцю і сацыяльна-палітычным вопытам мас, тым большым здаецца яе ўздзеянне на маральны прагрэс грамадства.

Гістарычны вопыт Кампартыі Беларусі пацвярджае магчымасць эфектыўнага кіравання маральна-выхаваўчым працэсам. Але разам з тым ён сведчыць і пра неадпаведнасць форм і метадаў работы многіх партыйных камітэтаў і арганізацый сучасным патрабаванням, іх непаасцядоўнасць у рэалізацыі прынцыпаў сістэмнага падыходу да маральнага выхавання. Каб належным чынам выкарыстоўваць творчы патэнцыял сацыялістычнай маралі, неабходна ліквідаваць гэтыя недахопы, ажыццявіць шэраг неадкладных мер па далейшаму ўдасканаленню механізму партыйнага кіраўніцтва маральным выхаваннем.

У 60-я — першай палове 80-х гадоў у маральна-выхаваўчай практыцы і яе навукова-метадычным забеспячэнні адзначаліся сур'ёзныя пралікі. Сёння змест і метады гэтай работы патрабуюць кардынальнага абнаўлення ў адпаведнасці з патрабаваннямі, якія прад'яўляе перабудова. Першачарговымі тут з'яўляюцца: навуковае асэнсаванне і ўкараненне новых форм і метадаў прапаганды ведаў аб маралі, якія актывізуюць этычнае мысленне, засваенне маральных норм паводзін; вывучэнне канкрэтных прыёмаў фарміравання маральнай свядомасці, што выкарыстоўваюцца прапагандыстамі, лектарамі, журналістамі, палітінфарматарамі і агітатарамі, настаўнікамі рабочай моладзі, выкладчыкамі навучальных устаноў; даследаванне псіхалагічных механізмаў і ўмоў засваення асобай маральных каштоўнасцей; экспертная ацэнка мерапрыемстваў маральна-выхаваўчага характару, праводзімых у працоўных калектывах па месцы жыхарства; падрыхтоўка метадычных рэкамендацый грамадскім арганізацыям, праграм і вучэбных планаў этычнага навучання і асветы.

Партыйныя арганізацыі закліканы авалодваць сучаснай метадыкай планавання і каардынацыі маральнага выхавання, удасканальваць этыка-педагагічную падрыхтоўку ідэалагічных кадраў, пастаянна вывучаць стан маральнай свядомасці працоўных, моладзі.

Эфектыўнае функцыяніраванне сістэмы маральнага выхавання немагчыма без этычнай асветы, свабоднай ад фармалізму, дагматызму і абстрактнага маралізатарства. Сіла прапаганды маральных норм і каштоўнасцей грамадства заключаецца ў яе навуковай абгрунтаванасці, праўдзівасці, цеснай сувязі з сацыяльна-эканамічнымі задачамі, духоўнымі запытамі і інтарэсамі працоўных. Толькі такая прапаганда ўзвышае асобу, вучыць правільна ацэньваць маральныя з'явы і працэсы, узбройвае марксісцка-ленінскім разуменнем складанай дыялектыкі паступальнага руху грамадства да вышынй маральнага прагрэсу.

Гістарычны вопыт партыі пераконвае, што выхаванне працоўных у духу сацыялістычнай маралі — свядома кіруемы працэс, які мае свае заканамернасці і спецыфічныя асаблівасці. Змест, гуманістычная накіраванасць, рэзультатыўнасць маральна-выхаваўчай дзейнасці знаходзяцца ў прама прапарцыянальнай залежнасці ад стылю партыйнага кіраўніцтва. Чым больш дасканалы, дзейсны гэты стыль, тым больш важкія поспехі ў фарміраванні маральнай культуры.

¹ Гл.: Советский рабочий: социальный и духовный облик. Минск, 1983. С. 128, 129, 166, 190—191, 244, 305.

² Гл.: Человек и нравственность в условиях перестройки. Минск, 1988. С. 35.

³ Гл.: Идеино-воспитательная работа в условиях ускорення. Минск, 1988. С. 35.

⁴ Гл.: Маркин В. Н. Жизненная позиция личности. М., 1989. С. 68 і далей.

⁵ Иванов В. Г., Апресян Р. Г. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В. И. О морали и нравственном воспитании. М., 1985. С. 11.

АБ ПРАБЛЕМАХ ПАДРыхТОўКІ КАДРАў РАБОЧАГА КЛАСА ў СЯРЭДНЯЙ ШКОЛЕ БЕЛАРУСКАЙ ССР (1959—1966)

Адным з важнейшых фактараў перабудовы народнай гаспадаркі з'яўляецца далейшае ўдасканаленне сістэмы падрыхтоўкі кадрў рабочага класа. Сёння, як ніколі, усе сферы вытворчасці адчуваюць патрэбу ў прытоку рабочых, якія б мелі высокую кваліфікацыю, былі зацікаўлены ў яе павышэнні, у набыцці новых ведаў, шукалі магчымасці паляпшэння тэхналагічных працэсаў з мэтай аптымальнага выканання вытворчага задання.

Акрамя падрыхтоўкі кваліфікаваных рабочых кадрў у прафесіянальна-тэхнічных навучальных установах і непасрэдна на вытворчасці істотнай крыніцай папаўнення рабочага класа з'яўляюцца сярэднія школы. Ці павінны яны і ў далейшым даваць акрамя агульнаадукацыйных ведаў і прафесіянальную падрыхтоўку або адмовіцца ад гэтай функцыі?

Сістэма школьнай адукацыі, што склалася ў 30-я гады, у другой палове 50-х гадоў уступіла ў супярэчанне з патрабаваннямі жыцця. Маштабы сярэдняй адукацыі ўзраслі настолькі, што школа, якая раней арыентавалася на падрыхтоўку навучэнцаў да паступлення ў вышэйшыя навучальныя ўстановы, ператварылася ў адну са значных крыніц папаўнення рабочага класа. Аднак высветлілася, што ўчарашнія выпускнікі мелі слабую падрыхтоўку да практычнай дзейнасці. Узнікла неабходнасць умацавання сувязі агульнаадукацыйнай школы з жыццём, ператварэння яе ў працоўную політэхнічную з вытворчым навучаннем.

24 снежня 1958 года Вярхоўны Совет СССР прыняў Закон «Аб умацаванні сувязі школы з жыццём і аб далейшым развіцці народнай адукацыі ў СССР». 8 красавіка 1959 года Вярхоўны Совет БССР прыняў аналагічны Закон. Згодна з Законам, па заканчэнні васьмігодкі навучэнцы павінны былі на працягу трох гадоў атрымліваць сярэдняю адукацыю і прафесіянальную падрыхтоўку. Для ажыццяўлення вытворчага навучання меркавалася стварыць навучальныя і вытворчыя цэхі на бліжэйшых прадпрыемствах, школьных і міжшкольных навучальна-вытворчых майстэрні.

Рэарганізацыя школы павінна была завяршыцца праз чатыры гады. Адначасова з атэстатам аб сярэдняй адукацыі навучэнцы павінны былі атрымліваць пасведчанні аб прываенні кваліфікацыі па пэўнай прафесіі. Пэрылік прафесій, на якіх ажыццяўлялася падрыхтоўка навучэнцаў, вызначалі мясцовыя органы савецкай улады, улічваючы наяўнасць вытворчай базы і патрэбнасці ў кадрах для народнай гаспадаркі.

16 чэрвеня 1960 года Совет Міністраў БССР зацвердзіў Палажэнне аб сярэдняй агульнаадукацыйнай працоўнай політэхнічнай школе з вытворчым навучаннем. У ім падкрэслівалася, што адкрыццё школ «можа праводзіцца толькі пры наяўнасці адпаведных школьных памяшканняў, базы для вытворчага навучання і прадукцыйнай працы навучэнцаў, забяспечанасці навучальным і гаспадарчым абсталяваннем і магчымасці ўкамплектаваць новыя школы настаўнікамі і кіруючымі кадрамі з вышэйшай адукацыяй»¹.

Згодна з Палажэннем, дзве трэці навучальнага часу ў год адводзілася на вывучэнне агульнаадукацыйных і політэхнічных прадметаў і адна трэць — на вытворчае навучанне і прадукцыйную працу. Прафесіянальная падрыхтоўка павінна была ажыццяўляцца шляхам спалучэння тэарэтычнага і практычнага вытворчага навучання. Палажэнне вызначала і кола асоб, якія павінны былі займацца вытворчым навучаннем, а таксама іх абавязкі.

Пераарыентацыя сярэдняй школы на прафесіянальную падрыхтоўку была складанай справай. Неабходна было ў кароткія тэрміны перагледзець вучэбныя праграмы, распрацаваць план падрыхтоўкі навучэнцаў з улікам патрэбнасцей народнай гаспадаркі ў кваліфікаваных рабочых і інжынерна-тэхнічных работніках, здольных забяспечыць вытворчую падрыхтоўку навучэнцаў. Бадай, самай цяжкай задачай было стварэнне матэрыяльнай базы вытворчага навучання. Але ўсе гэтыя праблемы не здаваліся вельмі складанымі. Ужо ў 1959/60 навучальным годзе ў 179 гарадскіх школах Беларусі пачалі асвойваць розныя прафесіі 7639 навучэнцаў дзевяціх класаў².

Добрыя ўмовы для вытворчага навучання былі створаны на Мінскіх радыёзаводзе, аўтамабільным, трактарным, станкабудаўнічых заводах імя Кірава і імя Варашылава, заводзе аўтаматычных ліній, Віцебскім дыванова-плюшавым камбінаце, швейных фабрыках у Мінску, Брэсце, Навагрудку, Аршанскім льнокамбінаце, Гродзенскім заводзе бытавых прыбораў і іншых прадпрыемствах рэспублікі.

Вопыт першага года вытворчага навучання разам з тым паказаў, што пры адсутнасці плана падрыхтоўкі навучэнцаў па прафесіях профілі іх вытворчай падрыхтоўкі часта зацвярджаліся выканкамамі адвольна, без уліку магчымасцей працаўладкавання па атрыманай спецыяльнасці. Нярэдка школам навязваліся прафесіі, па якіх лягчэй арганізаваць падрыхтоўку. У асобных гарадах і раёнах назіралася надзвычайнае захваленне прафесіяй швачкі для дзяўчат. У Брэсцкай і Мінскай абласцях гэта прафесія аказалася самай масавай. У той жа час яўна недастатковая ўвага ўдзялялася будаўнічым прафесіям. Некаторыя школы пайшлі па лініі расшырэння пераліку прафесій. Гэта прывяло да фарміравання дробных груп навучэнцаў (па 2—3 чалавекі), што скарачала магчымасці выкарыстання эфектыўных форм арганізацыі вытворчага навучання, рацыянальнага выкарыстання навучальнага часу. Да вытворчага навучання часцей за ўсё прыцягваліся спецыялісты народнай гаспадаркі, якія не мелі педагагічнай падрыхтоўкі. У многіх школах адсутнічала неабходная для прафесіянальнай падрыхтоўкі база. На большасці прадпрыемстваў не былі адкрытыя запланаваныя навучальныя цэхі і ўчасткі.

Ва ўмовах камандна-адміністрацыйнай сістэмы намаганні па пераводу сярэдняй школы на рэлысы прафесіянальнай падрыхтоўкі нарошчваліся.

У мэтах ліквідацыі выяўленых недахопаў Вярхоўны Савет БССР, ЦК КПБ і Савет Міністраў рэспублікі прынялі ў 1961—1963 гадах шэраг шэраг станаў, у якіх намячаліся меры па стварэнню новых рабочых месцаў на прадпрыемствах, распрацоўцы планаў прафесіянальнай падрыхтоўкі навучэнцаў дзевятых—адзінацятых класаў на 1961—1965 гады, па падрыхтоўцы настаўнікаў, якія выкладаюць політэхнічныя і вытворчыя дысцыпліны, расшырэнню падрыхтоўкі ў сярэдніх школах кваліфікаваных рабочых-будаўнікоў, па прафесіянальнай падрыхтоўцы школьнікаў у адпаведнасці з патрэбнасцямі прадпрыемстваў, будоўляў і арганізацый, па забеспячэнню юнакоў і дзяўчат, якія закончылі адзінацятаты класы, работай у адпаведнасці з атрыманай у школе спецыяльнасцю.

У 1960/61 навучальным годзе ў рэспубліцы налічвалася 589 школ з вытворчым навучаннем, у якіх авалодвалі рознымі прафесіямі больш за 29 тысяч юнакоў і дзяўчат. Практыка паказала, што лепшай формай арганізацыі вытворчага навучання з'яўляецца стварэнне навучальных цэхаў і ўчасткаў на прадпрыемствах. Такая форма давала магчымасць спалучаць групавое навучанне з індыўдуальным. Аднак к канцу 1960/61 навучальнага года на прадпрыемствах Беларусі дзейнічала ўсяго толькі 10 навучальных цэхаў³.

20 лютага 1962 года Савет Міністраў БССР зацвердзіў Палажэнне аб вытворчым навучанні сярэдніх агульнаадукацыйных працоўных політэхнічных школ. У ім рэкамендавалася ажыццяўляць у кожным асобным класе падрыхтоўку, як правіла, не больш чым па дзвюх спецыяльнасцях, дазвалялася прымаць навучэнцаў у дзевяты клас для навучання па той або іншай спецыяльнасці па жаданню паступаючага незалежна ад мікрараёна школы. Згодна з Палажэннем, вытворчае навучанне павінна было ажыццяўляцца ў два этапы. На першым этапе ў дзевятых-дзесятых класах давалася паярэдная агульнапрафесіянальная падрыхтоўка, вывучаліся агульнатэхнічныя і спецыяльныя прадметы, неабходныя для асваення прафесіі, на другім этапе навучэнцы авалодвалі прафесіянальнымі навыкамі непасрэдна на вытворчасці. Палажэнне рэгламентавала таксама парадак правядзення кваліфікаваных выпрабаванняў.

Першы выпуск навучэнцаў адзінацятых класаў у 1962 годзе паказаў, што далёка не ўсе з іх уладкоўваліся на работу ў адпаведнасці з атрыманай спецыяльнасцю. Напрыклад, з 320 выпускнікоў адзінацятых класаў Мінскіх школ 109 чалавек паступілі ў вышэйшыя навучальныя ўстановы, 69 пайшлі працаваць на іншыя прадпрыемствы не па сваёй спецыяльнасці і толькі 135 чалавек засталіся працаваць на тых прадпрыемствах, дзе праходзілі вытворчае навучанне⁴.

У 1963/64 навучальным годзе ўсе сярэднія школы Беларусі былі пераўтвораны ў школы з вытворчым навучаннем. Да гэтага часу іх налічвалася 1690. Але не ўсе яны мелі неабходную вытворчую базу. Колькасць навучальных цэхаў, пралётаў і ўчасткаў расла значна марудней, чым колькасць навучэнцаў, прыцягваемых да вытворчага навучання. Да пачатку 1964—65 навучальнага года ў Беларусі было 152 навучальныя цэхі, пралёты і ўчасткі на 4000 рабочых месцаў. Вытворчае навучанне вялося таксама ў 117 навучальна-вытворчых майстэрнях па апрацоўцы металу, 7 радыётэхнічных, 120

сталярных і 139 швейных. Былі ўведзены ў эксплуатацыю 4 тышавыя міжшкольныя навучальна-вытворчыя майстэрні⁵.

Нягледзячы на прынятыя меры, затрачаныя матэрыяльныя рэсурсы, падрыхтоўка рабочых кадрў у многіх школах ажыццяўлялася незадавальняюча. Недастатковай была арганічная сувязь паміж агульнай, політэхнічнай і прафесіянальнай адукацыяй. Камплектаванне дзевяціх класаў ажыццяўлялася, як правіла, па тэрытарыяльнаму прынцыпу. Часам не ўлічваліся нахільнасці і жаданні навучэнцаў, яны былі практычна пазбаўлены свабоднага выбару прафесіі. Нерацыянальна выкарыстоўваўся час, адведзены на прафесіянальную падрыхтоўку. Прафесіянальная падрыхтоўка вялася, галоўным чынам, сумяшчальнікамі. Так, напрыклад, прадпрыемствы Саўнаргаса выдзялілі ў якасці выкладчыкаў і інструктараў толькі 208 вызваленых работнікаў, тады як сумяшчальнікаў налічвалася больш 1000⁶.

На якасць прафесіянальнай падрыхтоўкі па-ранейшаму адмоўнае ўздзеянне аказвала слабая матэрыяльная база, падрыхтоўка спецыялістаў ажыццяўлялася без уліку народнагаспадарчага плана. У выніку народная гаспадарка атрымлівала недастатковую колькасць кваліфікаваных рабочых. На прадпрыемствах Саўнаргаса, напрыклад, працавала па набытай спецыяльнасці толькі 28 % навучэнцаў, якія закончылі вытворчае навучанне⁷.

5 верасня 1964 года ЦК КПБ і Савет Міністраў БССР прынялі пастанову «Аб змяненні тэрміну навучання ў сярэдніх агульнаадукацыйных працоўных політэхнічных школах з вытворчым навучаннем». Замест трохгадовага ўстанаўліваўся на базе васьмігадовай школы двухгадовы тэрмін навучання. Перавод на новы тэрмін навучання меркавалася ажыццявіць на працягу двух гадоў, пачынаючы з 1 верасня 1964 года. І хоць сярэдняя школа па-ранейшаму павінна была рыхтаваць кадры кваліфікаваных рабочых, змяненне тэрмінаў прафесіянальнай падрыхтоўкі ў бок змяншэння не давала магчымасці рабіць гэта дастаткова эфектыўна. Падрыхтоўка кадрў рабочага класа ў сярэдніх школах Беларусі пайшла на змяншэнне. У сувязі са скарачэннем тэрміну навучання ў сярэдніх школах выканкомы перагледзелі профілі падрыхтоўкі навучэнцаў дзевяціх класаў. Як правіла, у дзевяціх класах пачалі планаваць навучанне прафесіянам, па якіх можна было набыць спецыяльнасць на працягу двух гадоў. Агульная колькасць прафесій значна скарацілася.

21 сакавіка 1966 года ЦК КПБ і Савет Міністраў БССР прынялі пастанову «Аб частковым змяненні працоўнай падрыхтоўкі ў сярэдняй агульнаадукацыйнай школе». Згодна з гэтым дакументам прафесіянальная падрыхтоўка школьнікаў станавілася неабавязковай, яна ажыццяўлялася толькі ў тых школах, дзе былі адпаведныя ўмовы, і праводзіліся за кошт часу, які выдзяляўся па плане на працоўную падрыхтоўку навучэнцаў, а таксама ў выглядзе гурткавай і іншых форм пазакласных заняткаў.

Па сутнасці, падрыхтоўка кадрў рабочага класа ў сярэдніх школах стала згортвацца. І калі ў 1966/67 навучальным годзе ў рэспубліцы працавала 105 сярэдніх школ з вытворчым навучаннем, то ў 1967/68 навучальным годзе налічвалася ўсяго 48 сярэдніх школ, якія давалі выпускнікам пэўную прафесію⁸.

Такім чынам, перабудова сярэдняй школы Беларусі, якая пачалася ў 1959 годзе, не дала жаданых вынікаў. Рэформа школьнай адукацыі аказалася недастаткова прадуманай. Нягледзячы на вялікую колькасць партыйна-дзяржаўных пастанаў прынятыя рашэнні ажыццяўляліся марудна, а часам і наогул ігнараваліся. Адбівалася адсутнасць эканамічнай зацікаўленасці ў падрыхтоўцы кадрў рабочага класа як у прадпрыемстваў, будоўляў, устаноў, так і ў школ. На іх кіраўнікоў ускладаліся дадатковыя абавязкі, якія не стымуляваліся матэрыяльна. Часам і ў навучэнцаў дзевяціх—адзінаццаціх класаў, пазбаўленых свабоднага выбару прафесіі, адсутнічала зацікаўленасць у асваенні тых спецыяльнасцей, якім яны вучыліся ў сваіх школах. Лішнія паспешліваць у пераводзе большасці школ на выворчае навучанне, ігнараванне мясцовых умоў, у якіх працавалі школы, не давала магчымасці ажыццяўляць падрыхтоўку кваліфікаваных рабочых кадрў дастаткова эфектыўна. Тым не менш, у радзе месц, асабліва ў буйных гарадах, сярэднія школы мелі неабходную матэрыяльную базу для прафесіянальнай падрыхтоўкі, устанавілі цесны кантакт з бліжэйшымі прадпрыемствамі, набылі значны вопыт у падрыхтоўцы кадрў рабочага класа. У гэтых школах, думаемся, трэба было захаваць вытворчае навучанне, а дзе гэтага патрабавала прафесіянальная падрыхтоўка, і адзінаццацігадовы тэрмін навучання. Пе-

равод жа ўсіх школ на дзесяцігадовы тэрмін навучання, скарачэнне часу на авалоданне спецыяльнасцю, прывялі да згортвання вытворчага навучання нават у тых школах, дзе для гэтага былі неабходныя ўмовы.

¹ Палажэнне аб сярэдняй агульнаадукацыйнай працоўнай палітэхнічнай школе з вытворчым навучаннем // Збор Законаў, Указаў Прэзідыума Вярхоўнага Савета БССР, пастаноў і распараджэнняў Савета Міністраў Беларускай ССР. 1960. № 15. С. 415.

² Г.л.: ПА ІГП пры ЦК КПБ. Ф. 4, воп. 17, спр. 198, арк. 240.

³ Г.л.: Советская Белоруссия. 1961. 15 июня.

⁴ ЦДАКР БССР. Ф. 42, воп. 5, спр. 978, арк. 200.

⁵ Г.л.: Нарысы гісторыі народнай асветы і педагагічнай думкі ў Беларусі. Мінск, 1968. С. 535; ПА ІГП пры ЦК КПБ. Ф. 4, воп. 73, спр. 249, арк. 118.

⁶ Там жа. Арк. 138.

⁷ Там жа. Арк. 140.

⁸ Кр а с н о в а Н. Г. Партыйнае кіраўніцтва народнай асветы. Мінск, 1970. С. 155; К і с я л ё ў Р. Я. Школа Савецкай Беларусі. Мінск, 1968. С. 120.

І. І. ЭСМАНТОВІЧ

УДЗЕЛ КАМСАМОЛЬСКІХ АРГАНІЗАЦЫЙ ВЫШЭЙШЫХ НАВУЧАЛЬНЫХ УСТАНОЎ БЕЛАРУСІ Ў ПАВЫШЭННІ ВУЧЭБНАЙ АКТЫЎНАСЦІ СТУДЭНТАЎ (1961—1970)

Камсамол вышэйшых навучальных устаноў рэспублікі ў сваёй дзейнасці па павышэнню вучэбнай актыўнасці студэнтаў зыходзіць з таго, што працэс авалодання ведамі павінен ісці побач з працэсам камуністычнага выхавання (У. І. Ленін). У 60-я гады камсамольскія арганізацыі ВНУ Беларусі шмат увагі ўдзялялі пытанням падрыхтоўкі моладзі да атрымання вышэйшай адукацыі.

Пры ўдзеле камітэтаў камсамола на грамадскіх пачатках штогод правалі падрыхтоўчыя курсы, ствараліся рабфакі і сельфакі, арганізоўваліся сустрэчы студэнтаў і выкладчыкаў з моладдзю прадпрыемстваў, калгасаў і саўгасаў. Камітэты камсамола Беларускага інстытута інжынераў чыгуначнага транспарту, Мінскага педагагічнага інстытута імя М. Горкага практыкавалі накіраванне ў аддаленыя раёны агітбрыгад студэнтаў да прыцягнення моладзі на вучобу ў свае навучальныя ўстановы. У гродзенскіх інстытутах напярэдадні ўступных экзаменаў на грамадскіх пачатках дзейнічалі падрыхтоўчыя курсы для сельскай моладзі, рэкамендаванай райкомамі камсамола да паступлення ў ВНУ. Добра працаваў сельфак пры Гродзенскім сельскагаспадарчым інстытуце. Амаль усе, хто скончыў гэты факультэт, становіліся студэнтамі. ЦК ЛКСМБ ухваліў вопыт камсамольскай арганізацыі Гродзенскага педагагічнага інстытута па падбору моладзі і яе падрыхтоўцы да прыёму на вучобу. Калі ў 1961 годзе для паступлення ў вышэйшыя навучальныя установы Міністэрства вышэйшай, сярэдняй спецыяльнай і прафесійнай адукацыі БССР на грамадскіх пачатках было падрыхтавана ўсяго 855 чалавек, то за 1970 год толькі гродзенскія ВНУ падрыхтавалі для гэтай мэты 596 чалавек¹.

Асаблівы інтарэс выклікае даследаванне работы камсамольскіх арганізацый з першакурснікамі. Камітэты камсамола дапамагалі ўчарашнім абітурыентам у авалодванні фермамі вучобы ў вышэйшых навучальных установах. З гэтай мэтай практыкавалася замацаванне аспірантаў, старшакурснікаў за групамі студэнтаў першых курсаў, праводзіліся гутаркі па метадыцы работы з навуковай літаратурай, першакрыніцамі. Вялікую ўвагу рабце з першакурснікамі ўдзялялі камсамольскія арганізацыі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Беларускага дзяржаўнага інстытута народнай гаспадаркі, дзе праводзіліся гутаркі «Аб самастойнай рабце студэнта», «Як працаваць над кнігай», «Аб рабце над «Капіталам» К. Маркса». Праводзіліся сустрэчы першакурснікаў з выдатнікамі вучобы, камсамольскім актывам, на якіх студэнты старэйшых курсаў дзяліліся вопытам арганізацыі самастойнай працы. Усе гэтыя формы садзейнічалі паляпшэнню паспяховасці першакурснікаў і жучэйшай іх адаптацыі ў ВНУ.

Мэтанакіраваную работу з першакурснікамі праводзіў камітэт камсамола Мінскага медыцынскага інстытута сумесна з кафедрай нармальнай анатоміі. Выкладчыкі кафедры ўдзельнічалі ў групавых сходах, паслджэннях камсамольскіх бюро, што становіцца адбілася на вучобе. Большасць студэнтаў

першага курса ў вясеннюю сесію 1960/61 навучальнага года паказала добрыя веды.

Аднак у некаторых ВНУ работа з першаккурснікамі часта вялася фармальна. Так, недастаткова ўвагі рабоце ў групах па паляпшэнню паспяховасці і працоўнай дысцыпліны ўдзяляў камітэт камсамола Віцебскага медыцынскага інстытута, дзе па выніках вясенняй сесіі 1964/65 навучальнага года першы курс заняў апошняе месца. У шэрагу ВНУ выявіліся сур'ёзныя ўпушчэнні, звязаныя з аб'ектыўнымі цяжкасцямі: павелічэнне колькасці экзаменаў да пяці (раней было тры-чатыры), скарачэнне месэстра з прычыны пасылкі студэнтаў на сельгасработы, прыцягненні студэнтаў да рознага роду масавых гарадскіх мерапрыемстваў на шкоду вучобе (удзел у мітынггах, сходах, сустрэчах, у якасці гледачоў спартыўных спаборніцтваў і інш.).

Камсамольскія арганізацыі шмат увагі ўдзялялі павышэнню прэстыжу працы выдатнікаў, ленінскіх і імянных стыпендыятаў, іх ролі ў навучальна-выхаваўчай рабоце вышэйшых навучальных устаноў. Камітэты камсамола прымянялі разнастайныя формы заахвочвання выдатнікаў. У Беларускім політэхнічным інстытуце яны атрымлівалі «Бilet выдатніка БП», які даваў рад ільгот. Праводзіліся злёты выдатнікаў вучобы. На іх лепшыя студэнты дзяліліся вопытам работы, расказвалі аб сваіх таварышах па вучобе, намячалі шляхі павышэння якасці ведаў. У 60-я гады ў рэспубліцы правядзенне злётаў выдатнікаў, вечароў стала традыцыяй. На злётах прымаліся звароты іх удзельнікаў да ўсіх студэнтаў—павышаць узровень ведаў і адказнасць за вучобу.

Аднак шмат вышэйшых навучальных устаноў недастаткова выкарыстоўвалі вопыт лепшых студэнтаў. Калі ў Мінскім медыцынскім інстытуце 65 % выдатнікаў працавалі са студэнтамі малодшых курсаў, з адстаючымі студэнтамі, то ў Беларускай сельскагаспадарчай акадэміі, Гомельскім педагагічным інстытуце такая дапамога была арганізавана толькі на асобных факультэтах².

Адна з важных форм засваення ведаў — самастойная работа студэнтаў. Камітэты камсамола ставілі перад сабой задачу выхаваць у маладых людзей звычку самастойнага аналізу з'яў, творчага засваення і пераапрацоўкі матэрыялу, атрыманага на лекцыі, работы з вучэбнай і навуковай літаратурай. Найбольшы эффект дала сумесная работа камітэтаў камсамола і кафедр. Так, у Беларускай сельскагаспадарчай акадэміі ў цесным супрацоўніцтве камітэта камсамола і кафедр рэгулярна праводзіліся кантрольныя работы і калектывумы. Вынікі калектывумаў шырока абмяркоўваліся на груповых камсамольскіх сходах, асвятляліся ў насценным друку. У Беларускім дзяржаўным універсітэце імя У. І. Леніна практыкавалася такая форма кантролю за самастойнай работай студэнтаў, як іх справаздачы на сумесных пасяджэннях кафедр і камітэтаў камсамола. Такі кантроль садзейнічаў атрыманню поўнага ўяўлення аб рабоце студэнтаў, дазваляў своечасова выявіць недахопы і ліквідаваць іх. У 1970 годзе вопыт работы кафедры гісторыі КПСС гуманітарных факультэтаў Белдзяржуніверсітэта Міністэрствам вышэйшай і сярэдняй спецыяльнай адукацыі СССР быў прызнаны вартым заахвочвання і распаўсюджвання. ВДНГ СССР, удзельнікам якой была кафедра, узнагародзіла яе сярэбраным медалём.

Сумесная дзейнасць камітэтаў камсамола і кафедр спрыяла павышэнню цікавасці студэнтаў да вучэбна-пазнавальнай дзейнасці, да вывучэння спецыяльных і сацыяльна-эканамічных дысцыплін, паляпшэнню іх паспяховасці. У Мінскім педагагічным інстытуце, медыцынскім інстытуце, Белдзяржуніверсітэце, Гомельскім педынстытуце, Беларускай сельскагаспадарчай акадэміі праводзіліся пасяджэнні кафедр з удзелам камсамольскага актыву груп. На пасяджэннях кафедр рэгулярна абмяркоўваліся праблемы павышэння ўзроўню выкладання, паляпшэння падрыхтоўкі студэнтаў да заняткаў, арганізацыі дапамогі студэнтам у вучобе і павышэнню патрабавальнасці да іх.

Аднак у супрацоўніцтве камітэтаў камсамола і кафедр назіраліся істотныя недахопы. На кафедрах большасці вышэйшых навучальных устаноў не вызначаліся аб'ём матэрыялу, рэкамендаванага да самастойнага вывучэння, не было ліквідавана дубліраванне праграм, што павялічвала нагрузку студэнтаў. Камсамольскія арганізацыі некаторых вузаў недастаткова кантралявалі самастойную работу студэнтаў, спадзяваючыся на кафедры.

Пеўную работу па павышэнню якасці ведаў у ВНУ праводзілі створаныя пры камітэтах камсамола, факультэтах, курсах акадэмічныя камісіі і сектары. Камісіі праводзілі рэйды праверкі наведвання заняткаў, сачылі за па-

спяховасцю студэнтаў, аказвалі дапамогу адстаючым. У час экзаменацыйных сесій акадэмічныя камісіі вялі экраны паспяховасці, высвятлялі прычыны няўдалай здачы экзаменаў і прымалі меры да выпраўлення становішча, адлюстроўвалі ў насценным друку вопыт перадавых груп і меры да неспяхавоўных студэнтаў.

Добра была пастаўлена работа акадэмічнай камісіі Беларускага політэхнічнага інстытута, якая мела шырокія правы. Камісія кантралявала загрузанасць студэнтаў вучэбнымі заняткамі. У выпадку перавышэння ўстаноўленых норм яна дабівалася перагляду вучэбных планаў. Напрыклад, было ўстаноўлена, што некаторыя кафедры перагружаюць студэнтаў графічнай работай. Па хадайніцтву камітэта камсамола, пры якім працавала акадэмічная камісія, гэтыя недахопы былі ліквідаваны³.

Вялікае значэнне рабоце акадэмічных камісій надаваў камітэт камсамола Мінскага радыётэхнічнага інстытута. На пасяджэннях бюро, пленумах камітэта камсамола, на пасяджэннях бюро факультэцкіх камсамольскіх арганізацый слухаліся справаздачы акадэмічных камісій. Камісіі займаліся ліквідаваннем недахопаў у ходзе арганізацыі вучэбнага працэсу (распрацоўвалі расклады заняткаў, залікаў і экзаменаў, уносілі прапановы па выкладанню асобных курсаў і інш.)⁴.

Нягледзячы на разнастайныя формы і метады работы акадэмічных камісій, яны не змаглі дамагчыся становішча, каб кожны, хто меў запазычанне, адчуў сілу грамадскага і адміністрацыйнага ўздзеяння; мала праводзілі прафілактычную работу на факультэтах, у групах, не змаглі дайсці да кожнага студэнта. Меры спаганання, якія выкарыстоўвалі камісіі, часта не адзначаліся гібкасцю, нярэдка яны зводзіліся да адміністрацыйных пакаранняў, недастаткова выкарыстоўваліся метады камсамольскага ўздзеяння. Члены акадэмічных камісій і камсамольскіх бюро рэдка праводзілі абмеркаванні вынікаў праверак, у групах не аналізаваліся прычыны нізкай паспяховасці і пропуску заняткаў. Недастаткова папулярываваўся і выкарыстоўваўся вопыт выдатнікаў, лепшых груп, яны мала прыцягваліся да работы ў акадэмічных камісіях.

Паўную ролю ў паляпшэнні якасці навучальнага працэсу сыгралі камсамольскія актыўныя вышэйшых навучальных устаноў, камуністы, якія сваім прыкладам накіроўвалі астатніх студэнтаў. Большасць камуністаў Беларускага ўніверсітэта, Беларускага інстытута інжынераў чыгуначнага транспарту, Беларускага політэхнічнага інстытута, Віцебскага педагагічнага інстытута былі прыкладам у вучобе і грамадскім жыцці. Некаторыя былі Ленінскімі і імянымі стыпендыятамі⁵.

Аднак не ва ўсіх ВНУ камуністы былі наперадзе. Шмат камуністаў-студэнтаў Беларускай сельскагаспадарчай акадэміі, Мінскага медыцынскага інстытута, Віцебскага ветэрынарнага інстытута прапускалі заняткі, не працягвалі ініцыятывы і патрабавальнасці да сябе і іншых. Такое становішча звычайна тлумачылася тым, што большасць камуністаў прыходзіла з вытворчасці і мела вялікі разрыў у вучобе, а ў ВНУ, як правіла, ніякай метадычнай работы з гэтай катэгорыяй студэнтаў не праводзілася.

Аналіз дзейнасці камсамола па развіццю вучэбнай актыўнасці студэнтаў паказвае, што ў 60-я гады ў ВНУ рэспублікі ішоў пошук форм і метадаў работы, якія павысілі б якасць падрыхтоўкі спецыялістаў. Гэты вопыт абагульняўся на рэспубліканскіх семінарах сакратароў камітэтаў камсамола вышэйшых навучальных устаноў. Далейшае распаўсюджванне вопыта работы лепшых ВНУ залежыла і ад асобы сакратара камітэта камсамола. Але з-за частай змены сакратароў (у Беларускім інстытуце інжынераў чыгуначнага транспарту, Мазырскім педагагічным інстытуце і шэрагу іншых ВНУ у другой палове 60-х гадоў сакратары камсамольскіх арганізацый змяняліся практычна штогод) вопыт камсамольскай работы не становіўся набыткам шырокага камсамольскага актыву. На жаль, так застаецца і зараз.

Узрастаючы ўзровень задач вышэйшай школы настойліва патрабуе паляпшэння ўсёй работы і ад камсамола. Павышэнне ролі камсамола ў справе падрыхтоўкі і выхавання высокакваліфікаваных спецыялістаў на сучасным этапе немагчыма без далейшага ўдасканалвання форм і метадаў работы камсамольскіх арганізацый ВНУ, без шырокай інфармаванасці аб іх дзейнасці.

¹ ПА ІГП пры ЦК КПБ. Ф. 63, воп. 7, спр. 213, арк. 30.

² Гл.: Советский медик. 1970. 30 апреля; ПА Гомельскага АК КПБ. Ф. 8382, воп. 1, спр. 9, арк. 60; ПА Магілёўскага АК КПБ. Ф. 5719, воп. 1, спр. 60, арк. 37.

³ ПА ГПП пры ЦК КПБ. Ф. 63, воп. 44, спр. 20, арк. 22.

⁴ Там жа. Арк. 5.

⁵ ЦДАКР БССР. Ф. 1220, воп. 1, спр. 152, арк. 131; Сигнал. 1964. 16 мая; Советский инженер. 1966. 28 окт.; ПА Віцебскага АК КПБ. Ф. 3095, воп. 1, спр. 59, арк. 61; Ф. 1430, воп. 1, спр. 59, арк. 84.

П. І. ГАРБУЛЬ

**ПРАПАГАНДА ДРУКАМ РЭСПУБЛІКІ
НАВУКОВА-ТЭХНІЧНАГА ПРАГРЭСУ
Ў ПРАМЫСЛОВАСЦІ (1983—1989)**

Ажыццяўленне курса партыі на ўсебаковую інтэнсіфікацыю эканомікі ў значнай ступені залежыць ад магчымасцей навукова-тэхнічнага прагрэсу (НТП). «У якасці галоўнага рычага ў інтэнсіфікацыі народнай гаспадаркі, — указваецца ў рэзалюцыі XXVII з'езда КПСС па Палітычнаму дакладу ЦК КПСС, — партыя выступае кардынальнае паскарэнне навукова-тэхнічнага прагрэсу, шырокае ўкараненне тэхнікі новых пакаленняў, прынцыпова новых тэхналогій, якія забяспечваюць найвышэйшую прадукцыйнасць і эфектыўнасць»¹. Размова ідзе не аб эвалюцыі, не проста аб паскарэнні НТП, а аб рэвалюцыйным, кардынальным яго паскарэнні. Ён разглядаецца не як самамэта, а як сродак тэхнічнага пераўзбраення ўсяго гаспадарчага комплексу краіны.

У прымаемых раней дырэктыўных партыйных дакументах пастаянна падкрэслівалася вялікае значэнне НТП для сацыяльна-эканамічнага развіцця краіны і далейшага росту дабрабыту людзей, але не ўскрываўліся прычыны, якія перашкаджалі гэтаму развіццю. Так, у пастанове ЦК КПСС і Савета Міністраў СССР «Аб мерах па паскарэнню навукова-тэхнічнага прагрэсу ў народнай гаспадарцы» (1983) і пастанове ЦК КПБ і Савета Міністраў БССР па гэтаму пытанню ўказвалася на неабходнасць прыняцця новых мер у мэтах больш прадуктыўнага развіцця навукова-тэхнічнага патэнцыялу краіны і рэспублікі². Але грунтоўнага, крытычнага аналізу ўсёй сукупнасці прычын замаруджвання НТП не было, з поля зроку, у тым ліку і журналістаў, выпадалі важныя аспекты рэальнай дзейнасці. Не атрымалі дастатковага арганізацыйнага падмацавання і прапановы па паскарэнню НТП, якія абвясчаліся з высокіх трыбун.

Такое становішча патрабавала карэнных змяненняў. На нарадзе ў ЦК КПСС па пытаннях паскарэння НТП (1985) была пастаўлена задача ажыццявіць пералом, разглядаць паскарэнне НТП як галоўны напрамак эканамічнай стратэгіі партыі, асноўны рычаг інтэнсіфікацыі ўсяго народнагаспадарчага комплексу. Вынікі нарады абмеркаваў сход партыйна-гаспадарчага актыву Беларусі, які распрацаваў і зацвердзіў канкрэтныя мерапрыемствы, накіраваныя на паскарэнне НТП у рэспубліцы. Рэдакцыям газет і часопісаў сход даручыў глыбока і ўсебакова асвятляць работу партыйных і працоўных калектываў па паскарэнню НТП, настойліва распаўсюджаць перадавы вопыт, узяць шэфства над распрацоўкай і ўкараненнем у практыку важнейшых навукова-тэхнічных навінак, весці сістэмны і няспынный грамадскі кантроль за рэалізацыяй устаноў партыі, востра крытыкаваць недахопы³.

Задачы друку, якія вынікаюць з рашэнняў сходу партыйна-гаспадарчага актыву, былі абмеркаваны ў пярвічных партыйных арганізацыях газет. Так, адкрыты партыйны сход пярвічнай партыйнай арганізацыі абласной газеты «Заря», разгледзеўшы пытанне аб прапагандзе НТП, паставіў глыбока аналізаваць і кваліфікавана асвятляць ход рэалізацыі планаў па НТП, весці шырокую прапаганду навінак вытворчасці, шукаць новыя формы падачы матэрыялу, умацніць крытыку недахопаў⁴.

Журналісты засяродзілі ўвагу на абмеркаванні шляхоў пераадолення недахопаў у развіцці і выкарыстанні дасягненняў НТП, разгледзе прычын, якія перашкаджаюць эфектыўнаму прымяненню тэхнічных новаўвядзенняў. Пераважаючы раней згладжаны падыход да складаных пытанняў НТП пры нярэдкаім замоўчванні рэальных цяжкасцей стаў выцясяняцца ўсё больш глыбокім, крытычным аналізам праблем і супярэчнасцей, якія назапасіліся за гады застою.

Распрацоўваючы тэму спалучэння дасягненняў навукі з вытворчасцю, друк галоўную ўвагу ўдзяляе стварэнню і ўкараненню новай тэхнікі, механізацыі і аўтаматызацыі вытворчасці, рэканструкцыі прадпрыемстваў, рас-

працоўцы прагрэсіўных тэхналогій і матэрыялаў, развіццю рацыяналізатарства і вынаходства, эфектыўнаму выкарыстанню абсталявання. На старонках газет і часопісаў з'явіліся спецыяльныя рубрыкі, прысвечаныя праблемам развіцця НТП у прамысловасці Беларусі: «Навука, тэхніка, вытворчасць», «Рабочай ініцыятыве — інжынерную падтрымку», «Курс — тэхнічны прагрэс», «Ручная праца — на плечы машын», «Новаму — дарогу», «НТП — аснова паскарэння» і інш.

Больш поўнаму і глыбокаму асвятленню ўсіх бакоў гаспадарчай дзейнасці прадпрыемстваў садзейнічала шэфства газет і часопісаў над важнейшымі будоўлямі, навуковымі распрацоўкамі, народнагаспадарчымі аб'ектамі рэспублікі. Так, газета «Звязда» шэфствавала над асваеннем магутнасцей вытворчага аб'яднання «Бабруйскшына» і рэканструкцыяй завода «Гомсельмаш», распрацоўкай і ўкараненнем новых матэрыялаў на аснове палімераў; часопіс «Народное хозяйство Белоруссии» — над асваеннем магутнасцей Мінскага гадзіннікавага завода, распрацоўкай і ўкараненнем штампаванага інструменту электра-каразійнымі метадамі фізіка-тэхнічным інстытутам АН БССР; «Магілёўская праўда» — над асваеннем магутнасцей вытворчага аб'яднання «Хімвалакно»; «Віцебскі рабочы» — над будаўніцтвам Віцебскага тэлевізійнага завода; лідская аб'яднаная газета «Уперад» — над рэканструкцыяй завода «Лідсельмаш»⁵. У адказ на рашэнні XXVII з'езда КПСС друк стаў шэфстваваць над ажыццяўленнем комплекснай навукова-тэхнічнай праграмы «Інтэнсіфікацыя». Газета «Звязда» сканцэнтравала сваю ўвагу на раздзелах «Праца» і «Матэрыялаёмістасць», а «Советская Белоруссия» — на выкананні праграм «Якасць», «Энергія», «Аўтаматызацыя». Выступленні прэсы дапамаглі чытачам не толькі ацаніць шырокія магчымасці праграма-мэтавага метаду планавання паскарэння НТП, але і актыўна ўключыцца ў ажыццяўленне канкрэтных праграм.

Сёння журналісты не абмяжоўваюцца папулярызацыяй навуковых дасягненняў, яны актыўна змагаюцца за паскарэнне тэмпаў НТП. Гэта выразна прасочваецца ў рабоце рэдакцыі газеты «Советская Белоруссия», якая з мэтай прыцягнення ўвагі чытачоў да праблем выкарыстання навукова-тэхнічных дасягненняў адкрыла рубрыку «Створана, выпрабавана, але... не ўкаранёна». У ёй у красавіку 1988 года была змешчана карэспандэнцыя «Як перамаглі «пабядзіт», апавядаючая аб распрацоўцы інстытутам фізікі цвёрдага цела і паўправаднікоў АН БССР звыштрывалага матэрыяла «белбор», які пераўзыходзіць па трываласці серыйна выпускаемы «пабядзіт». Ён можа з поспехам выкарыстоўвацца для вырабу рэжучага, буравога і іншага інструменту. Але, на жаль, гэты ўнікальны матэрыял з-за ведамаснай безадказнасці ў серыйнай вытворчасці не выкарыстоўваецца. У выніку распрацоўка, здольная прынесці шматмільённы эффект, ляжыць мёртвым грузам.

Беларуская ССР мае значныя дасягненні ў галіне навуковых даследаванняў. Аднак выкарыстоўваюцца яны далёка не поўнасцю. Выпадак з «белборам» не адзінкавы. Серыю малаадходных тэхналогій распрацаваў фізіка-тэхнічны інстытут АН БССР. Ліцэнзіі на іх набылі многія краіны. У самой жа рэспубліцы ўдзельная вага безадходных і малаадходных тэхналагічных працэсаў за 1986—1988 гады практычна не павялічылася і знаходзіцца на ўзроўні 17—18 %. Больш таго, у Брэсцкай, Гродзенскай, Мінскай абласцях і горадзе Мінску гэты паказчык знізіўся⁶.

Ажыццяўляючы ўстаноўку партыі на інтэнсіфікацыю вытворчасці, прэса не абыходзіць увагай і такі напрамак у развіцці НТП, як прапаганда і распаўсюджванне перадавых ідэй. Цікавы ў гэтых адносінах вопыт газеты «Звязда», на старонках якой у лютым 1989 года адкрылася новая рубрыка «Дзелімся ідэяй». У ёй змяшчаюцца карэспандэнцыі аб канструктарскіх прапановах, новых падыходах да работы, якія на практыцы даказалі сваю эфектыўнасць. У першым выпуску рубрыкі быў змешчаны матэрыял «Круглага стала», які адбыўся ў Магілёве. У ходзе пасяджэння «круглага стала» былі абмеркаваны пытанні актывізацыі дзейнасці наватараў і вынаходнікаў.

Адным з ключавых напрамкаў паскарэння НТП з'яўляецца комплексная механізацыя і аўтаматызацыя вытворчасці, рацыянальнае выкарыстанне абсталявання. Вядома, што ўзровень тэхнічнай аснашчанасці многіх прадпрыемстваў рэспублікі застаецца нізкім. Ручной працай у 1986 годзе ў прамысловасці быў заняты кожны трэці працуючы. Таму XXX з'езд Кампартыі Беларусі паставіў задачу ў дванадцатай пяцігодцы скараціць у параўнанні з 1985 годам колькасць рабочых, занятых ручной працай, на 14,3 %⁷.

Свой уклад у вырашэнне задачы механізацыі і аўтаматызацыі вытворчасці, поўнай загрузкі абсталявання ўносіць і прэса. Мэтанакіравана працу-

юць газеты «Звязда», «Советская Белоруссия», «Заря», «Гродненская правда», некаторыя шматтыражныя газеты. У свой час «Гродненская правда» апублікавала артыкул «Дзе «буксе» абсталыванне», у якім былі выяўлены прычыны нерытмічнай работы Смаргонскага ліцейна-механічнага завода. Асноўная з іх — прастоі абсталывання, якія і зрывалі выкананне вытворчых заданняў. Публікацыя была абмеркавана ў калектыве завода, распрацаваны меры па выпраўленню недахопаў. Усё гэта дазволіла ліквідаваць адставанне і выканаць план⁸.

Брэсцкая абласная газета «Заря» ў артыкуле «Сіла інерцыі» выявіла факты дрэннага выкарыстання на Баранавіцкім вытворчым баваўняным аб'яднанні сродкаў вылічальнай тэхнікі і друку на мабілізацыі працоўных на паскарэнне НТП пакуль недастаткова эфектыўныя. Гэта абумоўлена, з аднаго боку, нізкай успрымальнасцю вытворчасці да тэхнічных новаўвядзенняў. На практыцы назіраецца супрацьстаянне плана выпуску прадукцыі і развіцця НТП. Каб асвоіць новую прадукцыю, укараніць новы метады або новую тэхналогію, неабходна рэарганізаваць вытворчасць, а гэта адбіваецца на выкананні плана. Да апошняга часу практычна паралельна дзейнічалі два планы, арганічна не звязаныя паміж сабой. Адзін, у прамысловасці, нацэлены на рост вытворчасці, другі, у навуцы, накіраваны на паскарэнне НТП. Ліквідуючы гэту супрацьлегласць, партыя намеціла комплекс мер, накіраваных на ўзмацненне сувязі навукі з вытворчасцю, стварэнне такіх арганізацыйных форм навукі, тэхнікі і вытворчасці, якія дазваляюць забяспечыць хуткае праходжанне навуковых ідэй ад зараджэння да прымянення на практыцы і садзейнічаюць павышэнню ўспрымальнасці эканомікі да дасягненняў НТП. У гэтым напрамку арыентауюць народную гаспадарку прынятыя ЦК КПСС і Саветам Міністраў СССР пастанова «Аб шырокім распаўсюджванні новых метадаў гаспадарання і ўзмацнення іх уздзеяння на паскарэнне навукова-тэхнічнага прагрэсу» і адобраная чэрвеньскім (1987) Пленумам ЦК КПСС радыкальная рэформа кіравання эканомікай краіны.

Пры асвятленні праблем НТП прэса па-ранейшаму аддае перавагу вытворчым і тэхналагічным аспектам, не ўвязваючы іх з чалавечым фактарам, што значна зніжае дзейнасць яе выступленняў. Нярэдка журналісты абмяжоўваюцца павярхоўнай інфармацыяй, дэкларатываўнай прапагандай або празмерна захапляюцца тэхналагізмам, што ўскладняе ўспрыманне публікацый.

Асобныя рэдакцыі недастаткова выкарыстоўваюць магчымасці друку для ўстанаўлення грамадскага кантролю за ўкараненнем дасягненняў навукі і тэхнікі ў вытворчасць. Некаторыя рэдакцыйныя калектывы не зжылі заганную практыку падыходу да НТП, як да чарговай кампаніі. Нават рэспубліканскія газеты «Звязда» і «Советская Белоруссия» ў апошні час рэдка асвятляюць рэалізацыю навукова-тэхнічнай праграмы «Інтэнсіфікацыя», над якой яны шэфствуюць. Нярэдка газеты ідуць не ўперадзе жыцця, а крочаць за ім, фіксуючы з'явы, падзеі, не ўнікаючы ў сутнасць іх прычынна-выніковых сувязей. Часта глыбокі аналіз негатывных з'яў у рабоце прадпрыемстваў па ўкараненню дасягненняў НТП падмяняецца крытыкай прыватных недапрацовак, што значна зніжае ўзровень абгугльненняў, не дае цэльнага малюнку стану вытворчасці. Не заняло вядучага месца ў дзейнасці друку асвятленне работы прадпрыемстваў тых галін, якія вызначаюць характар НТП. Асобныя газеты захапляюцца публікацыяй матэрыялаў рэядаў, якія не патрабуюць глыбокага асэнсавання, у шкоду праблемам, аналітычным выступленням. У практыцы работы некаторых рэдакцый адсутнічае сістэмнасць у прапагандзе і ўкараненні ў вытворчасць перадавых тэхнічных распрацовак.

Друк, закліканы быць памочнікам партыі ў паскарэнні НТП, крыніцай інфармацыі аб перадавым вопыце, павінен дапамагаць знаходзіць правільныя вырашэнні пастаўленых жыццём задач, адстойваць і зацвярджаць пазітывныя тэндэнцыі, рашуча пераадоўваць усё, што перашкаджае перабудове.

¹ Матэрыялы XXVII з'езда КПСС. Мінск, 1986. С. 121.

² Гл.: КПСС в резолюциях... Т. 14. С. 458 і далей; ПА ІПП пры ЦК КПБ. Ф. 4, воп. 150, спр. 103, арк. 39—48.

³ Гл.: Советская Белоруссия. 1985. 30 июня.

⁴ ПА Брэскага АК КПБ. Ф. 62, воп. 1, спр. 43, арк. 35—39.

⁵ ПА ІГП пры ЦК КПБ. Ф. 4, воп. 133, спр. 50, арк. 14, 16; ПА Гродзенскага АК КПБ. Ф. 3, воп. 57, спр. 8, арк. 136.

⁶ Гл.: Советская Белоруссия. 1989. 31 января.

⁷ Гл.: Матэрыялы ХХХ з'езда КПБ. Мінск, 1986. С. 65.

⁸ Гл.: Гродненская правда. 1984. 27 ноября; 1985. 23 января.

⁹ Гл.: Заря. 1986. 21 октября; ПА Брэскага АК КПБ. Ф. 7042, воп. 4, спр. 2, арк. 111—112.

Ю. М. МОРОЗ

АНГЛО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ 1907—1914 ГОДОВ В ОЦЕНКЕ БУРЖУАЗНО-ЛИБЕРАЛЬНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ РОССИИ

После поражения России на Дальнем Востоке в войне 1904—1905 годов главным объектом ее империалистической внешней политики стал Балканский полуостров. Но русская буржуазия понимала, что любая активизация усилий в этом направлении грозит столкновением (дипломатическим или военным) с Германией или Австро-Венгрией, а франко-русский союз из-за ослабления России и увеличения мощи центральных держав уже не может гарантировать успеха в случае конфликта.

Естественным противовесом усилению позиций германского империализма на Ближнем и Среднем Востоке, а следовательно, и потенциальным союзником России была Великобритания, несмотря на имеющиеся между ними противоречия в Азии. Считая, что на данный момент интересам государства «гораздо более отвечает дружеская связь с Англией, чем всякая иная политика»¹, русская буржуазия пыталась убедить царское правительство в необходимости сотрудничества с лондонским кабинетом.

Подписанное в 1907 году англо-русское соглашение и состоявшееся годом позднее Ревельское свидание монархов двух держав вызвали единодушное одобрение буржуазно-либеральной прессы. Журнал «Русская мысль», орган правого крыла партии кадетов, наиболее полно отражал интересы буржуазии и потому считал сближение России с Англией жизненно необходимым. Ведущие авторы журнала утверждали, что это сближение будет способствовать усилению русского влияния на Балканах и проведению более самостоятельной политики по отношению к Германии, кроме того, оно гарантирует безопасность на Дальнем Востоке (поскольку Япония — союзник Англии), значительно смягчит остроту англо-русского соперничества в Азии и предоставит России реальные выгоды в Персии. Отмечалось также, что теперь внешнеполитические отношения позволят российской экономике рассчитывать на «два крупнейших в мире рынка капиталов» (французский и английский) и что экономическое сотрудничество с Англией благоприятно скажется на состоянии русской промышленности.

Боснийский кризис 1908—1909 годов оказался первой серьезной проверкой нового курса внешней политики России. «Русская мысль» довольно чувствительно отнеслась к дипломатическому поражению Петербурга. Л. Гальберштадт считал, однако, что «нельзя сваливать нашу неудачу ни на тройственное соглашение, ни на дипломатию вообще», ибо государство оказалось перед угрозой вооруженного столкновения с центральными державами. Война же в условиях явной неподготовленности России и отсутствия строго союзных обязательств в отношениях с Англией могла, по словам видного теоретика кадетской партии П. Струве, отбросить страну «назад в XVII век» и низвести «на ту ступень, которую она занимала до великой северной войны»². Чтобы проводить более энергичную политику, не опасаясь подобной перспективы, С. Котляревский предлагал использовать англо-русское соглашение для создания «нового тройственного союза», хотя и понимал, что время для этого еще не пришло. Согласно его утверждению, отсутствие военно-политического договора с Англией было одной из главных причин той ситуации, которая сложилась в период Боснийского кризиса³.

Наряду с этим на страницах журнала высказывались соображения относительно того, что царской дипломатии не следует дорожить соглашением 1907 года только «ради него самого» и идти «на поводу у англичан»⁴. Сближение с Англией русская буржуазия стремилась использовать прежде всего в своих собственных интересах, как, например, во время начавшейся осенью

1912 года войны Балканского союза с Турцией. Заявляя, что «на Балканах теперь творится и завершается русское дело»⁵, кадеты надеялись «урвать куш» «с поддержкой буржуазии французской и английской»⁶. Однако итоги событий 1912—1913 годов не оправдали возлагавшихся надежд, и обозревателям журнала пришлось признать, что усилия петербургской дипломатии не нашли в этот период должной поддержки, так как на Ближнем Востоке русские интересы не совпадают полностью с интересами Англии и Франции. Вместе с тем последующие события (в особенности миссия Лимана Сандерса в Турции) заставили «Русскую мысль» вновь в полный голос заговорить о необходимости тесного взаимодействия с британским правительством.

Персия занимала важное место в отношениях Лондона и Петербурга. Журнал придерживался позиции, что России в своей иранской политике не стоит слишком полагаться на сотрудничество с Великобританией. Л. Гальберштадт, например, подчеркивал, что, несмотря на соглашение, торговая конкуренция двух держав в Персии по-прежнему сохраняется. Поэтому Англия, склонная нередко закрывать глаза на русское вмешательство в иранские дела, «ничего не теряет от появления в Персии враждебных к России чувств» и от бойкота русских товаров. Но если Л. Гальберштадт видел выход в проведении более либеральной политики в Иране, то Г. Трубецкой предлагал склонить Англию к «дружескому пересмотру» условий соглашения 1907 года, предоставив ей гарантии «земельной неприкосновенности» и получив взамен полную «свободу действий для обеспечения наших интересов в признанном ею районе»⁷.

Начавшаяся в августе 1914 года империалистическая война потребовала осмысления предшествовавших ей событий. Эту задачу взял на себя П. Струве. В статье «Суд истории» он дал понять, что русская буржуазия предвидела возможность развязывания войны и готовилась к столкновению со своими противниками, рассчитывая, что участие Англии в совместной борьбе против германского блока будет главной гарантией военного успеха. Автор статьи отмечал также, что ослабление Российской империи и усиление Германии заставили лондонское правительство в 1907 году пересмотреть свое отношение к России, но англо-русский антагонизм «не исчез совершенно». Незнание англо-русских взаимоотношений, считал П. Струве, вводила в заблуждение немецких политиков, которые надеялись, что Англия в конфликте останется нейтральной, ограничившись «вмешательством при дележе» трофеев. Но вопреки этим прогнозам Великобритания вступила в войну на стороне России.

Основными факторами, предопределившими именно такую расстановку сил, П. Струве считал наличие серьезных англо-германских и русско-германских противоречий наряду с происходившим в предвоенные годы сближением позиций Англии и России⁸.

Журнал «Вестник Европы» отстаивал выгодный буржуазии внешнеполитический курс зачастую даже более энергично, нежели «Русская мысль». Так, при оценке итогов Боснийского кризиса всю вину за неудачу журнал возложил на царскую дипломатию, не сумевшую, по его мнению, опереться на своих западноевропейских друзей в противовес давлению Вены и Берлина⁹. Подобные рассуждения характерны и для комментариев Цотсдамского соглашения, балканских событий 1912—1913 годов и миссии Лимана Сандерса. Не одобрял «Вестник Европы» и деятельности царизма в Персии. Выражая удовлетворение в тех случаях, когда удавалось действовать в согласии с Англией, либералы критиковали половинчатую политику царского правительства, результатами которой, по их словам, были «усиление анархии и антирусской агитации в Персии» и возбуждение недоверия в английском общественном мнении. «Вестник Европы» предлагал выбрать один из двух вариантов решения иранского вопроса: или предоставить правительству Персии самому навести в стране порядок, необходимый для обеспечения русских торговых интересов, или же «откровенно приступить к военной оккупации» северной части страны, заключив новое соглашение с Англией¹⁰.

Большое внимание уделял журнал анализу экономической стороны англо-русского сближения. Утверждалось, например, что прилив капитала из Англии и Франции способствует успешному развитию русской промышленности. Кроме того, «Вестник Европы» с удовлетворением констатировал, что в результате сотрудничества с Великобританией Россия приобрела ряд преимуществ в международной торговле. Вместе с тем либералы не желали, чтобы англичане, пользуясь инертностью русских предпринимателей, занимались благоустройством окраин России. Журнал также рекомендовал правительству воздерживаться от новых займов, поскольку финансовая зависи-

мость от западноевропейских держав могла помешать проведению самостоятельной внешней политики и втянуть страну в разного рода осложнения.

В связи с этим следует отметить, что в ряде случаев определенная часть буржуазно-либеральных кругов критически относилась к действиям своих западных друзей. Это было вызвано главным образом нежеланием «истощать народные средства» в войне за чужие интересы. Сказывалось и наличие англо-русских противоречий. Так, «Вестник Европы» осудил неуступчивую позицию британских политиков по отношению к их германским конкурентам, что вело к усилению гонки военно-морских вооружений. Указывалось также, что «Англия не имеет разумного основания претендовать на исключительное, привилегированное положение в мире»¹¹. Тем не менее журнал неустанно призывал правительство использовать союз с Францией и сближение с Англией для того, чтобы «ограждать свои особые интересы на Балканах»¹². Либералы даже опасались, что непоследовательная внешняя политика царизма (в частности, попытки договориться по отдельным вопросам с Германией или Австро-Венгрией) может изолировать страну, в то время как ей необходимо дружеское расположение Лондона и Парижа. Но опасения были напрасны: в войне против центральных держав западные союзники были на стороне России. Вступление Англии в войну «Вестник Европы» назвал решающим фактором, поставившим страны германского блока в безвыходное положение.

¹ Русская мысль. 1912. Кн. 8. Отд. 2. С. 56.

² Там же. 1909. Кн. 2. Отд. 2. С. 199; Кн. 6. Отд. 2. С. 224.

³ Там же. 1910. Кн. 1. Отд. 2. С. 161; 1911. Кн. 2. Отд. 2. С. 215—216.

⁴ Там же. 1912. Кн. 1. Отд. 3. С. 23.

⁵ Там же. Кн. 12. Отд. 2. С. 156.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 149.

⁷ Русская мысль. 1909. Кн. 7. Отд. 2. С. 224; 1912. Кн. 1. Отд. 3. С. 20.

⁸ Там же. 1914. Кн. 8—9. Отд. 2. С. 170, 178—179; Кн. 10. Отд. 2. С. 171.

⁹ См.: Вестник Европы. 1910. Кн. 1. С. 398—399.

¹⁰ Там же. 1911. Кн. 12. С. 405; 1912. Кн. 1. С. 365.

¹¹ Там же. 1912. Кн. 1. С. 373.

¹² Там же. 1914. Кн. 6. С. 390.

Л. П. СТАНШЭЎСКАЯ

СУПРАЦОЎНІЦТВА БССР І НРБ У ГАЛІНЕ ТРАКТАРАБУДАВАННЯ

Савецка-балгарскае супрацоўніцтва ў аграпрамысловай сферы зарыентавана на максімальнае выкарыстанне пераваг міжнароднага сацыялістычнага раздзялення працы. Актыўным удзельнікам савецка-балгарскага супрацоўніцтва ў гэтай сферы з'яўляецца Беларуская ССР. Геаграфічная блізкасць рэспублікі да еўрапейскіх сацыялістычных дзяржаў, у тым ліку да Балгарыі, яе знаходжанне ў цэнтры інтэрацыйнага рэгіёну краін-членаў СЭУ, магутная прамысловая база, высокі навуковы патэнцыял, высокакваліфікаваныя кадры — усё гэта дазваляе Беларусі ўносіць значны ўклад у знешнеэканамічныя сувязі Савецкага Саюза. Рэспубліка займае вядучае месца ў развіцці сельскагаспадарчага і трактарнага машынабудавання, якое прадастаўлена 16 прадпрыемствамі. Асаблівае месца сярод іх займае вытворчае аб'яднанне «Мінскі трактарны завод імя У. І. Леніна». Яго дзешцішча — трактар «Беларусь» з'яўляецца сёння адным з лепшых у свеце ў сваім класе. Вытворчае аб'яднанне за год выпускае каля 100 тыс. энерганасычаных трактараў, 5 тыс. «дамашніх трактараў» — матаблокаў МТЗ-0,5¹. Сярод вытворчых аб'яднанняў краін СЭУ Мінскі трактарны завод з'яўляецца галаўным па распрацоўцы і стварэнню сямействаў сельскагаспадарчых машын з мадыфікацыямі для спецыяльных культур і асобных вытворчых зон.

На працягу амаль трох дзесяцігоддзяў МТЗ актыўна супрацоўнічае з Карлаўскім трактарным заводам (НРБ). Ужо ў пачатку 50-х гадоў трактары «Беларусь» МТЗ-2 і МТЗ-5 былі адпраўлены ў Балгарыю. На працягу 50—60-х гадоў БССР паставіла НРБ каля 15 тыс. машын або кожны шосты трактар, які працуе на палях краіны². У кастрычніку 1960 года Мінск наведала партыйна-урадавая дэлегацыя НРБ, якая звярнулася да калектыву МТЗ з просьбай узяць шэфства над трактарным заводам, што ўзводзіўся ў Карлаве. Ужо ў жніўні 1962 года група спецыялістаў МТЗ завяршыла мантаж абсталявання і дапамагла балгарсім калегам паскорана асвоіць тэхна-

логію вытворчасці новага тыпу трактара³. З таго часу вузы дружбы моцна злучылі калектывы абодвух заводаў. У 1962—1963 гадах некалькі груп спецыялістаў Карлаўскага завода вывучалі спецыфіку работы МТЗ. Беларускія трактарабудаўнікі, якія прыбылі летам 1963 года ў Карлава, аказалі дзейную дапамогу ў асваенні серыйнай вытворчасці колавага трактара «Балгар». Мінскія трактарабудаўнікі дапамаглі таксама калектыву КТЗ мадэрнізаваць вінаграднікавы трактар ТЛ-30 «Балгар». Пасля Карлаўскі трактарны завод атрымаў дакументацыю на вытворчасць трактараў Т-54В, распрацаваную Мінскім і Кішынёўскім заводамі, а ў 1969 годзе была асвоена серыйная вытворчасць трактараў «Балгар» МТЗ-50 і Т-54В⁴.

У 70-я гады МТЗ прыняў актыўны ўдзел у рэканструкцыі Карлаўскага завода для серыйнай вытворчасці трактараў «Беларусь» МТЗ-80. Беларускія трактарабудаўнікі перадалі балгарам тэхнічную дакументацыю на колавы ўніверсальны прапашны трактар. Па гэтай дакументацыі Карлаўскі завод пачаў у 1975 годзе выпуск новых трактараў. Гэта дазволіла наладзіць кааперыванне вытворчасці паміж падобнымі прадпрыемствамі. Так, ужо ў 1975 годзе МТЗ паставіў Карлаўскаму заводу 250 камплектаў вузлоў і дэталей для трактараў МТЗ-80 на суму 612 тыс. руб.; у 1976 годзе — 900 камплектаў на суму 2 млн. 200 тыс. руб.; у 1980 годзе — 3 тыс. камплектаў на суму 6 млн. 892 тыс. руб.; у 1984 годзе — 2400 камплектаў на суму 5 млн. 351 тыс. руб. У 1980 годзе КТЗ дасягнуў праектнай магутнасці выпуску машын: 7500 трактараў МТЗ-80 і 600 трактараў Т-54В⁵. Паміж заводамі рэгулярна заключаліся пагадненні аб навукова-тэхнічным супрацоўніцтве. У іх прадугледжваўся абмен вопытам і ўзаемнай інфармацыяй аб выконваемых работах, доўгатэрміновыя камандзіроўкі спецыялістаў МТЗ на Карлаўскі трактарны завод для аказання тэхнічнай дапамогі ў падрыхтоўцы і асваенні новых, больш дасканалых тэхналагічных працэсаў вытворчасці трактараў Т-54В і МТЗ-80, камандзіраванне розных спецыялістаў НРБ для навучання на МТЗ. Толькі ў перыяд рэканструкцыі КТЗ у Мінску прайшлі навучанне звыш 60 спецыялістаў і рабочых. Больш як 100 савецкіх працаўнікоў вытворчасці выязджалі ў Балгарыю, каб дапамагчы карлаўчанам у асваенні новага абсталявання. З сярэдзіны 70-х гадоў практыкуецца абмен рабочымі брыгадамі. У чэрвені 1977 года брыгада мінчан пабывала ў Балгарыі, а ў красавіку 1979 года балгарскія трактарабудаўнікі наведалі МТЗ. Да 1980 года навучанне і стажыроўку ў Мінску прайшлі амаль 600 рабочых і спецыялістаў з Карлава⁶. За гады супрацоўніцтва больш як 50 чалавек было камандзіравана ў Балгарыю з тэрмінам знаходжання да трох гадоў.

У лістападзе 1982 года Сафію наведаў міністр трактарага і сельскагаспадарчага машынабудавання СССР А. А. Яжэўскі. Балгары выказалі зацікаўленасць у наладжванні вытворчасці мадыфікацый трактара «Беларусь» МТЗ-82. У ходзе перагавораў была дасягнута дамоўленасць аб паглыбленні і пашырэнні інтэграцыйных працэсаў паміж Мінскім і Карлаўскім заводамі. Ужо ў лістападзе таго ж года ў Мінск прыбыла вялікая група балгарскіх спецыялістаў. Яны былі азнаёмы з канструкцыяй трактараў МТЗ-82Н (нізкаклірэнсны), МТЗ-82Р (рысаводчы) і МТЗ-82К (крутасхільны) і прынялі ўдзел у распрацоўцы паэтапнай праграмы наладжвання вытворчасці дадзеных трактараў на Карлаўскім заводзе. Акрамя гэтага, былі ўзгоднены формы і метады перадачы канструктарскай дакументацыі на КТЗ, правядзення выпрабаванняў новых тыпаў трактараў у БССР і НРБ, паставак камплектуючых вырабаў. 20—24 снежня 1982 года ў Карлава адбылася чарговая сустрэча спецыялістаў абодвух заводаў, на якой былі дэталёва абмеркаваны праблемы паглыблення супрацоўніцтва ў вытворчасці трактараў на КТЗ. У адпаведнасці з прынятымі рашэннямі МТЗ перадаў неабходную дакументацыю на трактары МТЗ-82Н, МТЗ-82Р і МТЗ-82К. Аднак рэалізацыя гэтых пагадненняў у перыяд «застою» ажыццяўлялася марудна і супярэчліва. Перабудова ў сферы эканомікі СССР і НРБ вылучыла ў парадак дня пытанне аб устанавленні цесных кантактаў на ўзроўні прадпрыемстваў. Кіруючыся рашэннямі XXVII з'езда КПСС і XIII з'езда БКП аб паскарэнні развіцця народнай гаспадаркі СССР і НРБ і павышэнні на гэтай аснове дабрабыту працоўных, урады Савецкага Саюза і Балгарыі 4 лістапада 1986 года падпісалі Пагадненне аб развіцці прамых вытворчых і навукова-тэхнічных кааперацыйных сувязей паміж савецкімі і балгарскімі аб'яднаннямі, прадпрыемствамі і арганізацыямі. У ім падкрэслівалася, што развіццё прамых сувязей з'яўляецца перадпасылкай для пераходу да больш дасканалых форм эканамічнай інтэграцыі — ажыццяўленню сумеснай гаспадарчай дзейнасці і стварэнню сумесных прадпрыемстваў, міжнародных аб'яднанняў і арганізацый.

У снежні 1986 года СССР і НРБ зацвердзілі Галіновую праграму эканамічнага і навукова-тэхнічнага супрацоўніцтва і кааперывання ў галіне трактарнага і сельскагаспадарчага машынабудавання да 2000 года⁷. У адпаведнасці з гэтай праграмай і ў мэтах аператыўнага рашэння пытанняў супрацоўніцтва і павышэння эфектыўнасці вытворчай і навукова-тэхнічнай дзейнасці 13 снежня 1986 года ВА «МТЗ» і Карлаўскі трактарны камбінат падпісалі Дагавор аб прамых вытворчых і навукова-тэхнічных кааперацыйных сувязях. Першы артыкул Дагавора прадугледжвае ўстанаўленне і ажыццяўленне прамых вытворчых і навукова-тэхнічных сувязей у развіцці вытворчасці трактараў класа 1,4 т, іх агрэгатаў і вузлоў. З гэтай мэтай ствараюцца сумесныя навукова-тэхнічныя калектывы, лабараторыі і аддзелы, канструктарска-тэхналагічныя бюро. Ажыццяўляецца сумесная працоўка навукова-тэхнічных праблем, рашэнне якіх будзе садзейнічаць павышэнню тэхнічнага ўзроўню вытворчасці, паскарэнню стварэння новых відаў машын і абсталявання, агрэгатаў, вузлоў і дэталей да іх і ўкараненню іх у вытворчасць⁸.

Падпісанне Дагавору аб прамых вытворчых і навукова-тэхнічных кааперацыйных сувязях паслужыла магутным стымулам для далейшага пашырэння і паглыблення кантактаў паміж МТЗ і КТК. Ужо ў студзені 1987 года адбыліся перагаворы па пытаннях навукова-тэхнічнага супрацоўніцтва і арганізацыі сумеснай вытворчасці трактараў МТЗ-82Р/82Н. Перагаворы завяршыліся падпісаннем Праграмы навукова-тэхнічнага і вытворчага супрацоўніцтва на 1987—1990 гады, якая прадугледжвала ўзмацненне гаспадарчага ўзаемадзеяння ВА «МТЗ» і КТК, падпісанне кантракту на перадачу Карлаўскаму трактарнаму камбінату камплекта канструктарскай дакументацыі на трактары МТЗ-82Н/82Р з уніфікаванай кабінай. Бакі разгледзелі прапановы па ўстанаўленню ўзаемавыгадных цэн на трактары МТЗ-82Н і МТЗ-82Р, якія выпускаюцца на КТК для патрэб сельскай гаспадаркі СССР, а таксама на камплектуючыя вырабы, пастаўляемыя ў НРБ. Бакі дамовіліся аб рэгулярным правядзенні сустрэч рабочых груп для рашэння вытворча-тэхнічных пытанняў супрацоўніцтва.

Аднак неабходна адзначыць, што гэта супрацоўніцтва яшчэ не поўнаасцю адказвае перспектывам, якія намеціліся. Камнем спатыкнення застаецца недасканаласць валютна-фінансавага механізму. Нярэдка з-за няўзгодненасці цэн зацягваюцца і нават зрываюцца ўзаемныя пастаўкі прадукцыі. Удасканальванню гандлёва-эканамічных, вытворчых і навукова-тэхнічных сувязей паміж БССР і НРБ садзейнічаў візіт у Балгарыю беларускай урадавай дэлегацыі ў верасні — кастрычніку 1988 года. У ходзе перагавораў бакі прыйшлі да вываду аб магчымасці пашырэння і паглыблення гандлёва-эканамічных, вытворчых і навукова-тэхнічных сувязей БССР і НРБ. Была адзначана неабходнасць актывізацыі работы па развіццю кааперацыі, стварэнню сумесных аб'яднанняў і прадпрыемстваў для рашэння важнейшых пытанняў эканамічных і вытворча-тэхнічных галін народнай гаспадаркі. У красавіку 1989 года падпісана пагадненне аб развіцці эканамічнага і навукова-тэхнічнага супрацоўніцтва паміж Беларускай ССР і НРБ на 1989—1995 гады і на перыяд да 2000 года. «Галоўнай мэтай Пагаднення, — гаворыцца ў § 1, — з'яўляецца актыўнае садзейнічанне далейшаму росту эфектыўнасці народнай гаспадаркі і павышэнню дабрабыту народаў Беларускай ССР і НРБ на аснове пашырэння ўзаемнага тавараабмену, развіцця спецыялізацыі і кааперывання вытворчасці, рацыянальнага выкарыстання вытворчых магутнасцей, працоўкі і ўкаранення высокаэфектыўных тэхналагічных працэсаў, машын, абсталявання і матэрыялаў, а таксама стварэння ўмоў для экспарту прадукцыі».

У Пагадненні вызначаны асноўныя напрамкі двухбаковага эканамічнага і навукова-тэхнічнага супрацоўніцтва. Сярод іх і такія, як павышэнне тэхнічнага ўзроўню, развіццё вытворчасці і ўзаемных паставак высокапрадукцыйнай сельскагаспадарчай тэхнікі, машын і абсталявання для перапрацоўчай прамысловасці, гандлю, грамадскага харчавання. У прыватнасці, прадугледжваецца ўдасканальванне канструявання, тэхналогіі вытворчасці і павышэнне надзейнасці колавых трактараў класа 1,4 т. Гэту тэму ў рамках прамых сувязей рашаюць ВА «МТЗ» і Карлаўскі трактарны завод⁹.

У заключэнне неабходна адзначыць, што нягледзячы на цяжкасці, з якімі даводзіцца сутыкацца беларускім і балгарскім трактарабудаўнікам, працэс іх супрацоўніцтва няспынна паглыбляецца і пашыраецца. Простыя формы супрацоўніцтва ўступілі месца больш складаным і эфектыўным, адкрываюцца новыя перспектывы для паскарэння працэсу сацыялістычнай

эканамічнай інтэграцыі. Устанаўленне і развіццё прамых сувязей паміж прадпрыемствамі і аб'яднаннямі дапаможа знайсці тыя эканамічныя рычагі, якія будуць стымуляваць збліжэнне гаспадарчых інтарэсаў непасрэдных вытворцаў. Гэта, у сваю чаргу, павінна садзейнічаць павышэнню якаснага і тэхнічнага ўзроўню спецыялізаванай прадукцыі, рэгулярнасці паставак, спыненню дубліравання выпуску машын і абсталявання, зацікаўленасці вытворцаў у абнаўленні прадукцыі і вывадзенні яе на ўзровень сусветных стандартаў.

¹ Гл.: Науменко В. Я., Жмойдяк Р. А. Сельское хозяйство Белоруссии. Минск, 1988. С. 22.

² Гл.: Звезда. 1969. 24 мая.

³ Гл.: Мельцер Д. Б. Белоруссия и Болгария: Дружба вечная, нерушимая. Минск, 1981. С. 235, 249.

⁴ Гл.: Трактор. 1969. 8 сент.; 1970. 18 марта.

⁵ Текущий архив Минского тракторного завода: Материалы отдела внешнеэкономических связей. Дело: Болгария (научно-техническое сотрудничество). Оперативная переписка. Л. 78.

⁶ Гл.: Лейкин Э. А. Дружба. Сотрудничество. Братство. Минск, 1983. С. 85; Леднева А. С. Интернациональные связи рабочего класса Белорусской ССР (1970—1987 гг.). Минск, 1988. С. 85.

⁷ Гл.: Косперативно село. София, 1986. 4 декември.

⁸ Текущий архив Минского тракторного завода: Материалы отдела внешнеэкономических связей. Дело: Сотрудничество с НРБ. Руководящая документация (1986—1987 гг.). Л. 101—106.

⁹ Гл.: Текущий архив Госагропрома БССР: Материалы отдела внешних связей. Дело: Научно-техническая программа НРБ — БССР. Л. 17.

И. М. МОРОЗОВ

ПОНЯТИЕ «БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ» В РАБОТАХ К. МАРКСА

Проблема бессознательного имеет многовековую историю. Однако в нашей философской литературе она лишь начинает разрабатываться. В этой связи возникает задача рассмотреть понимание бессознательного классиками марксизма, в частности К. Марксом. Прежде всего следует отметить, что термин «бессознательное» употребляется Марксом, начиная с первых его работ и кончая последними. Это свидетельствует о признании им реальности бессознательного.

В передовой статье 179 номера газеты «Kölnische Zeitung» Маркс пишет о бессознательном философствовании. «Вопрос не в том, — читаем мы в статье, — следует ли вообще философствовать о государстве, а в том, следует ли философствовать о нем... сознательно или бессознательно»¹. Под сознательным философствованием Маркс понимает рассуждения о государстве с заранее поставленной целью, в то время как бессознательное философствование о государстве — рассуждения о нем непреднамеренно, без определенной цели, походя.

В статье «Оправдание мозельского корреспондента» Маркс утверждает, что суждения человека могут носить то более, то менее, а то и вовсе бессознательный характер². Имеется в виду, что суждение человека может настолько затемняться соображениями частного интереса, что истинные мотивы высказывания остаются за пределами сознания.

Анализируя взгляды Гегеля на государство, Маркс в работе «К критике гегелевской философии права» употребляет следующее выражение: «Государство возникает из них (семьи и гражданского общества — И. М.) бессознательным и произвольным образом»³. Здесь Маркс, вслед за Гегелем, полагает, что государство возникает не как результат достижения сознательно поставленной людьми цели — образовать государство, а стихийно, бессознательно, хотя, разумеется, люди в своей повседневной деятельности руководствуются сознанием, стремятся к достижению определенных целей. Термином «бессознательное» в данном случае характеризуются действия людей, объективное содержание и отдаленные последствия которых ими не осознаются. Стремясь подчеркнуть значение бессознательного в суждениях и поведении людей, Маркс в этой работе, как и в ряде других, слово «бессознательное» в некоторых случаях дает курсивом.

В этой же работе можно прочесть: «...государственный строй есть с точки зрения закона (в иллюзии), но в действительности (поистине) он становится. По своему назначению он неизменен, но в действительности он изменяется, только это изменение совершается бессознательно, оно не имеет формы изменения. Видимость противоречит сущности. Видимостью тут является сознательно установленный закон государственного строя, а сущностью — его бессознательный закон...»⁴. Под бессознательным Маркс здесь понимает объективные, не зависящие от сознания людей и неосознаваемые ими общественные процессы.

А вот иная трактовка бессознательного, которая встречается на следующей странице той же работы: «Для того чтобы государственному строю изменения не были только навязаны, для того чтобы эта иллюзорная видимость не была, в конце концов, насильственно разбита, для того чтобы человек де-

лал сознательно то, что он обычно делает бессознательно, принуждаемый природой вещей,— необходимо, чтобы движение государственного строя, его прогрессивное движение, стало принципом государственного строя, следовательно, чтобы принципом государственного строя стал действительный носитель государственного строя — народ»⁵. Чуть дальше он говорит о бессознательном как о природном инстинкте общества к свободе, отождествляя тем самым бессознательное с инстинктивными устремлениями людей.

Диапазон содержания понятия «бессознательное» в работах Маркса довольно широк: это и общественные процессы, которые осуществляются вне сознания и воли людей; это и такие суждения и действия людей, истинные мотивы которых ими не осознаются; это и инстинктивное поведение людей.

Из содержания ранних работ Маркса совершенно отчетливо видно, что он находился под влиянием не только Гегеля, но и Шеллинга, важное место в философии которого занимало бессознательное. Поэтому необходимо рассмотреть трактовку бессознательного в работах зрелого Маркса, в частности в его главном труде — «Капитале».

Говоря о формулах нормы прибавочной стоимости, Маркс делает следующее замечание: «Мы находим их поэтому уже в классической политической экономии, правда, не в сознательно разработанном виде»⁶. Здесь бессознательное отождествляется с такими суждениями, которые возникают как побочный продукт целенаправленной сознательной деятельности в научном исследовании, т. е. как такой продукт, который играет в научном творчестве второстепенную роль и его без ущерба можно опустить, не принимать в расчет. Это не единственный случай, когда Маркс говорит о бессознательных компонентах научной деятельности. Например, он утверждает, что «...воззрение д-ра Прайса бессознательно проскальзывает у современных экономистов»⁷. Маркс говорит о политико-экономах, которые «не отдавая себе отчета, бессознательно и наивно принимают видимость, существующую в капиталистическом способе производства, за ее сущность»⁸. Рассматривая взгляды английского экономиста Джонса, он отмечает, что тот «...бессознательно выделяет те две формы, к которым сводится всякая прибавочная стоимость»⁹.

Бессознательное, по Марксу, это и непреднамеренная подмена одного вопроса другим, например, подмена некоторыми экономистами вопроса о стоимости рабочей силы вопросом о стоимости труда. «Этим вопросом,— пишет Маркс,— для политической экономии бессознательно был подменен первоначальный вопрос»¹⁰.

Рассматривая заработную плату как форму проявления цены рабочей силы, Маркс отмечает, что если первая непосредственно производится сама собой, то вторая может быть раскрыта лишь посредством научного исследования. И дальше делает такое замечание: «Классическая политическая экономия подходит очень близко к истинному положению вещей, но не формулирует его сознательно»¹¹.

Данное положение позволяет сделать следующий вывод: бессознательное ведет к сознанию, оно действует в том же направлении, что и сознание. Разумеется, это не происходит само собой, необходимы усилия со стороны познающего субъекта, направленные на все более глубокое исследование объекта. Эти усилия сопряжены с осознанием того, что уже сделано другими, но ими самими нередко не осознавалось. Так, Маркс пишет, например, что «...Бейли бессознательно нащупывает правильное возражение против Рикардо», что «...автор памфлета отличает общую форму прибавочного труда или прибавочной стоимости от их особых форм, что не делают Рикардо и А. Смит — по крайней мере не делают сознательно»¹².

Понятие «бессознательное» употребляется Марксом, как правило, рядом и наряду с категорией «сознание». Специфика бессознательного определяется его соотносительностью с сознанием, одно рассматривается в неразрывном единстве со вторым. Это позволяет утверждать, что понятие «бессознательное», как и понятие «сознание», имеет статус категории. Анализируя содержание понятия «бессознательное» в работах Маркса, следует, хотя бы самым кратким образом, остановиться на его работах, написанных совместно с Энгельсом.

В «Святом семействе» бессознательное отождествляется с непониманием. Маркс и Энгельс, например, пишут: «Прудон раз навсегда положил конец этой бессознательности»¹³, т. е. непониманию буржуазными экономистами бесчеловечности буржуазных экономических отношений. В «Немецкой идеологии» проскальзывает мысль о том, что научная задача может быть постав-

лена бессознательно, говорится о более или менее сознательном теоретическом обосновании идеологами эксплуататорских классов правомерности господства этих классов. В этой же совместной работе основоположников марксизма можно прочесть: «Словесный маскарад имеет смысл лишь тогда, когда он является бессознательным или сознательным выражением действительного маскарада»¹⁴.

Обобщая сказанное, можно констатировать следующее. У Маркса нигде не говорится о бессознательном как психических автоматизмах; он не сводит бессознательное к нейрофизиологическим механизмам, регулирующим поведенческую активность человека; не отождествляет сознание и психику; не утверждает, что признание реальности бессознательного (как психического феномена, влияющего на поведенческую, познавательную, творческую активность личности) означало бы снятие ответственности с людей за их поступки. С его точки зрения, бессознательное, хотя и представляет собой отличную от сознания субъективную реальность, но действует с ним в одном направлении; между тем и другим нельзя провести жесткой грани, так как бессознательное может переходить в сознание, принимая различную меру осознанности.

Если на основе анализа содержания понятия «бессознательное» в работах Маркса попытаться дать определение данному понятию (с учетом достижений современного знания по проблеме бессознательного), то оно может быть следующим. Бессознательное — один из двух, наряду с сознанием, диалектически взаимосвязанных уровней функционирования и развития психики человека, качественная специфика которого, по отношению к сознанию, состоит в том, что образ данной конкретной объективной ситуации и оценка этой ситуации субъектом в данный момент не выступают как предмет рефлексии последнего. В самом общем виде, бессознательное — это тот совокупный опыт субъекта, который в данный момент и в данной ситуации (сейчас и здесь) не осознается и, что не трудно понять, осознаваться не может. Однако весь прошлый опыт субъекта принимает участие в возникновении конкретного (здесь и сейчас) субъективного образования. Иначе и быть не может, ибо субъект несет в себе свою историю, и прошлое оказывает влияние на настоящее. Обосновать непрерывность и внутреннюю целостность психики можно только посредством признания реальности бессознательного психического и его тесной связи с сознанием.

Убедительным доказательством реальности бессознательного и его тесной связи с сознанием является память. Как отмечает Л. Ш. Парджанадзе, память представляет собой не что иное, как психическое содержание, сохраняемое в форме бессознательного психического¹⁵. Следует также согласиться и с А. С. Прангишвили в том, что сводить бессознательное к уровню физиологических процессов столь же неверно, как и сводить к этому уровню сознание¹⁶. Из того факта, что сознание возникает на физиологической основе, вовсе не следует, что оно к ней сводится. Если данное утверждение верно по отношению к сознанию, то в такой же мере оно верно по отношению к памяти и, таким образом, бессознательному. Рассуждать иначе, значит, считать мозг не только органом психической деятельности, но и его источником.

Примером и доказательством органического единства сознания и бессознательного является наша собственная речь. Совершенно очевидно, что мысль формируется раньше, чем произносится, заключается в материальную оболочку языка. Если бы мысль не существовала до начала речи, то процесс общения был бы просто невозможен. Даже не произнося первого слова, мы уже знаем, что будем говорить. И происходит это вовсе не потому, что человек, прежде, чем что-либо сказать, проговаривает это про себя. Как правило, речь носит спонтанный, т. е. в основе своей бессознательный характер. Именно бессознательное держит наготове необходимый, соответствующий ситуации и потребностям личности понятийный аппарат и, формируя суждение, поставляет в сознание понятия (слова), что предстает как процесс объективации и субъективации. Без учета диалектического единства бессознательного и сознания процесс речи (общения) следовало бы толковать как божественное чудо, мистический акт. Диалектико-материалистическое объяснение речевого процесса состоит в признании того факта, что и по существу, и по времени бессознательное в речевом процессе предшествует сознанию, что проблема суждения не сводится к проблеме высказывания, а проблема понятия не растворяется в проблеме термина.

Примером единства сознания и бессознательного являются познавательные процессы, процессы творчества. Исследователи, стремящиеся как можно

глубже проникнуть в сущность этих процессов, приходят к выводу, что бессознательное — необходимый и полноправный компонент познания и творчества.

В советской научной литературе проблема бессознательного плодотворно разрабатывается в рамках общепсихологической теории неосознаваемой психологической установки, у истоков которой стоит известный ученый Д. Н. Узнадзе. Он и его последователи предприняли попытку разработать концепцию единой системы отношений сознания и бессознательного психического в системе фундаментальных отношений личности. Исходное положение концепции заключается в следующем: ни общая теория бессознательного, ни общая теория сознания не могут быть построены, если брать каждое из этих образований человеческой психики в отдельности и вне их единой системы отношений.

Бессознательное и сознание — составные части единого, целостного образования, именуемого субъективной реальностью. Бессознательное — скрытая от субъекта в данный момент и в данной ситуации часть этой реальности, хотя ему и принадлежащая; сознание — раскрывающаяся ему здесь и сейчас часть субъективного мира. Первая значительно шире второй, потому что в каждый данный момент человеку открывается лишь маленькая толика его огромного внутреннего мира.

Бессознательное и сознание неразрывно связаны, взаимопредполагают и вместе с тем взаимоотрицают друг друга, т. е. они являют собой диалектические противоположности единой субъективной реальности. В соотношении бессознательного и сознания имеет место переход, перелив одного в другое. Разрыв бессознательного и сознания, их метафизическое противопоставление ведет к агностицизму, к пониманию бессознательного как непознаваемой, мистической реальности, что характерно для идеализма, или ведет к принижению роли бессознательного в поведении людей, а то и вовсе к его отрицанию, что характерно для метафизического материализма.

Трудно переоценить значение, которое имеет правильное решение проблемы соотношения бессознательного и сознания для теории и практики идеологического обеспечения перестройки. Отрицание или принижение роли бессознательного в поведении и деятельности людей может служить причиной малой эффективности принимаемых решений, получения иных, чем предполагалось, результатов, достижения иных, чем намечалось, целей.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 108.

² Там же. С. 204—205.

³ Там же. С. 223.

⁴ Там же. С. 282—283.

⁵ Там же. С. 284.

⁶ Там же. Т. 23. С. 540.

⁷ Там же. Т. 25. Ч. 1. С. 436.

⁸ Там же. Т. 26. Ч. 3. С. 284.

⁹ Там же. С. 415.

¹⁰ Там же. Т. 23. С. 548.

¹¹ Там же. С. 552.

¹² Там же. Т. 26. Ч. 3. С. 162; 26В.

¹³ Там же. Т. 2. С. 35.

¹⁴ Там же. С. 410.

¹⁵ См.: Парджанадзе Л. Ш. Память и бессознательное // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. Тбилиси, 1985. Т. 4. С. 291.

¹⁶ См.: Прангшвилл А. С. Установка как неосознаваемая основа психического отражения // Там же. С. 17.

Е. Г. КИРИЧЕНКО

ГИПОТЕЗА В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

В исследовании методологических проблем социального познания существует серьезное отставание, ждут разрешения многие спорные вопросы, среди которых проблема гипотезы как формы развития социогуманитарных наук требует реабилитации своего гносеологического статуса.

Интерес к данной проблеме объясняется необходимостью разработки теоретико-методологического инструментария для исследования социальных объектов. Поиск таких теоретических средств становится сейчас действительно актуальной задачей, ибо обществу необходимо адекватное отражение

и объяснение социального бытия в познавательных формах, обоснованное прогнозирование динамики социальных ситуаций.

Одной из таких важных форм развития научного знания является гипотеза, представляющая собой предположение, основанное на предшествующем знании или на совокупности имеющихся данных и выдвигаемое в целях объяснения свойств, причин, закономерностей развития явлений объективной действительности, предсказания новых, неизвестных фактов.

В советской философской литературе гносеологическая проблематика построена в основном на материале естественных наук, не является исключением и проблема гипотезы. Анализ же специфики и функций гипотезы в социальном познании носит фрагментарный характер. Долгое время в социальных науках даже термин «гипотеза» употреблялся достаточно редко, в основном применительно к эмпирическому уровню исследования. Это было связано с положением дел в общественном знании в целом.

Крайний ригоризм убеждений, абсолютизация результатов познания, нетерпимость к установкам других школ, единомыслие, отсутствие острых дискуссий — все это явилось причиной догматизма, стагнации в социальном познании. Именно поэтому и проблемы гипотезы игнорировались, как форма познания социальных явлений она была дискредитирована. А ведь устранить гипотезу, значит — «отвергнуть истину в самом зародыше»¹.

Развитие научных идей — это процесс выдвижения, разработки, проверки, подтверждения одних и опровержения других гипотез; борьба, столкновение различных мнений, точек зрения. Только при таких условиях может плодотворно функционировать социальная наука.

В данной статье предпринята попытка раскрыть детерминированность процесса генерирования гипотез в социальном познании, выявить некоторые особенности гипотезы в общественных науках, обозначить одну из ее важнейших функций — прогностическую. Исследование детерминации выдвижения гипотез в социальном познании можно осуществить через раскрытие специфики объекта и субъекта познания.

Неизбежность конструирования гипотез в процессе познания общественных явлений обусловлена сложностью познаваемого объекта: «...постоянным источником разногласий является диалектический характер общественного развития, идущего в противоречиях и путем противоречий»². Различные гипотетические построения, понятия объективно детерминированы противоречиями, лежащими в самом предмете, «в сфере сущности», и через их существование, развитие «не полагается ничего нового по содержанию, а происходит лишь изменение формы», выявляется «лишь то, что уже имеется в себе»³.

При познании общественных явлений необходимо учитывать и то, что социальная реальность характеризуется взаимодействием объективных и субъективных факторов, выступает одновременно и как субъект и как объект. Социальные системы как системы с рефлексией «содержат в себе свои же отображения в качестве необходимого элемента (или, иначе говоря, включают в себя сознание наблюдателя в качестве внутреннего элемента собственного действия)»⁴. Здесь мы имеем дело с двойной детерминацией объекта, которая и определяет гипотетический характер социального знания.

Общественное развитие, выступающее способом бытия социальной реальности, не сводится к однолинейному движению, а выражается в столкновении различных по характеру детерминаций, определяющих различные и нередко противоположные варианты общественного развития. Противоречивая социальная реальность при ее познании инициирует альтернативные тенденции в общественной науке, которые формируются в форме противоположающихся гипотез, носящих взаимоисключающий характер. Существование противоположных гипотетических моделей, понятий характеризует возникновение антиномической ситуации — столкновение концепций, каждая из которых отражает определенную сторону, аспект исследуемого объекта.

Диалектическое мышление не останавливается на этапе фиксации антиномии, а производит выбор путем преодоления, «снятия» антиномии. Осуществляется не просто исключение тезиса или антитезиса, а дополнение одного другим, включение их в качестве рациональных полюсов в конкретное понятие. В итоговой синтетической структуре происходит ассимиляция противоположных понятий, отражение предметного социального противоречия уже не в раздельности, а в синтетической форме. Но это не эклектиче-

ский гибрид, примиряющий крайние позиции, а диалектически понятое единство противоположностей, выражающееся в более конкретном понятии.

Таким образом, только через сопоставление разнообразных мнений, убеждений, оценок осуществляется рефлексивное философствование в социальном познании, переход с абстрактного на более конкретный уровень. Гипотеза является определяющей формой этого перехода, необходимым элементом восхождения от односторонних абстрактных определений к синтетической, единой картине объекта.

Результатом движения мысли от конкретного, данного в представлении, к абстрактным определениям является генерация целой системы гипотез, которые выступают в качестве: во-первых, исходных концептуальных понятий научных теорий, во-вторых, отправных абстракций, репрезентирующих отдельные стороны, связи, моменты объекта (гипотезы низшего порядка), в-третьих, первичных теоретических конструкций, в которых выражается связь исходных абстракций (гипотезы высшего порядка). Такая теоретическая конструкция представляет собой иерархическую систему гипотез, каждый новый уровень которых является более конкретным, содержательно обобщенным. Гипотезы высшего порядка отличаются от мысленной модели как специфической формы познания дедуктивным характером структуры. Структура модели «определяется непосредственно структурными особенностями объекта, что находит свое выражение в изоморфизме модели и объекта»⁵.

Выделением исходной теоретической конструкции заканчивается первый этап движения мысли от исходного конкретного объекта и начинается процесс развертывания содержания теоретической системы, конкретизация, совершенствование понятийного аппарата науки, осуществляется воспроизведение в теоретическом мышлении содержания реальной социальной конкретности, ее развития, раскрытие сущности. Только для ставшего объекта возможно завершение восхождения от абстрактного к конкретному, правильное, адекватное отражение действительного социального противоречия. Игнорирование зависимости познания от уровня развития объекта ведет к выдвиганию гипотез, которые не подтверждаются практикой.

Ошибочной оказалась гипотеза, согласно которой в нашей стране уже в 20-е годы XX века можно было воплотить в практику классическую модель социализма, разработанную К. Марксом и Ф. Энгельсом, ибо материальные предпосылки для организации непосредственного общественного производства еще не были созданы.

Сейчас весьма актуальной является проблема приведения марксистско-ленинского учения в соответствие с реалиями действительности и обогащение его достижениями научной мысли. Появилось множество новых фактов, не объясняемых идеями классиков, новых подходов. Маркс, Энгельс, Ленин никогда не канонизировали своих идей, они творчески развивали и углубляли свое учение. Ленин постоянно подчеркивал, что абстрактной истины нет, истина всегда конкретна, поэтому к каждому явлению необходимо подходить исторически.

Процесс генерирования гипотез и их верификация при исследовании острых проблем общественной жизни детерминирован также социально-гносеологическим статусом познающего субъекта. Различные социальные группы, с позиций которых ведется исследование, в соответствии со своими идеологическими ориентациями и целями, познавательными мотивами и стимулами заинтересованы в определенной программе социального поведения и в особом осмыслении социальной реальности. Столкновение идеологических форм и теоретических установок, интересов и потребностей увеличивает возможность появления иллюзорных построений и конъюнктурных концепций, которые не могут адекватно интерпретировать сложную диалектическую природу общественного бытия.

Если в естествознании можно абстрагироваться от непосредственного влияния идеологических форм на процесс выдвижения гипотез, то в социальном познании именно внеученные детерминанты играют существенную роль. Различие ценностно-идеологических позиций познающих субъектов обуславливает и различие в видении и интерпретации объекта. Социальный субъект осуществляет не только образно-содержательное познание, но и нормативно-ценностное отражение. Очень важно выделить и способность социального познания раскрыть закономерности общественного развития, предвидеть тенденции и альтернативы развития, теоретически обосновывать перспективные модели динамики социальных процессов. Выработка гаран-

тый от повторения социальных деформаций и ошибок делает проблемы прогнозирования общественных явлений особенно актуальными.

Опережающая модель результатов социального познания позволяет субъекту выходить за рамки непосредственного опыта и генерировать гипотезы о том, с какими событиями ему придется столкнуться в будущем. Гипотеза является специфической формой развития прогностического знания. С ее помощью осуществляется переход от ситуационного анализа к прогнозированию решений. Она может управлять когнитивной активностью субъекта.

В начале XIX века Р. Оуэн, выдвинув гениальную идею о роли кооперации в процессе перехода от капитализма к социализму, предвосхитил действительность наших дней. В. И. Ленин обогатил оуэновскую идею положением о социализме как строе цивилизованных кооператоров.

Прогностическая функция гипотезы в социальном познании не имеет ничего общего с предсказаниями-пророчествами, иллюзорными и мистически представленными, социальными утопиями, которые дают, как правило, готовую, статическую картину предсказываемых явлений, объективно не детерминированных действительностью. Подлинно научный прогноз дает динамическую, вероятностную картину будущего. В социальном познании можно лишь в общих чертах охарактеризовать перспективы субъективной стороны общественных процессов, связанных с сознательными, волевыми действиями людей. Нельзя предвидеть календарные сроки социальных изменений.

Субъект социального познания, обращаясь к разным временным интервалам, прежде всего к будущему, пытается идеально осуществить потенциально возможное, которое кроется в самой действительности. Гипотеза выступает идеальной конструкцией исследуемого объекта. В отличие от естественнонаучного предвидения, в социальном познании мы можем говорить о предсказании лишь меры необходимого в возможном многообразии действий субъекта.

В общественной жизни предсказание действий социального субъекта основывается на такой необходимой связи социальных явлений, которая неотделима от процесса реализации целей, удовлетворения потребностей. Цель определяет деятельность как закон и по существу является моделью вероятного будущего. Целесообразность социального познания означает, что объект отражается не только как наличное, но и как возможное состояние.

Суперсложная система законов структуры, функционирования и развития общества делает необычайно сложным социальное прогнозирование, не исключает возможности ошибочности прогноза. В этом случае задачей ученого является фиксация расхождения между прогнозом и истинными событиями, корректировка прогноза. Например, введение изна в нашей стране явилось определенным осмыслением идеи Маркса о чистом, нетоварном, безрыночном социализме, высказанной им в «Критике Готской программы». Новые условия открыли возможность более расширенного понимания марксистской концепции социализма.

Решающее условие всякого социального прогнозирования — знание закономерностей, которое нередко само является гипотетическим. В настоящее время проблема предвидения в социальном познании требует прежде всего корректного решения вопроса о закономерности, детерминированности явлений. В прошлом законы исторического процесса зачастую мистифицировались. Предсказания будущих событий представлялись жестко детерминированными и тем самым отождествлялись историческая закономерность и предопределение, отрывалась от человека объективная детерминация, что чуждо марксизму. Все это делало невозможным подлинно научный социальный прогноз. Требуется заново переосмыслить диалектику необходимости и случайности, возможности и действительности, категорию закономерности, специфику действия социальных законов. С этой проблемой связано и понимание многовариантности исторического развития.

Таким образом, теоретическое конструирование гипотез в социальном познании детерминировано как особенностями объекта, так и социально-гносеологическим статусом познающего субъекта. Для социального бытия, характеризующегося сложностью, противоречивостью, многообразием проявлений, неизбежна многовариантность общественного развития, которая выражается в социальной науке в форме альтернативных гипотез.

Специфическое мироощущение субъекта, идеологические мотивы, ценностные ориентации исследователя, воплощенные в принципах познавательной деятельности, картине мира, стиле мышления, оказывают воздействие

на когнитивный механизм построения гипотез в социальном познании и в определенных условиях могут привести к неадекватному отражению объективной действительности. Такие специфические признаки социального познания, как гуманитарность, т. е. включенность человека, субъекта в предмет социогуманитарных наук, идеологичность, ценностный характер, зависимость познания от уровня развития социальной практики непосредственно отражаются на характере применения гипотез в социальных науках. Присутствие субъективности во всех структурных элементах социального познания в большей степени определяет гипотетичность, вероятность социального знания.

Гипотеза является формой развития прогностического знания. Но это отнюдь не означает, что социальное прогнозирование всегда представляет лишь вероятностное знание о будущем. Выступая теоретическим этапом в генезисе социального предсказания, гипотеза возводит исследование на подлинно научный уровень.

¹ Навиль Э. Что такое философия? М., 1896. С. 117.

² Левин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 65.

³ Гегель. Наука логики // Энциклопедия философских наук. М., 1974. С. 343.

⁴ Мамардашвили М. К. Анализ сознания в работах К. Маркса // Вопросы философии. 1968. № 6. С. 16.

⁵ Девятко Р. П., Штофф В. А. Проблема идеальной типологии и моделей в историко-социальных науках // Проблемы методологии социального исследования. ЛГУ, 1970. С. 24.

Н. А. СИЛИН

ЛОГИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕСТРОЙКИ СТИЛЯ НАУЧНОГО МЫШЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЦИНЕ

Проблема стиля научного мышления (СНМ) в медицине является конкретизацией марксистского положения о детерминации содержания мышления отражаемым объектом применительно как к медицинской теории, так и практике врачевания. Введение же понятия СНМ в теорию медицины обусловливается прежде всего необходимостью перестройки мышления в ней. Если перестройка, осуществляемая в стране, предполагает решительный поворот к науке, то перестройка мышления в медицине должна предполагать построение ее концепции, в рамках которой нужно отчетливо ответить на вопросы: что же, собственно, должно перестраиваться, каковы направления и критерии такой перестройки? Попытаемся в самом общем виде обозначить ответы на них.

Введенное М. Борном в середине нашего века понятие СНМ претерпело существенную эволюцию. Первоначальный этап исследования характеризовался анализом его историчности, регулятивности, взаимосвязи с лидирующими теориями. Значительная часть литературы посвящена анализу СНМ как компонента структуры научного знания. Исследователи выделяют стиль мышления эпохи, СНМ, индивидуальный стиль. Достаточно устоявшееся и активно разрабатываемое в общеметодологическом плане, это понятие лишь в последнее время входит в теорию и практику медицины. Однако литература, посвященная анализу путей и средств формирования, взаимосвязи СНМ с практикой общественного здравоохранения, малочисленна и содержательно противоречива.

Например, Корольков А. А. считает, что «понятие стиля мышления, безусловно, отражает некоторые сложившиеся способы мышления, его стандарты в той или иной теории... Между тем стиль мышления — понятие достаточно расплывчатое... поскольку подразумевает лишь общую ориентацию, направленность логики мышления, но не отражает конкретные формы развертывания этой логики в реальных исследованиях. Следовательно, это понятие отягощено определенной метафоричностью и в каждом случае требует специальных разъяснений. Указанные обстоятельства побуждают нас по возможности избегать использования понятия стиль мышления»¹.

В этой связи заметим, что роль философского анализа не может сводиться к отражению конкретных форм развертывания логики мышления в конкретно научных областях знания, а состоит прежде всего в разработке

логики и методологии научного познания в целом, в выработке мировоззрения, принципов и законов познавательных операций.

Царегородцев Г. И., Ерохин В. Г., напротив, считают, что постановка вопроса о философском анализе стиля научного медицинского мышления и поиски путей активного участия марксистско-ленинской философии в его формировании совершенно естественны и правомерны². Однако, считая эту сторону проблемы в принципе ясной, авторы опускают вопрос о механизмах этого участия, что само по себе представляет серьезную проблему.

Вместе с тем разработка теории СММ на нынешнем этапе исследований актуализирует анализ его генезиса, механизмов функционирования на основе активизации прежде всего частнонаучных исследований. В этом смысле развиваемая В. С. Стёпиным концепция стиля в динамике научных революций и философской рефлексии над основаниями науки является, на наш взгляд, наиболее перспективной, ибо стиль выступает интегрирующим компонентом культуры той или иной эпохи в целом. При этом вскрывается его социокультурная, конкретно-историческая сущность.

Основаниями науки в этой концепции выступают научная картина мира, идеалы и нормы познавательной деятельности, философские идеи и принципы, посредством которых эти идеалы вводятся в научную картину мира. Совокупность же идеалов и норм науки образуют основное ядро СММ. Идеалы и нормы, связываясь между собой, задают обобщенную схему метода, применяемого в той или иной предметной области исследования³, а перестройка идеалов научного познания означает, прежде всего, изменение СММ и сопровождается ломкой представлений о системной организации объекта науки. Такая перестройка осуществляется в периоды глобальных научных революций и требует пересмотра тех эталонов и норм, методов и задач исследования, которые ранее сложились в науке, но уже не обеспечивают освоения новых объектов⁴.

С этих позиций в самом общем виде определим сложившуюся в нашей стране систему здравоохранения. Основываясь на принципах государственности и плановости, профилактики и бесплатности и т. д., она добилась немалых успехов в охране здоровья. Идеалом практики здесь выступает не традиционно понимаемая клиника с ее узкоэмпирической направленностью, а общественное здравоохранение. Здоровье человека при этом понимается не как его частное дело, а как государственное, как общесоциальная ценность. Человек как объект медицины предстает здесь исключительно сложной, многогранной, многоуровневой биосоциальной целостностью, аккумулирующей все формы движения материи. Это обстоятельство особенно выделяет специфику СММ в медицине, выражающуюся в особой зависимости последнего от уровня развития как естествознания, так и наук об обществе и человеке. Вместе с тем современная медицина главным образом является «организмоцентрической», естественнонаучно-ориентированной.

Такая, по сути, революционная перестройка сущности и задач медицинской деятельности в рамках сложившейся системы здравоохранения обуславливает философскую рефлексию над новыми объектами, сложившимися в практике. Осмысление этих объектов обнаруживает парадоксальность ситуации, которая выражается в неспособности описывать их существующими методами, ибо как построение теории медицины, так и решение проблемы формирования нового СММ в ней, а также анализ достижений и перспектив развития одними лишь «организмоцентрическими», естественнонаучными методами в условиях перехода от врачевания индивидов к общественному здравоохранению является методологически некорректным. Выход может быть найден лишь посредством обращения к философии, предлагающей свои идеи и принципы, способные выступить системообразующими в рамках построения теории медицины, перестройки СММ в ней.

Это обстоятельство отмечал еще Гиппократ, учение которого и выступает основаниями научности в традиционной истории медицины. Он утверждал, что «врач-философ подобен богу» и т. п. Вопрос, однако, заключается не в самих высказываниях, а в том потенциале, который раскрывается в процессе воздействия на СММ современной ему медицины. Если бы деятельность Гиппократа ограничивалась лишь практическими рекомендациями и сводилась к набору рецептов врачевания, то в развитии медицины такой вклад был бы незначительным. Однако этого не произошло и прежде всего потому, что «отец медицины» был могущ своим методом, основанным на принципах стихийной диалектики и наивного материализма древнегреческих мыслителей. Метод Гиппократа заключался по преимуществу в стремлении постановки диагноза и лечении больного на основе целостного подхо-

да к человеку, учета всех форм и условий его жизнедеятельности, образа жизни, а также длительного наблюдения за протеканием патологического процесса в стационарных условиях, что и явилось началом клинической медицины. Нравственные императивы и предписания его учения воплотились в «Клятве Гиппократа». Таким образом, именно приверженность переломной философии своей эпохи, реализуемой в методе, и подлинный гуманизм делают Гиппократа олицетворением медицины, а его имя бессмертным.

Так что же нужно перестраивать в медицинском мышлении? Прежде всего — метод, а перестройка метода научного исследования означает изменения СМ, затрагивающие коренные глубинные формы выражения знаний⁵. Не обеспечивая освоения новых объектов, метод претерпевает существенные изменения, связанные с элиминацией одних структурных элементов и включением новых, перегруппировкой и приданием доминирующего значения другим.

Переосмысление метода в нашем контексте связано с реализацией философских идей и принципов гуманизма. К какой же философии следует обращаться в современных условиях перестройки системы здравоохранения? К сожалению, на нынешнем этапе развития философия марксизма не может предложить эти идеи и принципы в полном объеме. Что касается методологической функции диалектико-материалистической философии, то эта область является наиболее разработанной, однако реализовать ее в медицине представляется возможным лишь в соответствии с уровнем «самосознания» последней.

Гуманистические же тенденции нашей философии в силу известных причин все более и более отодвигались на второй план. Забвение именно этих идей и принципов помешало перестройке системы здравоохранения в конце 50—60-х годах, когда на первый план выступили сердечно-сосудистые, онкологические и другие заболевания. Их реализация, обусловленная самой логикой общественного развития, может привести к переосмыслению места и предназначения медицины в культуре, к ломке устоявшихся стереотипов в понимании сущности медицинской деятельности, СМ, принципов советского здравоохранения, к утверждению норм равенства и социальной справедливости, подлинного гуманизма, приобретающих в условиях научно-технического прогресса и перестройки системы здравоохранения особую остроту и актуальность.

Перестройка СМ в современной медицине должна осуществляться с позиций подлинной обращенности к человеку и возможна лишь в обществе, где он является высшей ценностью, «мерой всех вещей». Критерием такой перестройки является не «оптимум жизнедеятельности», а сформулированное в уставе ВОЗ определение здоровья как состояния полного социального и духовного благополучия. В первом случае врачу может быть отведена лишь роль «винтика» в системе функционирования общества по обеспечению оптимума жизнедеятельности, во втором — врач выступает как государственный и общественный деятель, без участия которого не может сформироваться ни один элемент структуры этого общества, имеющий отношение к здоровью. Иллюстрацией такой позиции может служить категорический императив врачебной профессии — все существует лишь постольку, поскольку имеет отношение к здоровью. И пусть это будет идеалом, но, реализуя его в повседневной действительности, возможно обрести истинное предназначение врачебной профессии, сформировать новое мышление в медицине.

Таким образом, перестройка СМ в медицине состоит в его диалектизации, предполагает ломку стереотипов организмоцентризма, радикальное изменение социальных структур как общества, так и всей системы здравоохранения. Решение этих задач представляет сложную проблему и связано с укреплением материально-технического потенциала нашего общества, решительным поворотом общественного сознания к социальной сфере, общественному здравоохранению, с развитием фундаментальных и прикладных исследований в области медицины при условии реализации ленинской идеи союза философии и естествознания, совместных усилий философов и медиков, теоретиков и практиков, системы государственных мероприятий при широком участии общественности.

¹ Корольков А. А. Диалектика и теория медицины. Л., 1979. С. 61.

² См.: Царегородцев Г. И., Ерохин В. Г. Диалектический материализм и теоретические основы медицины. М., 1986. С. 181—182.

³ См.: Стёпин В. С. Идеалы и нормы в динамике научного поиска // Идеалы и нормы научного исследования. Минск, 1981. С. 11, 21, 23.

⁴ См.: Стёпин В. С. Структура и эволюция теоретических знаний // Природа научного познания. Минск, 1973. С. 211.

⁵ См.: Сачков Ю. В. Стиль мышления и методы исследования // Диалектика в науках о природе и человеке. М., 1983. С. 230.

А. В. КУЗНЕЦОВ, Н. А. МАКСИМОВА

УРОКИ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Переживаемый сегодня нашей страной период радикальных изменений во всех сферах общества с полным основанием называют революционным. Но всякая революция чревата не только возникновением новых перспектив для экономического и социального развития той или иной страны, но и неизбежными социальными и политическими потрясениями. Поэтому чтобы хотя бы смягчить, если не предотвратить, эти потрясения, необходимо помнить об исторических уроках подобных событий в других странах и при других обстоятельствах. И хотя известно, что единственный урок, который преподносит человечеству история, состоит в том, что оно никаких уроков из нее не извлекает, тем не менее поучительные уроки такого события всемирно-исторического значения, как Великая французская революция, необходимо учитывать социальным реформаторам и нашего времени.

В современной историографии Великой французской революции выделяются три точки зрения на ее роль в историческом процессе. Согласно первой из них, французскую революцию следует рассматривать как принципиально новую историческую ступень в эмансипации человечества. Мы называем революции великими, когда их результатом является осуществление идеалов освобождения и развития человека, которые на протяжении столетий вырабатывала прогрессивная мысль. Хотя в ходе французской революции эти идеалы осуществились, но осуществились они в рамках буржуазных преобразований общества, которые их неизбежно исказили и трансформировали. Здесь мы подходим к другой точке зрения на французскую революцию как на переход от феодализма к капитализму. Признавая всемирную роль Великой французской революции, конкретный ход революционных событий и саму революцию в том ее виде, в каком она произошла, нельзя считать фатально неизбежными. Поэтому, согласно третьей точке зрения, французская революция — довольно случайное явление в историческом развитии Европы XVIII—XIX веков.

На первый взгляд, эти три точки зрения взаимно исключают друг друга. Но внимательный анализ революционных событий свидетельствует о том, что они дополняют и развивают друг друга, углубляя наше понимание Великой революции.

В самом деле, если бы не определенная и достаточно случайная раскладка событий, политических партий и конкретных исторических деятелей, которая сложилась в 1789—1794 годах и которая способствовала революционному взрыву, потрясшему всю Европу, едва ли французская революция смогла бы стать четкой гранью всевропейского перехода от одной формации к другой. В свою очередь, весьма сомнительно, чтобы революция оказалась величайшим прорывом в социальной и духовной эмансипации человечества без решительной ломки феодальных общественных отношений.

В связи с этим, когда речь заходит о так называемой «цене» революции (о которой стало модным рассуждать в настоящее время) применительно к событиям французской истории конца XVIII — начала XIX века, следует согласиться, что «цена» эта была достаточно велика. Тем не менее французская революция была всемирно-историческим событием, оценить которое можно прежде всего по ее результатам, социальным переворотам, вызванным ею во всем мире и предотвратившим, возможно, еще более разрушительные взрывы в других странах. Вот почему великую революцию необходимо оценивать не только по ошибкам и преступлениям ее непосредственных творцов и продолжателей, но прежде всего по тому, какие горизонты общественного развития она открывает. Страна, где произошла великая революция, является первооткрывателем неизвестного будущего и, как это ни прискорбно, своими трагическими ошибками предохраняет человечество от их повторения.

Среди историков получил распространение тезис о том, что французское Просвещение XVIII века является идейным источником революции. Не оспаривая истинности этого тезиса, следовало бы добавить, что революция не только претворила в реальность идеи Просвещения, но и оказалась самым строгим их экзаменатором. Революция заострила очень важную черту французского Просвещения: его критическую направленность против существующей социальной реальности. Если Просвещение было идейно-теоретическим отрицанием существующих общественных порядков, то революция была практическим отрицанием этих порядков.

Социальный идеал, воплощавший просветительскую мечту о справедливом и разумном общественном устройстве, о гармонии общества и личности, прямо противопоставлялся философами кричащим социальным противоречиям, несправедливости и неразумности старого порядка. Поэтому, когда революция свершилась, ее творцы, идейные наследники Просвещения, стремились коренным образом изменить и переделать и политические учреждения, и социальную структуру, и даже духовный облик нации, ее идеалы и важнейшие нравственные ценности. Но очень скоро выяснилось, что просветительская уверенность в силе разума не учитывала силы сопротивления социальных групп и классов, которые цепко держатся за старое и не хотят принимать многое из того, что предлагали им просвещенные революционеры. Давление революционеров на косные массы усиливается, но усиливается и сопротивление последних. И тогда революционеры прибегают к хорошо испытанному при старом порядке средству — насилию. Итак, победа Просвещения в революции обернулась его же идейным поражением. Стало очевидным, что, претворяясь в действительность, идеалы и принципы просветительской мысли порождают глубокие социальные противоречия, обнаруживая тем самым свою собственную антиномичность. Так, последовательное воплощение в жизнь принципа свободы при ограниченности социально-производственных ресурсов порождает прогрессирующее неравенство. А попытка в какой-то мере обеспечить равенство всех членов общества ведет к такому отрицанию свободы, по сравнению с которым даже старый порядок может показаться высшим торжеством прав личности. Космополитические, вселенские притязания просветительского разума превращаются в национализм и военные захваты «непросвещенных» стран, а всеобщее братство достигается только с помощью гильотины. Наконец, уже в ходе революции для многих проникательных наблюдателей стало очевидным, что сам просветительский разум, якобы воплощающий в себе надклассовый идеал социальной гармонии, является лишь идеологическим выражением определенных классовых интересов.

Причина всех этих социальных противоречий, которые возникли при воплощении просветительских идей в жизнь, заключается, на наш взгляд, в том, что будучи воинственно настроенной по отношению ко всему, что ее окружало (к политическим учреждениям, социальному устройству, принципам духовной жизни старого порядка), социальная философия французского Просвещения была на удивление догматичной и несамокритичной. Она совершенно игнорировала, и тем более не анализировала, социально-историческую обусловленность своих собственных идеалов, принципов и планов. Вот почему теоретически непроработанные и непроверенные на практике социально-политические концепции французского Просвещения при их практическом внедрении в социальную реальность превращаются в свою противоположность. Отсюда вытекает один из главных уроков французской революции: любой социальный идеал, любая социальная программа, какими бы они ни были привлекательными для широких масс населения, должны пройти строгую и жесткую критику со стороны теоретиков, должны быть подвергнуты практической проверке в ограниченном социальном эксперименте, прежде чем претендовать на реальное воплощение в социальную действительность.

Однако не только антиномичность самого просветительского идеала социального переустройства общества, но и то орудие, с помощью которого этот идеал пытались воплотить в реальность, способствовали краху просветительских иллюзий. Этим орудием было централизованное бюрократическое государство, унаследованное от королевского абсолютизма. В свое время оно выступило гарантом единства и независимости страны, а затем союзником горожан в борьбе с феодальной анархией. Абсолютистское государство на протяжении XVII—XVIII веков увеличивало свое могущество, подчиняя себе все силы французского общества. Естественно, что централизация государственного аппарата, образование стройной бюрократической си-

стемы привели к тому, что государство начало вмешиваться во все сферы жизни общества. Все это порождало иллюзии относительно того, что государственная власть всемогуща и ее можно использовать в благих целях. Вот почему в сознании подавляющего большинства просветителей, не исключая самых радикальных (Руссо, Мабли), сложился своеобразный культ государства, которое представлялось им тем архимедовым рычагом, с помощью которого можно перевернуть всю Францию. На первых этапах революции это преклонение перед всемогуществом государства сдерживалось страхом перед исполнительной властью в руках короля, общим подъемом демократического движения в стране, но с устранением короля пали и все опасения относительно концентрации и централизации власти. Этому весьма способствовала и война, объявленная жирондистами практически всей Европе. Придя к власти на волне народного и патриотического движения, якобинцы совершенствуют централизм государственной власти, прежде всего в интересах обороны. Но усиление централизма и бюрократии государственных органов приводит, во-первых, к ликвидации всех оппозиционных центров демократических движений, включая и дантонов и левых якобинцев и, во-вторых, способствует отстранению широких народных масс от политической деятельности. В сущности, якобинский террор, особенно в последний период пребывания у власти М. Робеспьера, расчищал дорогу для Наполеона. Ликвидировав всякую оппозицию, Наполеон окончательно противопоставил чудовищную машину государства отдельному индивиду. Урок французской революции заключается в том, что государство не может быть пассивным орудием проведения в жизнь демократических реформ. По своей сути оно является бюрократической машиной с иерархической системой управления. Поэтому ликвидация демократических ограничений этой машины (в виде разделения властей, существования оппозиционных ассоциаций и т. д.), какими бы благими целями это ни оправдывалось, в конечном счете приводит к режимам террористического и тоталитарного типа. Те же проекты демократического преобразования общества, которые революционеры-просветители хотели осуществить исключительно через силу и мощь государства (так сказать, с помощью дубины загнать грешников в рай), при воплощении в действительность порождали такие социальные явления, которые оказались прямым отрицанием этих проектов.

Никакая революция, а в особенности революция великая, которой по праву могут считаться события 1789—1794 годов во Франции, не может быть осуществлена без участия широких народных масс. Но народные массы, образ жизни и духовной деятельности которых формировался в условиях старого порядка, т. е. в условиях насилия, угнетения и чудовищной эксплуатации (когда человека из народа, собственно говоря, и не считали за полноценного человека), естественно, не могли ни адекватно воспринимать, ни адекватно воплощать гуманистические идеалы социальной философии французского Просвещения.

Более того, углубление и расширение революционных преобразований, вовлекших в революцию широкие народные массы, вызвало среди них нарастание настроений ожесточенной вражды к противникам революции, которые порой проявлялись в форме погромов, коллективных расправ и т. п. Следует сказать, что во многом о своем кровавом и страшном конце позаботились сами привилегированные сословия старого порядка, которые до революции относились к простому народу, как к податному быдлу, единственное предназначение которого они видели в обеспечении беззаботной жизни знати. Поэтому, когда репрессивные институты абсолютистского государства ослабли, в сознании народных масс на первый план вышли копившиеся в течение десятилетий угнетения и насилия чувства обиды, мщения, гнева, которые тяжелым топором обрушились на головы аристократов. Но, признавая, что у народа были известные основания для такого ожесточения, следует все же подчеркнуть, что незаконные преследования, коллективные убийства, проявление садизма, от кого бы они ни исходили, не только не приближают, а, наоборот, отдаляют революцию от ее конечных целей — построения справедливого гармоничного общества. Урок, который дала французская революция, заключается в следующем: любой революционный переворот изменяет обстоятельства, открывает перспективы социального развития, но не создает новых людей. Новый человек, человек более гуманной эпохи, начатой данной революцией, является результатом новых обстоятельств и формируется постепенно, через поколения. Вот почему уповать в ходе революции на гуманизм и справедливость народных масс, которые сформировались при старом режиме, в чудовищных условиях насилия

и репрессий, по меньшей мере наивно. Нельзя и оправдывать насилие над личностью, убийства и террор, ссылаясь на пресловутые волю и голос народа.

Кроме того, как показывает эпоха французской революции, революционная буря не только поднимает к активной творческой деятельности в области социальных отношений широкие массы народа, но и выбрасывает на поверхность такие социальные элементы, которые справедливо называются в народе «подонками». Эти жадные, жестокие и абсолютно беспринципные люди (вроде Фуше) в обстановке революционного обновления общества, когда ломаются многие нормы социальной жизни и морали и где порой вместе с грязной водой выплескивают и ребенка, способны причинить немало бед. К сожалению, недостаток политического опыта и элементарной теоретической подготовки широких слоев народа, впервые в процессе революции соприкоснувшегося с политической свободой и широкой гласностью, приводит к тому, что народными кумирами нередко становятся эти самые «подонки». Поэтому задача всякой подлинной революции, если она не хочет захлебнуться в крови и грязи, заключается в умении пресекать деятельность этих «подонков», разоблачать их демагогию и приспособленчество.

Таковы некоторые уроки, которые дает Великая французская революция.

Л. М. ГАРБАЦЕНКАВА

МАРАЛЬНАЕ ВЫХАВАННЕ СТУДЭНТАЎ: САЦЫЯЛАГІЧНЫЯ ДАСЛЕДАВАННІ, ПРАБЛЕМЫ І ПОШУК РАШЭННЯЎ

(па матэрыялах навукова-практычнай канферэнцыі)

У верасні 1989 года у Белдзяржуніверсітэце імя У. І. Леніна адбылася міжвузаўская навукова-практычная канферэнцыя «Маральнае выхаванне студэнтаў ва ўмовах далейшай дасканаласці вышэйшай адукацыі». Матэрыялы канферэнцыі апублікаваны ў зборніку тэзісаў, у якім паказаны вынікі канкрэтна-сацыялагічных даследаванняў сацыёлагаў некалькіх вузаў рэспублікі і краіны, а таксама прапановаў шляхі рашэнняў пастаўленых праблем.

Пытанням маральнага выхавання студэнцкай моладзі ў наш час удзяляецца павышаная ўвага, паколькі маральнасць з'яўляецца якаснай характарыстыкай усяго сацыяльнага, а студэнцтва — асабліва катэгорыя нашага грамадства, прызначаная памножыць яго духоўны патэнцыял. Сацыёлагі вывучаюць шырокі спектр праблем маральнага выхавання: гэта маральна-палітычная, маральна-прававая, нацыянальная і эстэтычная культура студэнцкай моладзі, гуманізацыя і гуманітарызацыя адукацыі, прафесіянальна-грамадзянскае станаўленне асобы, яе самарэалізацыя, адаптацыя ў вытворчым калектыве; праблемы студэнцкай сям'і; вольнага часу моладзі; дэвіянтных паводзін асобы, пытанні эфектыўнасці ўздзеяння на моладзь СМПП.

Як падкрэсліў у сваім дакладзе прафесар С. Д. Лапцёнак (Белдзяржуніверсітэт), належны ўзровень маральнага выхавання ў студэнцкім калектыве забяспечваецца пры ўмовах, калі яно з'яўляецца комплексным і сістэматычным, звязваецца з патрэбнасцямі грамадства і асобы, праходзіць як у час вучобы, так і па-за яе, улічвае калектывныя і індывідуальныя формы работы, накіравана на духоўнае ўзвышэнне асобы і рашучае непрыёмнае анцігуманых форм паводзін чалавека, г. зн. калі яно навукова абгрунтавана. Менавіта такім яно павінна быць ва ўмовах далейшай дасканаласці вышэйшай адукацыі ў краіне» (Лапцёнак С. Д. Маральнае выхаванне студэнтаў ва ўмовах далейшай дасканаласці вышэйшай адукацыі. С. 3).

Гады вучобы ў вучыццэ для моладзі перыядам фарміравання са- мых стойкіх маральных арыентацый і інтэлектуальнага развіцця. Маральны патэнцыял асобы ў многім залежыць ад прафесіянальных і маральных якасцей студэнта — будучага інтэлігента, камандзіра вытворчасці, выхавачеля. Маральнае выхаванне з найбольшай эфектыўнасцю ажыццяўляецца там, дзе студэнт адчувае сябе не пабочным назіральнікам, а актыўным удзельнікам працэсу, які адбываецца ў вучыццэ, бачачы ў сябе асобу, чалавека, з якім лічыцца і дэканат, і выкладчыкі, і прадстаўнікі грамадскіх арганізацый (Гібрадзе Р. А., Лаперашвілі В. А. Перабудова і праблема маральнага выхавання асобы студэнта. С. 9).

Арганізацыя маральнага выхавання ў вузе падразумявае перш за ўсё стварэнне такіх умоў для фарміравання індывіда, пры якіх моладзь мела б магчымасць праявіць сябе ў розных відах дзейнасці, валодала б пэўнай ступенню свабоды ў арганізацыі грамадскага жыцця, мела б магчымасць прынімаць самастойныя адказныя рашэнні, праяўляць творчыя адносіны да працэса навучання (Мішута А. А. Маральнае выхаванне студэнтаў — будучых спецыялістаў. С. 20).

Паколькі вядучым відам дзейнасці студэнтаў з'яўляецца вучоба, важна прадугледзець меры, накіраваныя на стварэнне больш шырокіх дэмакратычных умоў для ўмацавання яе маральных матываў. Такімі мерамі могуць быць выкарыстоўванне актыўных метадаў навучання, яго індывідуалізацыя, вольнае наведванне лекцый, прыцягненне студэнтаў да абмеркавання праграмы і структуры вучэбнага працэсу (Дзмітрыева С. І., Сіленка А. А. Маральныя аспекты вучэбнай працы студэнтаў. С. 21).

Палітызацыя грамадскага жыцця, характэрная для сучаснага этапу развіцця савецкага грамадства, звязана з патрэбнасцю ў праяўленні адмысловых маральна-псіхалагічных якасцей: наяўнасці дакладных грамадзянскіх пазіцый, сумленнасці, шчырасці, умення адстойваць свой пункт гледжання. Задача фарміравання маральна і палітычна сталай асобы патрабуе перагляду як зместу, так і формы гэтай працы. Для гэтага неабходна, папершае, крытычна і добрасумленна падыйсці да шматлікіх палажэнняў гісторыі КПСС, марксісцка-ленінскай філасофіі, палітэканоміі, навуковага камунізму. Па-другое, павінна быць дэмакратызавана метадыка выкладання грамадскіх дысцыплін, забяспечаны пераход ад павучання, начотніцтва, завучвання тэорыі як набору абсалютных ісцін да творчасці ў працэсе яе вывучэння, да адкрытых дыскусій, якія дапускаюць смелыя самастойныя меркаванні студэнтаў (Мішаткіна Т. В., Лукіна Д. В. Маральныя аспекты фарміравання палітычнага мыслення студэнтаў. С. 22).

Рэськоў А. А. (Гомельскі дзяржуніверсітэт) лічыць, што на адносіны студэнтаў да грамадскіх навук уплываюць шматлікія аб'ектыўныя і суб'ектыўныя фактары: 1) адносіны выкладчыкаў да новых метадаў вядзення заняткаў; 2) узровень выкладання; 3) задаволенасць студэнтаў выкладаннем грамадскіх навук (сама па сабе залежыць ад шматлікіх фактараў, у тым ліку і маральнага характару).

Па даных апытання Л. І. Калакольчыкавай, праведзенага Праблемнай НДЛ сацыялагічных даследаванняў ВДУ імя У. І. Леніна ў шасці вун БССР, толькі частка студэнтаў задаволена чытаннем лекцый па грамадскіх дысцыплінах (адказы вагаюцца па асобных дысцыплінах у межах 14,6—63,2 %), ад 20 да 15 % не адказалі на пастаўленае пытанне; якасцю правядзення семінарскіх заняткаў задаволены ад 13,5 да 68,8 % студэнтаў.

Прычыны такога становішча заключаюцца ў тым, што кафедры грамадскіх навук у асноўным выкарыстоўваюць старыя формы навучання. Частка студэнтаў (16,8 %) лічыць, што курсы грамадскіх навук дагматычныя, адарвання ад рэальных сацыяльных праблем, не даюць адказу на жыццёва важныя пытанні. 39,9 % студэнтаў ацанілі выхаваўчае ўздзеянне грамадскіх дысцыплін як недастаткова эфектыўнае.

Вынікі даследавання становішча ідэйна-маральнага выхавання студэнтаў Мінска паказалі, што вучэбна-выхаваўчы працэс у вузах горада слаба дапамагае фарміраванню сацыяльных якасцей моладзі (Калтовіч Ю. Н. Эфектыўнасць функцыі ідэйна-маральнага выхавання вун. С. 47).

Вялікія магчымасці для маральнага выхавання студэнтаў ёсць у выкладанні юрыдычных дысцыплін, якія фарміруюць спецыяліста-прававеда. З улікам профілю будучай працы на лекцыях і практычных занятках абмяркоўваюцца праблемы маральных аспектаў дзейнасці суддзяў, следчых, пракурораў, натарыусаў, юрысконсультаў. Укараненне ў вучэбны працэс дзелавых гульняў, правядзенне ігравых судовых працэсаў дазваляюць уда-сканальваць прафесіянальнае навучанне і маральнае выхаванне студэнтаў (Кастрова Н. М. Асноўныя напрамкі маральнага выхавання студэнтаў-юрыстаў. С. 40).

Ва ўмовах карэнных якасных пераўтварэнняў грамадскіх адносін узрастаюць патрабаванні да прававой і маральнай падрыхтоўкі спецыяліста любога профілю. Выпускнік вун павінен адрознівацца высокім грамадзянствам, непрымірымасцю да парушэнняў прынцыпаў сацыяльнай справядлівасці, валодаць метадамі і спосабамі маральнага і прававога рэгулявання ў працоўным калектыве (Мацюшэнка М. А., Якуба Е. А. Асаблівасці маральнай і прававой падрыхтоўкі студэнтаў на сучасным этапе. С. 2).

На жаль, сучасныя формы этычнага і прававога навучання ў вучыльні не забяспечваюць падрыхтоўкі студэнтаў да палітычнай і прафесіянальнай дзейнасці, не фарміруюць умення і навыкаў барацьбы з негатыўнымі сацыяльнымі з'явамі. Даныя сацыялагічнага даследавання праблем прававога выхавання студэнтаў, праведзенага ў Праблемнай НДЛ сацыялагічных даследаванняў Белдзяржуніверсітэта, паказалі, што студэнты даволі слаба інфармаваны пра цесную сувязь маральных і прававых норм (Бурына І. Ф. Роля маральнага выхавання ў фарміраванні правасвядомасці асобы. С. 32). Для выхавання прававой і маральнай культуры вучэбны працэс павінен стварацца такім чынам, каб студэнты былі далучаны да практычнай дзейнасці па кіраванню вучыльні і палітычнымі працэсамі ў цэлым, удзельнічалі ў руху па ахове прыроды, грамадскага парадку, міласэрнасці, памятнай культуры.

Асновай маральнага выхавання студэнцкай моладзі з'яўляецца курс марксісцка-ленінскай этыкі. «Мэты выкладання этыкі не толькі звязаны з далучэннем студэнтаў да пэўнай сістэмы ведаў, але і прадугледжваюць стымуляцыю развіцця маральнай самасвядомасці, фарміраванне творчых адносін да сусвету ўвогуле, сусвету маральных каштоўнасцей і да сябе ў гэтым сусвеце» (Зелянкова І. Л. Этычнае выхаванне ў вузе: быць альбо не быць? С. 57). Па меркаванню Зелянковай І. Л., для дасканаласці студэнцкага навучання і этычнай адукацыі неабходна, па-першае, увесці ў вучыльні агульнаабавязковы статус этыкі і, па-другое, пастаянна ажыццяўляць змястоўнае і метадычнае наватарства ў яе выкладанні.

Неабходнымі ўмовамі маральнага выхавання студэнтаў з'яўляюцца высокі ўзровень прафесійнай культуры выкладчыка і яго здольнасць да творчасці. Ніякая сістэма маральнага выхавання не дае поспехаў, калі не будзе выхаваны сам выхавальнік як носьбіт высокай унутранай і знешняй культуры. Рашчынская В. М., Хрысціна Л. Ф. (Беларускі інстытут механізацыі сельскай гаспадаркі) адзначылі, што дэфармацыі, уласцівыя сёння сістэме народнай адукацыі, парадзілі негатыўныя моманты ў сферы адносін «выкладчык — студэнт». Адчужанасць вучыльні ад грамадства, студэнта ад вучыльні, выкладчыка ад студэнта — вынік панавання адміністрацыйна-камандных метадаў кіравання навучальнымі ўстановамі. У сваю чаргу, парушэнне норм педагагічнага этыкету, непаважлівыя адносіны выкладчыка да студэнта, ігнараванне культуры ўзаемаадносін сведчаць аб прафесійнай беспадстаўнасці педагога. Культура ўзаемаадносін выкладчыка са студэнтамі, якая дапамагае разняволіцца, — адна з прыкмет педагагічнага майстэрства. Яна дае выкладчыку вялікую перавагу: толькі ўступаючы ў свабодную сувязь студэнты паддаюцца раздзельнаму кіраванню, навучанню, выхаванню (Рашчынская В. М., Хрысціна Л. Ф. Культура выкладання як кампанент маральнага выхавання студэнтаў. С. 81).

Валавы падыход да выхавання, разлічаны не на асобу, а на масавую аўдыторыю, поўнаасцю вычарпаў сябе. Перабудова патрабуе пераадолення аднастайнасці ў выхавальчай рабоце з моладдзю, уліку здольнасцей асобы, яе інтарэсаў, патрабаванняў (Мароз А. В. Фарміраванне цэнсальных арыентацый студэнтаў. С. 86). Станоўчыя змены ва ўзаемаадносін студэнтаў і выкладчыкаў могуць адбыцца толькі на аснове ўзаемага даверу, дэмакратычнасці, канструктыўных дыялогаў і дыскусій (Сеніна В. Ф. Актуальныя праблемы фарміравання актыўнай маральнай пазіцыі студэнцкай моладзі. С. 8).

Для эфектыўнага ажыццяўлення маральнага выхавання неабходна рашучая барацьба з негатыўнымі з'явамі ў студэнцкім асяроддзі. У гэтым плане адным з вядучых фактараў з'яўляецца ўдасканалванне маральна-псіхалагічнага клімату ў калектывах груп, курсаў, факультэтаў. Па даным сацыялагічнага даследавання структуры вольнага часу студэнцкай моладзі, толькі 24 % студэнтаў займаюцца ў вольны час даследчай работай; не атрымалі распаўсюджвання заняткі фізічнай культурай і спортам; пэўная частка студэнтаў лічыць за лепшае ў вольны час наогул нічога не рабіць (28,6 %). Для ўстаранення гэтых недахопаў неабходна «не толькі пашырыць магчымасці для культурнага правядзення вольнага часу, але і вучыць, як выкарыстоўваць наліўныя магчымасці, фарміраваць у юнакоў і дзяўчат духоўныя патрэбнасці і навыкі разумнага правядзення вольнага часу» (Воднева А. К., Дзягцярык І. У. Маральныя аспекты правядзення вольнага часу студэнцкай моладдзю. С. 90).

Сама моладзь прапаноўвае пашырыць сетку гурткоў, студый, спартыўных секцый, у якіх маглі б удзельнічаць усе жадаючыя, а таксама ства-

раць клубы па інтарэсах, выхаднога дня, дыскусійныя клубы, студэнцкія клубы, як цэнтры ўсёй культурна-масавай, спартыўнай і ідэалагічнай работы сярод студэнтаў.

Аптымізацыя маральнага выхавання ў вучэбна-педагагічнай дзейнасці чалавека даваць маральную адзнаку любому факту працоўнай грамадскай дзейнасці, якая адбываецца ў вольны час, па-другое, устанаўліваць сапраўды маральныя адносіны ў міжсабовых сувязях, у калектыве, у грамадстве.

Далейшае ўдасканаленне вышэйшай адукацыі патрабуе актыўна ажыццяўляць комплексныя даследаванні маральнага выхавання студэнтаў у розных сферах дзейнасці: вучэбна-пазнавальнай, грамадска-палітычнай, прафесіянальна-працоўнай, мастацка-эстэтычнай.

У рэкамендацыях канферэнцыі прадугледжваецца сканцэнтраваць намаганні даследчыкаў у 1990—1995 гадах на вывучэнні праблем прафесіянальна-маральнага станаўлення асобы навучэнцаў і студэнцкай моладзі, фарміраванні сацыялістычнага спосабу жыцця студэнцтва, на інтэрнацыянальным выхаванні і ўключэнні самастойных палітычных фарміраванняў моладзі ў дэмакратычныя працэсы грамадства.

Навуковы камунізм

В. Ф. ШАЛЬКЕВИЧ

СЕН-СИМОН И ЕГО МЕСТО В ИСТОРИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Размышляя об особенностях творческих судеб великих мыслителей, которые достигают ощутимых результатов на избранном поприще по преимуществу в зрелом возрасте, 52-летний Сен-Симон с легкой грустью писал: «Философы — это осенние плоды, почти зимние». И может быть именно поэтому он никогда не жалел о том, что его научная деятельность началась довольно поздно. Свою первую работу Сен-Симон написал в 42 года, т. е. тогда, когда многие уже делают значительные открытия, возглавляют направления или школы в науке и даже, по его словам, «выходят в отставку». Однако за два с небольшим десятилетия своего социально-философского творчества Сен-Симон (1760—1825), мысль которого работала с титаническим напряжением и лихорадочной быстротой, сумел выдвинуть столько замечательных идей, что стал в один ряд с выдающимися мыслителями первой четверти XIX века. Ф. Энгельс считал его «самым универсальным умом своего времени»¹.

Жизнь и творчество Сен-Симона тесно связаны с французской действительностью конца XVIII — первой четверти XIX века. После буржуазной революции 1789—1794 годов, которая уничтожила феодализм и открыла широкую дорогу развитию капитализма, в стране значительно выросла численность пролетариата, резко усилилась его эксплуатация (так, продолжительность рабочего дня достигала 13—14 часов). Широкое использование низкооплачиваемого женского и детского труда, а также разоряющихся мелких ремесленников, крестьян и кустарей удешевляло рабочую силу, вело к росту безработицы, неуклонному снижению жизненного уровня трудящихся. Эти социальные бедствия сопровождались обострением социальных антагонизмов, подъемом классовой борьбы, что находило выражение в выступлениях французского пролетариата. Борьба рабочих в этот период носила стихийный характер. Они были далеки от осознания своих классовых задач и интересов. Пролетариат казался тогда лишь угнетенным, страдающим социальным, не способным на решительные действия. Эти экономические и общественно-политические предпосылки и определили содержание социально-утопических взглядов А. Сен-Симона. «Незрелому состоянию капиталистического производства, незрелым классовым отношениям, — писал Ф. Энгельс, — соответствовали и незрелые теории. Решение общественных задач, еще скрытое в неразвитых экономических отношениях, приходилось выдмывать из головы»².

Значение Сен-Симона в истории социалистической мысли определяется в первую очередь тем, что он, как и другие социалисты-утописты XIX века, подверг капиталистический строй острой и разносторонней критике. В известной «Притче» («Пораболе»), за которую мыслителя привлекали к суду, Сен-Симон мастерски вскрыл пороки установленных буржуазией порядков. Он писал, что в современном ему обществе «менее обеспеченные ежедневно лишают себя части необходимых им средств для того, чтобы увеличить излишек крупных собственников; ...величайшие преступники, воры высшего порядка, грабящие у всей совокупности граждан триста или четыреста миллионов в год, облечены властью наказывать мелкие проступки против об-

щества; ...невежество, суеверие, лень и страсть к разорительным удовольствиям составляют удел главарей общества, а способные, бережливые и трудолюбивые люди подчинены им и используются лишь в качестве орудий...»³

Отвратительной капиталистической действительности мыслитель противопоставляет свой социальный идеал справедливого общественного устройства. Целям обоснования необходимости утверждения нового общественного строя как закономерного результата развития предшествующей истории служит социологическая концепция Сен-Симона, с лежащей в ее основе идеей социального прогресса. Оставаясь идеалистом в понимании движущих сил общественного развития, Сен-Симон устанавливает закон трех стадий восходящего развития человеческого общества: теологической, метафизической и позитивной, на которой человечество сумеет организовать в общество, «наиболее выгодное наибольшей массе». Это общество Сен-Симон называет промышленной системой.

Основой нового общества будет крупная промышленность, посредством которой преобразуется вся социальная жизнь. «Все через промышленность, все для промышленности», — такой красноречивый эпиграф открывал одно из известных сочинений Сен-Симона «Взгляд на собственность и законодательство». В новом обществе тесно связана с производством наука, главная задача которой — содействовать безграничному развитию производительных сил, повышению производительности труда.

Сен-Симон выдвинул также весьма важную по своему значению идею планового развития производства. Оно должно сменить хозяйственную анархию, характерную для капиталистического общества, превратить страну в единую, централизованно управляемую промышленную ассоциацию.

Тесный союз науки с промышленностью, плановое развитие народного хозяйства служат тому, чтобы сделать «жизнь людей, составляющих большинство общества, наиболее счастливой, предоставляя им максимум средств и возможностей для удовлетворения их важнейших потребностей»⁴. Таким образом, Сен-Симон был противником аскетических тенденций, присущих взглядам большинства ранних социалистов-утопистов. Характерной чертой его социальной философии было «стремление к возможно более широкому удовлетворению человеческих потребностей»⁵.

В новом обществе искоренен всякий паразитизм, все его члены трудятся. Великий социалист-утопист провозгласил принцип всеобщности труда, который последовательно проводил во всех своих сочинениях. «Все люди будут работать. На каждого (будет) возложена обязанность постоянно давать своим силам применение, полезное для человечества». Труд — это категорический императив нового общества. В силу того, что труд у Сен-Симона является не только обязательным, но и доступным для всех, рабочее место каждого труженика будет определяться его способностями. Таким образом, Сен-Симон выдвинул идею права на труд по способностям.

Но если «труд — источник всех добродетелей», то в обществе трудящихся «самый полезный труд должен быть самым уважаемым». Отсюда следует, что и доход каждого труженика должен быть пропорционален его трудовому вкладу в общее дело. Так, в зачаточной форме Сен-Симон сформулировал требование, по которому положение человека в обществе должно определяться его личными способностями и личным трудом.

Впоследствии ученики Сен-Симона развили это положение, придав ему окончательную, ставшую широко известной, форму: «Каждому (работу — В. Ш.) по его способности, каждой способности — по ее делам». «В социальной организации будущего, — писали они, — каждый должен будет занимать место сообразно своим способностям и получать вознаграждение сообразно своим делам»⁶.

Вследствие возможности работать по способностям и получать по труду в обществе утвердится гармоническое сочетание общественных и личных интересов. Обществу будет обеспечено участие всех его членов в производстве, эффективное и плодотворное использование их способностей, а личности будет открыт неограниченный простор для совершенствования, всестороннего творческого развития. Это единство интересов станет огромной движущей силой развития общества. Идея гармонического сочетания в будущем обществе общественных и личных интересов проходит через всю социальную утопию замечательного мыслителя.

Сен-Симон полагал, что в промышленной системе отпадет необходимость в политических институтах с их многочисленными учреждениями и должностями. Эта мысль философа вытекала из его взгляда на политику как на

науку о производстве. Если в прошлых общественных системах, рассуждал Сен-Симон, отношения строились на эксплуатации человека человеком и огромные силы тратились на то, чтобы одной части общества держать в повиновении другую, то новый общественный строй позволит сосредоточить энергию людей на борьбе с природой, поскольку исчезнет почва для борьбы людей между собой. Промышленная система сведет, таким образом, политику к простому администрированию: управлению вещами и производственными процессами. Она доставит «людям наибольшую меру общей и индивидуальной свободы». Легко себе представить, восклицал Сен-Симон, чего сможет достичь человечество, когда оно перестанет расточать силы на управление друг другом и организует их для совместного воздействия на природу. Средства, идущие на войско и полицию, пойдут на промышленную деятельность, распространение знаний, организацию досуга и т. д. Здесь «совершенно ясно высказана та мысль,— писал Ф. Энгельс, анализируя эти рассуждения Сен-Симона,— что политическое управление людьми должно превратиться в распоряжение вещами и в руководство процессами производства, т. е. мысль об «отмене государства»⁷.

Сен-Симон мечтал о счастье не только для французского, но и других народов планеты. Рассматривая французскую нацию как авангард человечества, он считал, что вслед за Францией на путь коренных социальных преобразований вступят другие народы. Они объединят свои «усилия для повышения общего благоденствия». В «Катехизисе промышленников» Сен-Симон писал, что индустриальная система неизбежно должна утвердиться во всем мире: «Все народы на земле стремятся к одной цели; она состоит в том, чтобы перейти от правительственного, феодального, военного режима к административному, промышленному и мирному; иными словами, каждый из них силится ...установить учреждения, служащие непосредственно общему благу и дающие всегда перевес интересам большинства над интересами частных лиц»⁸.

Великий утопист поставил вопрос об универсальном характере будущих социальных преобразований, о необходимости их для всех народов земли. При этом программу обновления человечества он тесно связывал с идеей общечеловеческого братства народов. «Все народы, которые произведут эту реорганизацию,— писал Сен-Симон,— непременно составят общий союз и соединят свои усилия для повышения общего благоденствия»⁹. Философ мечтал об утверждении в будущем всемирной ассоциации трудящихся, создании централизованной хозяйственной системы в масштабах земного шара.

Необходимым условием грядущих социальных преобразований Сен-Симон считал прочный мир на земле. Для достижения мира, по Сен-Симону, необходимы согласованные действия «национальных правительств», органов международного управления, которые возникнут в грядущем обществе. Как подлинный гуманист Сен-Симон предлагал направить усилия народов на осуществление тех мер, в которых заинтересованы все страны, т. е. на строительство дорог, судоходных каналов, осушение болот, совершенствование системы образования.

Однако, несмотря на «гениальную широту взгляда»¹⁰ великого мыслителя, в целом его воззрения носили утопический характер. Незрелость и ограниченность их проявились прежде всего в том, что в будущем обществе сохранялась частная собственность на средства производства, власть оставалась в руках крупных промышленников. Сен-Симон полагал, что новое общество может быть создано мирным путем, без классовой борьбы. Он отвергал роль революционного насилия. «Единственным средством, дозволенным нам для достижения нашей цели,— писал мыслитель,— является убеждение... Нам совершенно невозможно действовать физической силой». Сен-Симон, как и другие домарксистские социалисты, не понимал также исторической роли пролетариата как творца нового общества. Поэтому на протяжении десятилетий настойчивая проповедь мыслителя, «как устная, так и письменная», адресовалась богатым и сильным, способным, по его убеждению, решить судьбу «самого многочисленного и самого бедного класса».

Отмечая принципиальные недостатки учения великого утописта, необходимо помнить, что «идеи Сен-Симона следует связывать не с буквой, а с тенденцией, которую они выражают»¹¹. Суть этой тенденции — в глубоком гуманизме мыслителя, в его заботе об удовлетворении важнейших потребностей людей, в его мечте о всестороннем гармоническом развитии способностей, эффективном их использовании на пользу обществу и человеку. При-

мечательно, что умирающий Сен-Симон говорил своим ученикам: «Вся моя жизнь резюмируется в одну мысль: обеспечить людям свободное развитие их способностей». Эту гуманистическую цель и преследовала система утопического социализма Сен-Симона, которая оказала большое влияние как на современную, так и последующую социалистическую мысль. Именно за это и ценили Сен-Симона основоположники научного коммунизма К. Маркс и Ф. Энгельс.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 206.

² Там же. С. 194.

³ Сен-Симон. Избр. соч. М.; Л. 1948. Т. 1. С. 434.

⁴ Там же. Т. 2. С. 277.

⁵ Волгин В. П. Очерки истории социалистических идей: первая половина XIX в. М., 1976. С. 168.

⁶ Изложение учения Сен-Симона. М.; Л., 1947. С. 239.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 196.

⁸ Сен-Симон. Избр. соч. Т. 2. С. 202.

⁹ Там же. С. 115.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 196.

¹¹ Политцер Ж. Избранные философские и психологические труды. М., 1980. С. 77.

Н. Н. БЕЛЯКОВИЧ

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В УСЛОВИЯХ ОБНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛИЗМА

Процесс радикальных преобразований всех сфер жизнедеятельности социалистического общества предполагает значительное возрастание созидательных возможностей рабочего класса, активизацию его интеллектуального, производственного и духовного потенциала. Решение этой задачи неразрывно связано с динамикой количественных и качественных изменений рабочего класса, ростом его образованности и профессионального мастерства. В этом кроется один из важнейших источников успешной реализации стратегического курса КПСС, нацеленного на ускорение социально-экономического прогресса советского общества.

В социальной структуре советского общества рабочий класс ныне является самой многочисленной группой. Он насчитывает свыше 80 млн. человек, что составляет 61,8 % занятого населения страны. В БССР соответственно — свыше 3 млн. и 60 %¹. В последние десятилетия численный рост рабочего класса продолжается. Так, с 1960 по 1986 год его численность возросла на 35,9 млн.² Как в целом по стране, так и по отдельным республикам опережающими темпами росла численность рабочих, занятых в ведущих отраслях народного хозяйства, — в машиностроении, в нефтехимической и радиотехнической промышленности, а также в инфраструктурных отраслях — торговле, общественном питании, жилищно-коммунальном хозяйстве, бытовом обслуживании населения. Особенно быстрыми темпами численный рост рабочего класса происходил в тех союзных и автономных республиках, которые прежде были слабо развитыми в социально-экономическом отношении.

Сегодня рабочий класс не только составляет большинство населения страны, но и сам состоит в основном из людей, достигших возраста социальной зрелости, овладевших «тайнами» избранной профессии, всецело включившихся в жизнь трудового коллектива и живущих его интересами. Как показывают социологические обследования 70—80-х годов, в старых промышленных центрах, где превалируют давно сложившиеся производственные коллективы, до 70 % рабочих имели трудовой стаж свыше десяти лет, причем примерно 40—50 % из них почти все это время работали на одном предприятии. Естественно, в районах нового промышленного освоения и на новых предприятиях доля кадровых рабочих ниже, но и там она быстро увеличивается³. Следовательно, нынешний состав рабочего класса более благоприятен для развертывания его созидательной деятельности, повышения ее эффективности.

Передовым отрядом рабочего класса были и остаются промышленные рабочие. Они в обозримом будущем останутся наиболее динамично развивающимся отрядом рабочего класса. Это связано с опережающим развитием отраслей, обеспечивающих создание новых орудий труда, новых систем машин, составляющих основу научно-технического прогресса.

В условиях ускорения социально-экономического развития страны социальное развитие рабочего класса приобретает специфические особенности. Подъем народного хозяйства на принципиально новый научно-технический и организационный уровень, переход его на интенсивный путь развития позволили снизить и стабилизировать темпы количественного роста рабочего класса. Так, если с 1955 по 1970 год его численность возросла на 27,4 млн. человек, то с 1970 по 1986 год всего на 19,3 млн. В нашей республике с 1960 по 1970 год численность рабочих возросла на 824 тыс., а с 1970 по 1980 год на 635 тыс. человек ⁴.

В двенадцатой пятилетке на основе внедрения достижений научно-технического прогресса в производство будет усиливаться тенденция к сокращению затрат живого труда, а следовательно, темпов роста численности рабочего класса. Впервые практически весь прирост национального дохода, продукции промышленности и других производственных отраслей намечено получить за счет увеличения производительности труда. Структурные изменения в общественном производстве, улучшение пропорций между производством средств производства и предметов народного потребления, усиление социальной направленности экономики повлекут за собой опережающий рост рабочих, занятых в сельском хозяйстве, а также в инфраструктурных отраслях народного хозяйства: на предприятиях торговли, общественного питания, снабжения, жилищно-коммунального хозяйства, бытового обслуживания.

Снижение темпов количественного роста рабочего класса, перераспределение его между различными отраслями народного хозяйства приводят к изменению в структуре источников его пополнения. Это составляет еще одну важную особенность социального развития рабочих в условиях совершенствования социализма. Раньше, как известно, пополнение рабочего класса происходило в основном за счет выходцев из деревни — людей со сложившимся определенным отношением к труду, общественно-политической деятельности и культуре. Кадровое ядро рабочего класса как бы растворялось в массе выходцев из других социальных слоев. Все это порождало ряд серьезных проблем, требовало проведения активной идейно-воспитательной работы, особой социальной политики, чтобы пополнение рабочего класса как можно быстрее овладело навыками и ритмами индустриального труда, высоким профессионализмом, общей и политической культурой. Ныне главным источником роста рядов рабочего класса становится естественное воспроизводство городского населения. Этот факт принципиально важен с точки зрения возрастания как производственного, так и социально-политического потенциала рабочего класса.

В отдельных регионах нашей страны будут по-прежнему сохраняться высокие темпы роста численности рабочего класса. В частности, в республиках Средней Азии в текущей пятилетке намечается быстрое развитие промышленности, что означает, по существу, завершение процесса индустриализации. Это приведет к повышению занятости населения этих районов страны в общественном производстве. А пока здесь образовался избыток рабочей силы. Эту ситуацию нужно решительно менять.

Несколько иной выглядит складывающаяся ситуация в европейской части страны, где высок научно-технический и промышленный потенциал, накоплен опыт квалифицированного труда. Повышение темпов роста производительности труда здесь связывается с техническим перевооружением и реконструкцией действующих предприятий. Это приведет к высвобождению работников из сферы материального производства, образованию значительного резерва трудовых ресурсов. Значительную часть излишних работников вполне возможно вывести из народного хозяйства уже в самое ближайшее время за счет наведения элементарного порядка на производстве. По оценке В. Костакова, этот избыток работников составит не менее 10 млн. человек. Предполагается, что до 2000 года количество работников сферы материального производства сократится на 13—20 %, что в переводе на абсолютные значения составит 13—19 млн. человек, или в среднем — 16 млн.

Острога проблемы трудоустройства высвобождающихся работников в СССР в значительной мере снимается замедлением естественного прироста трудовых ресурсов. С конца 70-х годов началось и будет продолжаться до середины 90-х годов резкое замедление прироста населения трудоспособного возраста. За 15 лет (1981—1995) этот прирост ожидается меньшим, чем за пятилетие 1976—1980 годов. В условиях ускорения социально-экономического развития страны складывающуюся демографическую ситуацию следует рас-

смагивать как благоприятную. Она может быть иной только в том случае, если останутся прежними темпы роста населения, занятого в народном хозяйстве⁵.

Высвобождающиеся резервы трудовых ресурсов предусматривается почти полностью направить в образование, здравоохранение, другие социально-культурные отрасли. В связи с этим, вероятно, обострится проблема качества трудового потенциала. Уже сегодня не хватает квалифицированных рабочих кадров по отдельным новым и перспективным профессиям, особенно на территориях нового освоения. Дефицит кадров структурного характера придает сегодня необычайную значимость качеству трудовых ресурсов, поиску наиболее эффективных путей их подготовки, формирования и использования.

Кроме того, в последние десятилетия в нашей стране наметились тенденции повышения смертности среди некоторых категорий трудоспособного населения и прогрессирующего старения общества в целом. Дальнейшее сокращение в стране прироста населения трудоспособного возраста в значительной мере будет идти за счет увеличения числа людей, перешагнувших пенсионный рубеж. К тому же позже стала вступать в трудовую жизнь молодежь. По данным исследований, в 50-е годы трудовую деятельность до 18 лет начинало более половины молодежи, в 70-е — около 30, а в 80-е — только 20 %⁶. Это, с одной стороны. С другой, — уже сегодня средний возраст занятых в народном хозяйстве приближается к 40 годам. Раньше казалось: станочники, прядильщицы, какая разница, сколько им лет — 30 или 36—40? Разница вроде бы и небольшая, но, как свидетельствуют медицинские исследования, после 30 лет прядильщица не может строго придерживаться нужного ритма производства. Монотонность работы вступает в непримиримое противоречие с требованиями возрастной физиологии человеческого организма⁷.

Это обстоятельство особенно необходимо учитывать в условиях перестройки, усиливающейся социальной и трудовой напряженности. Чисто физиологически разрушение годами складывающихся стереотипов — процесс для личности очень болезненный. При изменении привычного стиля работы нельзя не считаться с возможными стрессами, неврозами и т. п. Социально-психологические и производственные институты должны стремиться к тому, чтобы таких людей перепрофилировать, снова направить на соответствующее им производство, создать условия для труда, учитывая возраст и физиологические особенности каждого работника.

К благоприятным факторам, способствующим повышению эффективности использования трудового потенциала рабочего класса, относится выравнивание состава населения нашей страны по полу. По переписи 1959 года женщин было больше, чем мужчин, на 20,7 млн. В последующие годы этот разрыв постепенно сокращался: в 1970 году превышение численности женщин над численностью мужчин составляло 18,9 млн., в 1979 — 17,8, в 1987 году — 16,7 млн. В Белорусской ССР соответственно: 894 тыс., 726, 676 и 638 тыс.⁸

К началу двенадцатой пятилетки завершилось выравнивание по этому параметру трудоспособного населения. Причем в возрасте до 30 лет мужчин больше, чем женщин. Однако в городском населении, начиная с 15 лет, численно преобладают женщины. В сельском населении женщин до 40 лет меньше, чем мужчин, что вызвано выездом девушек в города, где для них лучше, чем в деревне, условия труда и жизни⁹.

Таким образом, разносторонние социальные изменения в структуре рабочего класса в условиях совершенствования социализма обусловлены социально-экономическими, научно-техническими, демографическими, психологическими и другими факторами, воздействующими на человека труда во всех сферах его жизнедеятельности. Совокупным результатом совершенствования системы общественных отношений социализма является возрастание качества трудового, социально-политического и духовного потенциала рабочего класса, характеризующегося такими свойствами, как физическая и интеллектуальная готовность к труду, морально-волевая и мотивационная потребность трудиться, высокая профессионально-квалификационная и общеобразовательная подготовка. Но повышение эффективности социального потенциала рабочего класса — это не только процесс его непрерывного всестороннего наращивания. Это и создание благоприятных экономических, технико-организационных и идейно-нравственных условий, обеспечивающих как рациональную занятость рабочих, так и наиболее полную реализацию их универсальных творческих способностей, профессионального мастерства, навыков и умений.

- ¹ См.: Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный статистический ежегодник. М., 1987. С. 11; Народное хозяйство Белорусской ССР в 1986 г. Минск, 1987. С. 164.
- ² Рассчитано по данным ежегодника «Народное хозяйство СССР за 70 лет». С. 411.
- ³ Коммунист. 1987. № 16. С. 21, 19.
- ⁴ См.: Народное хозяйство Белорусской ССР в 1986 г. С. 164.
- ⁵ См.: Костяков В. Занятость: дефицит или избыток? // Коммунист. 1987. № 2. С. 82, 80.
- ⁶ См.: Аргументы и факты. 1988. № 30. С. 3.
- ⁷ См.: Коммунист. 1987. № 6. С. 66.
- ⁸ Рассчитано по данным: Народное хозяйство СССР за 70 лет. С. 379, 381.
- ⁹ См.: Аргументы и факты. 1988. № 49. С. 4.

И. А. ГАЙДУЧЕНОК

ТВОРЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ТРАКТОВКЕ Д. Г. ЛОУРЕНСА

Значительное внимание к проблемам школьного образования в произведениях талантливого английского писателя Д. Г. Лоуренса (1885—1930) объяснимо двумя причинами: а) наличием у автора учительского образования и опыта преподавания в школе; б) пониманием главного направления своего писательского творчества как «учительского», объяснительного и созидательного одновременно. Не ограничившись резкой критикой системы буржуазного образования в ряде художественных произведений («Радуга», «Мистер Нун», «Победитель на детской лошадке» и др.), Лоуренс в философско-психологическом трактате «Фантазия бессознательного» и серии статей «Об образовании народа» выдвинул развернутую программу воспитания, которая по своей цели (подготовка учащихся к жизни) и идейному устремлению (формирование гармонических личностей) созвучна насущным задачам современной реформы нашей школы.

Лоуренс мечтал о гармоническом человеке, живущем в деятельном контакте с доброжелательным человеческим окружением и природой, об «универсальном» типе образования, способном обеспечить рост «всесторонне развитых, целостных личностей», наконец, о государстве, открытое намерение которого — «сформировать массу активных, энергичных граждан» вместо «беспомощного, самонадеянного народонаселения», подверженного ранней нивелировке сознания, зараженного пороками индивидуализма, эгоизма, карьеризма, накопительства, потребительства, конформизма и общественной пассивности¹.

Попытки литературных персонажей Лоуренса, учителей по образованию и призванию (м-р Нун, Урсула Брэнгуен), найти свое место в жизни, осуществить свои лучшие намерения в условиях так называемой «современной школы» (тип массовых, непривилегированных учебных заведений в Англии) терпят неудачу из-за полного непонимания и неприкрытой враждебности школьных коллег, которых «школьная тюрьма» почти начисто лишила индивидуальных человеческих качеств, превратив их в «механизмы» и «машины», приспособленные для обращения детей в одно «механическое дисциплинированное целое» с целью насильственного «вбивания», «вколачивания» знаний в их неокрепшие, поистине бедные головы. Таков в освещении Лоуренса «ад» реальной буржуазной школы, такова «жесточая, злая система» школьного образования, неизменно калечащая всех, кто в нее вовлечен, в одинаковой мере разрушительным образом действующая и на тех, кто учится, и на тех, кто учит.

По мысли Лоуренса, всякому, имеющему отношение к школьному преподаванию, следует задуматься, как минимум, над двумя нелегкими и взаимосвязанными вопросами: а) почему детей приходится заставлять учиться; б) отчего высокое, творческое дело образования зачастую становится «механическим процессом», воспринимаемым даже частью взрослых как «мелкое и незначительное занятие»? Каждому нормальному ребенку природа дарит огромный заряд любознательности, способность к наблюдению и стремление к самосовершенствованию. Между тем, как метко пишет в своей автобиографической «Истории человеческого становления» М. С. Шагинян: «К сожалению, дети нашей эры не чувствуют широты школы, не идут в нее, как цветы в воду или рассада в землю»².

Вероятно, педагогический гений, как всякий гений, все необходимое «знает сам». Но в любой цивилизованной стране профессия учителя — одна из самых массовых; оттого, даже разрешив назревшую задачу изменения

сложившегося отношения к авторитету учительской профессии, уповать на достаточное количество гениев на nive народного просвещения, думается, все-таки не приходится. Гораздо более надежным представляется отбор ценных педагогических идей и включение их в эффективные методики преподавания, в экспериментальные пособия, обобщающие индивидуальный педагогический опыт, в сборники полезных рекомендаций учителю и т. п. Разумеется, любое адекватное претворение в жизнь теоретической идеи требует подлинно творческого отношения, без чего даже диалектическая виртуозность и глубина мысли сменяются «плоской метафизикой», практической беспомощностью, обидной несостоятельностью; но это вопрос особый, не укладывающийся в рамки информативного анализа педагогической концепции Лоуренса.

К числу его важнейших идей относятся:

— необходимость осуществления на практике «универсального», или комплексного подхода к образованию, выражающегося в единстве физического, трудового, этического, эстетического и интеллектуального воспитания и обучения;

— обязательная ранняя дифференциация учащихся на основе учета их психологических особенностей и индивидуализация способов образования, включающая распознавание и развитие способностей каждого ученика;

— критика курса на унификацию обучения, вызывающую опасный отрыв знаний от жизни, угрожающую самостоятельной активности будущих граждан;

— критика форсирования исключительно ментального, логико-теоретического обучения, приводящего к интеллектуальному крену, резкой дисгармонии интегрального сознания, ущемлению чувств и распаду природной индивидуальности;

— изменение соотношения воспитания и обучения в пользу воспитания, в первую очередь воспитания чувств, с целью формирования нравственного, эмоционального сознания;

— усиление роли семейного воспитания;

— «активный», или «творческий», метод обучения, предполагающий движение чувств и мыслей обучаемого от эмоционального восприятия материала к живому, диалектическому, а не абстрактно-рассудочному усвоению его;

— интенсивное применение игрового метода на начальной ступени обучения и проблемно-эвристического на последующих этапах;

— планомерное самообразование с целью воспитания самостоятельности и удовлетворения индивидуальных познавательных интересов учащихся;

— учет психологических «барьеров», или ученической сопротивляемости обучению, и задача разработки методики снятия их;

— роль личности преподавателя в активном воздействии на культуру, поведение, образ мыслей и характер учащихся.

Личность, по Лоуренсу, — это новая, лучшая, органическая целостность на базе природной индивидуальности. Оттого задача учителя двойственна: бережное сохранение каждой ученической индивидуальности и мудрое стимулирование ее развития в нужном, единственно верном направлении, совпадающем с природными качествами и естественными склонностями обучаемого.

Лоуренс утверждал, что процесс образования изначально предполагает, во-первых, приоритет и предшествование эмоционально-нравственного воспитания интеллектуальному научению; во-вторых, обязательное выявление потенциальных возможностей ученика, буквально «выведение наружу» того, что заложено в его индивидуальной природе. По типу мышления, по природным способностям люди разные, и оттого вполне логичен вывод, что учить их надо по-разному.

При правильном направлении образования — от ученика, от его способностей и интересов — процесс развития интегрального сознания обучаемого может и должен быть по-настоящему индивидуализирован. Обучение должно содействовать «доведению до действительной полноты» индивидуальной природы каждого. Этого нельзя достичь простым количественным накоплением механически усвоенных знаний. Процесс индивидуального образования должен содействовать естественному завершению кругов и витков познания, которое начинается в эмоциональной сфере организма и постепенно продвигается к озарению мысли и свету слова. Процессу превращения эмоционального восприятия в логическое знание должен сопутствовать обратный процесс обогащения эмоций от «толчков» и «искр» усваиваемого знания.

По Лоуренсу, беда современного образования в том, что, развивая глав-

ным образом ментальное сознание, оно не решает задачи формирования души и воспитания чувств, мало способствует развитию самостоятельного и оригинального мышления. Излишний догматизм преподавания, требование «автоматического внимания» и беспрекословного «автоматического доверия» к любому слову учителя воспитывает пассивное, некритическое, малозаинтересованное отношение к процессу овладения знаниями.

Догматизм, столь вредный при обучении, оказывается тем более непригодным для воспитания нравственных навыков. Дети, как правило, удивительно хорошо понимают без слов; обилие слов и инструкций взрослых им явно мешает, поскольку опять-таки форсируется ментальный способ там, где должно быть эмоциональное понимание. Когда вместо бережного и заботливого воспитания чувств подрастающему человеку достается в удел только «ад» рассуждений, морализаций и прочей дидактики взрослых, то у него вместо естественных чувств — основы нравственности и полноценного мышления в целом — формируются какие-то уродливые знания, в том числе и о чувствах. Рассудочные знания подменяют неуспевшие сформироваться чувства и мысль ребенка — готовыми, обесцвеченными «головными» абстракциями.

Исходя из задачи сохранения целостности индивидуальности ребенка, Лоуренс особенно настаивал на усилении роли семейного воспитания. Весь процесс элементарного образования он советовал осуществлять в семье, силами родителей и других ее членов, в их совместных трудах и заботах друг о друге. Основное требование к первому этапу воспитания — его естественность. Методы самые простые: живые наблюдения, беседы, совместные дела и игры, посильные задания, постепенно расширяющийся круг обязанностей подрастающего человека. Лоуренс советовал не спешить с переходом к ментальному научению и не начинать его прежде, чем у ребенка созрела собственная острая тяга к знанию. Отстаивая приоритет воспитания, он убеждал, что есть много вещей, которым следует научить маленького человека прежде, чем показать ему первые буквы и цифры.

Недостаток эмоциональности в процессе образования вреден и уму, и сердцу ребенка. По убеждению Лоуренса, подлинно творческие методы обучения те, в которых активно творят и мыслят сами дети. Нетворческие методы лишают учеников прекрасного чувства соучастия в рождении знания, счастья приобщения к «смыслу чуда», из-за которого, не жалея сил, трудятся и маленький человек, и настоящий ученый.

Все выдающиеся, искренне любящие детей педагоги писали о том, как эффективно можно учить детей игрой, сказкой, инсценировкой, пением, музыкой, живописью, живым общением с огромным миром природы. Лоуренс — не исключение; отнюдь не случайно в одной из последних статей он писал о народных гимнах и балладах, выученных им в детстве и всегда значивших для него «почти больше, чем самая прекрасная поэзия»³. Устойчивый эффект заучивания нараспев объясняется и психо-физиологически. Но ведь и азбуке, и правилам грамматики и арифметики, и начаткам иностранных языков и естествознания можно научить пением. А какой еще метод закрепления или повторения материала сравнится с умной и интересной игрой?

Памятуя, что рассудочное понимание — далеко не эквивалент диалектического мышления, Лоуренс объяснял, что усвоение стерильного мозгового знания зачастую требует от учащегося непосильной для него степени обобщения, а затверженная догма, «голый факт», «простая логика» только мешают глубокому пониманию истины. К истине приближаются постепенно, к иной — всю жизнь. Жизнь и познание полны проблем; их не надо придумывать специально. О той или иной из них учитель может увлекательно рассказать и заразить ею своих слушателей. Но уже ученикам среднего возраста можно объяснить природу проблемы, неоднозначность ее решения. По своей сути любая проблема имеет отношение к диалектике. Научившись открывать проблемы, подростки могут власть и с пользой размышлять над ними, с уверенностью, что им хватит времени для их разрешения. Критикуя групповое обучение по жестким, строго одинаковым для всех программам, Лоуренс рекомендовал учителям не жалеть времени на советы своим подопечным по составлению планов самообразования, поскольку самообразование — это необходимый этап становления личности.

С другой стороны, всякое насильственное вторжение в естественный процесс образования должно вызвать защитную реакцию организма, и если эта реакция слаба, то ее следовало бы рассматривать как сигнал неблагополучия. В практической деятельности преподаватели нередко ощущают психо-

логически вполне обоснованное сопротивление своих учеников нивелирующему и разрушающему их индивидуальности способу образования. Но, к сожалению, существующие методики не учат тому, как отличать «барьеры» самозащиты от худых, порочных наклонностей, как снимать одни и обезвреживать другие, чтобы не повредить воспитанию характера, а помочь ему. Труднее прочих приходится в школе тем из учеников, у кого собственная ершистая, «непричесанная» природа упорно не желает покоряться. В ранг «плохих» учеников порой попадают дети с прекрасными от природы способностями, которые, возможно, полностью и не вытравливаются в школе, но вряд ли получают должное развитие. Психика же «трудных» ребят неизбежно подвергается не по-детски серьезным испытаниям.

Отсутствие у преподавателя сомнений в собственной правоте и превосходстве, нагнетание строгости, излишняя авторитарность, звучащая даже в его резком, повелительном голосе,— качества малопривлекательные, но воспитываемые уже самой «ролью» учителя. Яркая эмоциональность, благородство души, чуткость, доброта, любознательность, неподдельная страсть к красоте и знаниям, умение видеть необычное в обычном и просто рассказать о сложном, глубина, свежесть и оригинальность суждений, юмор и веселый, оптимистический нрав учителя могут расширить диапазон преподаваемой науки, являясь источником целительного здоровья для ученического сознания.

Лоуренсовские педагогические раздумья обращают нас к актуальным проблемам воспитания и обучения, над разрешением которых работает современная педагогическая мысль. Прежде всего, это проблема воспитания чувств и их соотношения с мышлением, во многих аспектах перемежающаяся с не менее важной проблемой выявления и заботливого развития способностей каждого индивидуума. Думается, что без их разрешения трудно реализовать практическую задачу всестороннего развития личности и повышения роли человеческого фактора в общественной жизни.

¹ См.: Lawrence D. H. *Fantasia of the Unconscious*. London, 1937. P. 72.

² Шагинян М. С. *Человек и время*. М., 1982. С. 70.

³ Lawrence D. H. *Assorted Articles*. London, 1932. P. 155.

Е. Е. ЦЕХАНОВИЧ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ РАБОТНИКА НОВОГО ТИПА В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Актуальность исследования социально-экономических проблем образования на современном этапе перестройки общественной жизни диктуется требованиями практики. Взаимосвязь системы образования и задач общественного развития можно выразить словами К. Маркса: «С одной стороны, для установления правильной системы образования требуется изменение социальных условий, с другой стороны, для того, чтобы изменить социальные условия, нужна соответствующая система образования» (выделено мной — Е. Ц.).

Нельзя отрицать важности научных разработок вопросов социальной эффективности образования, его влияния на изменение социально-классовой структуры общества, на стирание противоречий между умственным и физическим трудом и т. д. Однако ни чисто экономического, ни сугубо социального подхода к исследованию проблем социалистической системы образования явно недостаточно. Ибо из поля зрения исследователей почему-то ускользает тот факт, что ведущая цель социалистической системы образования — всестороннее развитие личности, гармоничное развитие всех творческих сил и способностей человека — и основной экономической закон социализма, суть которого заключается в обеспечении все более полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества, по существу, совпадают².

Естественно, нельзя рассматривать систему образования как универсальное средство реализации основного экономического закона и абсолютизировать ее возможности в формировании всесторонне развивающейся личности. Однако для того чтобы определить, в какой мере функционирование системы образования адекватно основному экономическому закону социализма, необходимо сконцентрировать внимание на анализе социально-экономической сущности всестороннего развития личности, форм проявления этой сущности, эволюции системы образования под воздействием требований основного экономического закона.

Основной экономический закон любого способа производства заключает в себе движущий мотив развития производительных сил и производственных отношений, воплощающийся в соотношении «цели» и «средств» ее достижения. Причем соотношение «цели» и «средств» в антагонистических и неантагонистических формациях различно. Так, при капитализме имеется четкое (в определенных пределах, разумеется) разграничение «цели» — максимизация прибавочной стоимости и «средства» — эксплуатация наемного труда. Ибо для буржуазной формы производства характерна поляризация агентов производства: капиталист — наемный рабочий, а само производство ведется от имени капитала и в целях капитала, т. е. господствующего класса собственников. Система производственных отношений коммунистического способа производства характеризуется непосредственным соединением свободных от эксплуатации индивидов в ассоциацию на основе общественной собственности. Ассоциация трудящихся — единый собственник и агент производства. Поэтому соотношение «цели» — всестороннее развитие всех членов общества и «средства» — эффективное развитие производства материальных и духов-

ных благ находится здесь в одной плоскости, что позволяет ему существовать в постоянном взаимопереходе из одного в другое при ведущей стороне цели — всестороннего развития индивидов³. Это означает, что всестороннее развитие личности, являющееся выражением цели основного экономического закона социализма, выступает в то же время и средством формирования адекватного ему способа производства, т. е. развития производительных сил и производственных отношений, которые способствовали бы раскрытию содержания основного экономического закона.

Всесторонне развивающаяся личность — сложная социально-экономическая категория, которая выражает отношения между людьми по поводу развития богатства человеческой природы как самоцели⁴. Процесс становления и развертывания этой категории исторически обусловлен.

Уже крупная машинная промышленность (материально-технический базис капитализма) выдвигает вопрос о замене частичного рабочего всесторонне развитым индивидом. К. Маркс писал, что «культивирование всех свойств общественного человека и производство его как человека с возможно более богатыми свойствами и связями, а потому и потребностями,— производство человека как возможно более целостного и универсального продукта общества... является условием производства, основанного на капитале»⁵. Здесь развитие личности подчинено реализации главной цели — развитию вещественного богатства, максимизации прибавочной стоимости, а следовательно, оно происходит в антагонистической форме, что наглядно проявляется в период экономических кризисов, когда происходят массовые увольнения рабочих. Обновление основного капитала ведет за собой и обновление (подготовку и переподготовку, обучение) переменного капитализма, т. е. рабочей силы, которая будет осуществлять новый виток производства. Таким образом, развитие, совершенствование одних индивидов осуществляется за счет других членов общества.

При социализме в числе свойств и связей человека начинает культивироваться и развиваться качественно новое, определяющее свойство (или связь), которое не могло возникнуть в рамках старого способа производства,— это свойство или отношение ассоциированности.

Ассоциированность есть отношение между людьми по поводу их собственного объединения в общество для планомерной организации экономической жизни на основе общественной собственности. С появлением отношений ассоциированности перед обществом встает задача самоуправления, т. е. управления самим обществом всеми социально-экономическими процессами своей жизни. Ассоциация выступает в качестве всеобщего «направителя планомерности», в качестве ассоциированного производителя и ассоциированного потребителя»⁶. Таким образом, всесторонность развития личности задается всесторонностью ее деятельности не только в системе непосредственного производства, на конкретном рабочем месте, но и деятельностью по организации и управлению производством, распределением, обменом и потреблением материальных и духовных благ.

Итак, категория «всесторонне развивающаяся личность» при социализме включает в себя помимо свойств, обусловленных технологией производства, важнейшее социально-экономическое свойство — свойство ассоциированности, т. е. способности к управлению общественным воспроизводством на основе общественной собственности.

Эта категория выражает социально-экономическую сущность человека в рамках социалистического (коммунистического) способа производства. Она проходит определенные этапы развития, которые характеризуются различной степенью зрелости (в зависимости от процессов обобществления производства и развития социалистической формы собственности). Так, сразу после экспроприации частной собственности встала задача обобществления производства на деле, т. е. реального овладения производственным аппаратом и налаживания новой социалистической экономики. Необходимо было перенимать культуру производства у буржуазных специалистов и одновременно создавать свою, социалистическую. Рабочий контроль и учет были первой формой самоуправления трудящихся, носившей вначале скорее политический, чем экономический характер. Вместе с тем это было началом соединения функции непосредственного производителя и организатора, управленца, собственника в одном субъекте. Именно в связи с этими социально-экономическими преобразованиями и была выдвинута В. И. Лениным задача культурной революции как важнейшая составная часть построения нового общества. Ведь чтобы управлять, «нужно быть компетентным», ибо «когда некомпетент-

тентные люди стоят во главе управления... самое существование Советской России стоит на карте»⁷.

Роль социального института, трансформирующего общественную культуру в культуру отдельных личностей, выполняет социалистическая система образования, которая справилась с задачами ликвидации неграмотности, обеспечения всеобщего начального, а затем и среднего образования, сумела наладить массовый выпуск специалистов для всех отраслей народного хозяйства. Однако интенсификация производства поставила перед системой образования проблему перехода от количественных параметров к качественным.

Необходимость качественно нового этапа в развитии образования обуславливается новой ступенью развития общества, что должно отразиться и в формах проявления отношения, фиксируемого категорией «всесторонне развивающаяся личность». Любое производственное отношение имеет формы проявления. Вопрос о формах проявления сущности того или иного отношения всегда сложен и многообразен, ибо «формы... успевают уже приобрести прочность естественных форм общественной жизни, прежде чем люди сделают первую попытку дать себе отчет... в их содержании»⁸.

Такая «попытка дать себе отчет» представлена в научной литературе в использовании категории «работник нового типа». Содержание, вкладываемое в эту категорию, варьирует в самых широких диапазонах. На наш взгляд, в характеристике работника нового типа должно присутствовать два следующих момента. Во-первых, опережающее развитие живого знания, носителем которого является сам человек, по отношению к овеществленному знанию. На современном этапе НТР темпы смены поколений техники стали опережать темпы смены поколений работников. Поэтому, чтобы соответствовать вещественному фактору производства, личный фактор должен иметь определенный запас, резерв знаний. Во-вторых, это способность к овладению реальным управлением производства, вытекающая из современного этапа развития социалистических производственных отношений. Посредством более широкого участия работников в управлении производством идет процесс превращения формальных элементов собственности в реальные, а развитие самоуправления позволяет осуществлять реальное совпадение субъектов труда, собственности и управления.

Новые требования к работнику вызывают к жизни и новые задачи, и средства образования. Согласно новой парадигме образования, основной задачей образовательной подготовки является не столько приобщение человека к наличному знанию, сколько развитие в нем способностей к непрерывному, постоянному приобретению новых знаний. Расширяется и сам спектр знаний. Актуальным сегодня становится научный, систематизированный характер подготовки не только в области сугубо профессиональной, но и подготовки людей к участию в коллективном труде, включающем и управление им.

Чтобы быть активным членом общества, работнику необходимо обладать такими качествами, как склонность к творчеству и предприимчивости. Ибо в конечном счете производственные и научно-технические знания — просто инструменты. Решение же сложных проблем требует творческого начала. Творческая активность как наиболее важный элемент гибкого поведения является атрибутивным свойством только человека. Это свойство формируется в процессе гуманитарного образования. Под предприимчивостью понимается способность задумать и реализовать существенную инициативу путем объединения всех необходимых ресурсов⁹. Важным является формирование потенциальной предприимчивости в комплексе с базовыми и специальными знаниями в таких областях, как экономика, управление, право, социология.

Для реализации новой парадигмы образования и осуществляется современная перестройка системы образования, которая идет в двух взаимодополняемых направлениях: по пути интеграции науки, образования и производства, что находит выражение в организационно-экономических формах различных учебно-научно-производственных структур, и по пути внедрения новых экономических методов хозяйствования, в частности элементов хозрасчета, обуславливающих хозрасчетную интеграцию.

Возможности использования ресурсов науки и производства, постепенная ликвидация безадресной подготовки специалистов, бесцелевого и безвозвратного финансирования высшей школы, оптимизация и интенсификация собственного развития системы образования — все это выводит систему образования на качественно новый этап развития, адекватный задачам формирования работника нового типа. Принципом образовательной деятельности становится

непрерывность, которая со временем должна развиваться в систему непрерывного образования. Она должна включать вопросы профессиональной ориентации, подготовки, переподготовки и трудоустройства работников, т. е. нахождение таких экономических условий, которые позволили бы непосредственному производителю трудиться по способностям, реализовать себя в труде и социальном творчестве.

Таким образом, система образования модифицирует свои функции, цели, методы, организацию, ведет поиск адекватных способов решения задачи формирования работника нового типа на современном этапе.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 595.

² См.: Теоретические основы непрерывного образования. М., 1987. С. 8; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 232.

³ Понятия «цели» и «средства» здесь отождествляются в той мере, в какой само понятие цели как движущего мотива указывает на ее активную, двигательную роль.

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. 2. С. 123.

⁵ Там же. Т. 46. Ч. 1. С. 386.

⁶ См.: Аузан А. А. Социалистическое самоуправление: политико-экономический аспект // В научном поиске (Политическая экономия социализма сегодня). М., 1987. С. 158.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 216.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 85—86.

⁹ См.: Высшее образование в Европе. ЮНЕСКО, 1988. Т. 13. № 1—2. С. 66.

К. В. ЕРМАКОВА

САЦЫЯЛЬНА-ЭКАНАМІЧНЫЯ ПРАБЛЕМЫ ПРАЦЫ ЖАНЧЫН У ГРАМАДСКАЙ ВЫТВОРЧАСЦІ

У Канстытуцыі СССР замацавана роўнасць перад законам усіх грамадзян СССР, а таксама роўнасць правоў жанчыны і мужчыны¹. Разам з тым выказаная У. І. Леніным у рабоце «Вялікі пачын» думка аб тым, што «жанчына прадаўжае заставацца хатняй рабыняй, не глядзячы на ўсе вызваленчыя законы, бо яе давіць, душыць, атупляе, прыніжае дробная хатняя гаспадарка...»², застаецца значнай, на наш погляд, і сёння.

Так, па звестках статыстыкі, штодзённа працуючыя і служачыя жанчыны ў СССР трацяць на хатнюю гаспадарку 3 гадзіны 13 мінут, у выхадны дзень — 6 гадзін 18 мінут. Свабодны час складае ад 2 гадзін 24 мінут у будзённы дзень (у гараджанак) да 1 гадзіны 57 мінут (у калгасніц). На выхаванне дзяцей застаецца ад 16 да 30 мінут, ад 3 да 10 мінут на любіцельскія заняткі, да 42 мінут (у выхадныя) на чытанне. Сацыялагічныя даследаванні паказваюць, што акрамя работы жанчына занята хатнімі справамі, сям'ёй, дзяцьмі 40 гадзін у тыдзень, у той час як мужчына — ўсяго 6 гадзін³.

У Вярхоўным Савеце СССР нядаўна створан Камітэт па справах жанчын, аховы сям'і, мацярынства і дзяцінства для прыняцця навуковых дзяржаўных рашэнняў. У той жа час у эканамічнай і філасофскай літаратуры пакуль няма адзінства поглядаў на месца і ролю жанчыны ў грамадстве.

Так, рад аўтараў прытрымліваецца думкі, што жанчыны перш за ўсё павінны займацца выхаваннем дзяцей, вядзеннем хатняй гаспадаркі. Другія ж лічаць, што жанчына абавязана працаваць у грамадскай вытворчасці і спалучаць працу па вядзенню хатняй гаспадаркі і выхаванню дзяцей з грамадскай справай. Ёсць таксама меркаванне аб неабходнасці плаціць за працу ў сям'і тым жанчынам, якія жадаюць прысвяціць сябе выхаванню дзяцей⁴.

На наш погляд, жанчыне ў працаздольным узросце неабходна забяспечыць усе ўмовы для паспяховага спалучэння мацярынства з працай у грамадскай вытворчасці. Гэта неабходна зрабіць па наступным прычынам.

Эканамічная роўнасць мужчын і жанчын пры сацыялізме становіцца магчымай з зацвярджэннем грамадскай уласнасці на сродкі вытворчасці і пры забеспячэнні роўных магчымасцей для іх удзельнічаць у грамадскай вытворчасці. Праца жанчын з'яўляецца неад'емнай часткай супольнай грамадзянскай справы. Так, па статыстычных даных 1987 года жанчыны саставілі 48,3 % працаздольнага насельніцтва краіны і 51 % сярэднегадавой колькасці рабочых і служачых. Сярод калгаснікаў, занятых у грамадскай

гаспадарцы (без рыбалявецкіх калгасаў) у 1987 годзе жанчыны складалі 43 %⁵.

60 % спецыялістаў з вышэйшай і сярэдняй адукацыяй — жанчыны. Звыш 0,5 млн. жанчын кіруюць прадпрыемствамі і ўстановамі, каля 1 млн. узначальваюць цэхі і ўчасткі, 598,1 тыс. жанчын занята навуковай справай (40 % агульнага ліку навуковых супрацоўнікаў); з іх 132,8 тыс. маюць вучоную ступень кандыдата навук (28 % агульнага ліку), 6,1 тыс. — дактары навук (13 %)⁶. Перабудова грамадскай вытворчасці на базе ўкаранення комплекснай механізацыі, аўтаматызацыі, камп'ютэрызацыі, робатызацыі патрабуе спецыялістаў вышэйшай кваліфікацыі, значную частку якіх складаюць жанчыны.

Жанчына, што ўдзельнічае ў грамадскай вытворчасці, забяспечвае сябе матэрыяльна і не залежыць ад іншых членаў сям'і. Вынікі некаторых сацыялагічных даследаванняў паказваюць: да 80 % жанчын маюць намер працаваць нават у тым выпадку, калі зарплата мужа будзе дасягаць іх агульнага заробтку. Па даных іншых даследаванняў, такіх жанчын больш 60 %⁷.

Удзельнічаючы ў грамадскай вытворчасці, жанчына можа найбольш поўна рэалізаваць свае інтэлектуальныя і фізічныя здольнасці. «Толькі ў калектыве, — пісаў К. Маркс, — індывід атрымлівае сродкі, што даюць яму магчымасць усебаковага развіцця сваіх задаткаў»⁸.

Для таго, каб жанчыны сапраўды змаглі ўдзельнічаць у грамадскай вытворчасці, неабходна ахапіць усіх дзяцей дашкольнага ўзросту дзіцячымі ўстановамі, у якіх павінна забяспечвацца кваліфікаванае выхаванне і догляд дзяцей, а таксама захоўвацца навукова абгрунтаваная норма напуўнення груп. Таму, на наш погляд, мэтазгодна не плаціць маці за догляд аднаго-двух дзяцей у хаце, а выкарыстаць гэтыя рэсурсы для развіцця якасна новага тыпу дзіцячых дашкольных устаноў.

Што датычыць прапановы прызнаць працу па выхаванню дзіцяці грамадскі каштоўнай і як кожную працу аплачваць і залічваць у працоўны стаж⁹, па нашаму меркаванню, трэба выплачваць зарплату за выхаванне толькі навукова-абгрунтаванай колькасці дзяцей у грамадскай дзіцячай установе, дзе для гэтага могуць быць створаны ўсе ўмовы.

Для рэалізацыі сапраўднай эканамічнай і сацыяльнай роўнасці жанчыны з мужчынай патрабуецца ўдзел жанчыны ў грамадска-карыснай справе. Для павелічэння свабоднага часу працуючай жанчыны неабходна вызваліць яе ад хатняй гаспадаркі шляхам паслядоўнага ажыццяўлення Комплекснай праграмы развіцця вытворчасці тавараў народнага спажывання і сферы паслуг на 1986—2000 гады, а таксама з дапамогай унутрысямейнага раздзелу працы. Павелічэнне свабоднага часу працуючай жанчыны будзе садзейнічаць больш эфектыўнаму аднаўленню яе энергіі, а таксама павышэнню яе прафесіянальна-культурнага ўзроўню.

Забяспячэнне эканамічнай роўнасці жанчыны з мужчынай павінна ўлічваць псіхафізіялагічныя асаблівасці жаночага арганізму. Розніца здольнасцей да працы ў мужчыны і жанчыны выклікана, па-першае, тым, што жанчыны фізічна слабейшыя за мужчын, таму іх праца з'яўляецца менш інтэнсіўнай. Па-другое, на эфектыўнасць працы жанчын у пэўнай сферы дзейнасці ўплываюць псіхалагічныя асаблівасці жаночага арганізму. Так, па даных некаторых даследаванняў, жанчыны больш востра за мужчын рэагуюць на запыленасць, забруджанасць рабочых месц. На шумнасць, напрыклад, жанчыны рэагуюць амаль у два разы больш востра, чым мужчыны. Асабліва моцна зніжаюць задаволенасць работай у жанчыны цяжкія фізічныя нагрузкі¹⁰. Па-трэцяе, здольнасць арганізму жанчыны да мацярынства часова абмяжоўвае магчымасці яе ўдзелу ў грамадскай дзейнасці. Па-чацвёртае, юрыдычны і фактычны перыяд працоўнай дзейнасці ў мужчын больш працяглы, чым у жанчын. Праца жанчын мае свае асаблівасці, абумоўленыя як яе ўласным ва ўзнаўленні «уласнага жыцця, пры дапамозе працы, так і чужога, пры дапамозе нараджэння»¹¹.

У навуковых публікацыях выказваюцца розныя погляды на паняцці «жаночая праца» і «праца жанчын». Так, па вызначэнню Т. А. Машыкі, жаночая праца прадстаўляе сабой «працэс расходвання фізічных і духоўных здольнасцей жанчын у грамадскай вытворчасці, у сямейным быццэ, па дагляданню за дзясцямі і іх выхаванню»¹².

На наш погляд, сямейны догляд за дзясцямі і іх выхаванне не з'яўляецца спецыфічна жаночай працай, абумоўленай псіхафізіялагічнымі асаблівасцямі арганізму жанчыны. Усе віды працы, звязаныя з задавальненнем матэрыяльных і духоўных запатрабаванняў членаў сям'і, а таксама з назіраннем

і доглядам дзяцей могуць выконваць і мужчыны. Да спецыфічна жаночай працы можна аднесці толькі кармленне груднога дзіцяці.

Н. М. Шышкан разумее пад жаночай працай «усякую грамадска неабходную працу ў сваім канкрэтным выяўленні, якую можа выказаць жанчына з улікам спецыфікі яе рабочай сілы, абумоўленай фізічнымі і псіхафізіялагічнымі асаблівасцямі арганізма, што дапускае выкананне жанчынай адносна «лёгкіх (у фізічных адносінах) работ»¹³.

Гэта вызначэнне жаночай працы дазваляе выбраць тыя сферы дзейнасці, у якіх выкарыстоўванне працы жанчын не супярэчыць псіхафізіялагічным асаблівасцям іх арганізма. Жаночая праца — гэта праца, якую «фактычна выконвае жанчына».

Мэтазгоднасць уяўлення ў навуковы абарот двух паняццяў, на наш погляд, выклікана тым, каб мець уяўленне аб адпаведнасці працы жанчын іх прыродным асаблівасцям. Зараз далёка не ўсе жанчыны заняты працай, якая адпавядае спецыфіцы іх арганізма. Так, з 60,054 млн. жанчын, рабочых і служачых народнай гаспадаркі, 3,4 млн. заняты на работах, шкодных для здароўя, 275 тыс. — на цяжкіх фізічных работах, 4 млн. працуюць у начную змену. Ажыццяўленне рэальнай эканамічнай роўнасці мужчын і жанчын патрабуе пераадолення сацыяльна-эканамічнай неаднароднасці розных відаў працы, скарачэння выкарыстання ручной працы, якой заняты 4,2 млн. жанчын¹⁴.

Гэтаму будучы садзейнічаць укараненне комплекснай механізацыі, аўтаматызацыі, робатызацыі, камп'ютэрызацыі, пашырэнне сферы выкарыстання працы жанчын у грамадскай вытворчасці, ліквідацыя розніцы ў выкарыстанні мужчынскай і жаночай рабочай сілы і павышэнне творчай часткі працы жанчын шляхам тэхнічнай рэканструкцыі народнай гаспадаркі, удасканалванне санітарна-гігіенічных умоў працы, якія вызначаюць магчымасць аднаўлення і развіцця здольнасцей да працы і мацярынства.

Такім чынам, вырашэнне сацыяльна-эканамічных праблем працы жанчын і дасягненне імі сацыяльнай роўнасці патрабуюць поўнага задавальнення патрэбнасці сям'і ў якасці новых дзіцячых дашкольных установах, стварэння эфектыўнай сферы паслуг, заснаваных на індустрыяльна-прамысловым выкананні ўсіх гаспадарча-бытавых аперацый, пераадолення сацыяльна-эканамічнай неаднароднасці відаў працы.

¹ Гл.: Конституция СССР. М., 1988. С. 15.

² Ленін У. І. Творы. Т. 29. С. 396.

³ Гл.: Белая Т., Бояркина Н. Женщина на работе и дома // Комс. правда. 1989. 10 марта.

⁴ Гл.: Советская женщина. 1989. № 2. С. 38; Набатникова Т. Легко ли быть мамой? // Правда. 1989. 31 янв.; Раш К. Всех царств дороже // Правда. 1989. 22 февр.; Сонин М. Я. Развитие народонаселения: Экономический аспект, М., 1980. С. 277; Юк З. М. НТП и труд женщин. Минск, 1981. С. 56; Толокина Е. Так сколько должна работать женщина? // Работница. 1989. № 9.

⁵ Гл.: Труд в СССР. М., 1988. С. 105; 107—108.

⁶ Гл.: Аргументы и факты. 1989. № 9. 4—10 марта. С. 1.

⁷ Гл.: Бреев Б. Д. Человек и производство. М., 1989. С. 237; Раш К. Всех царств дороже // Правда. 1989. 22 февр.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 75.

⁹ Гл.: Толокина Е. Так сколько должна работать женщина? С. 4.

¹⁰ Гл.: Китов А. И. Экономическая психология. М., 1987. С. 68.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 28.

¹² Машикова Т. А. Занятость женщин и материнство. М., 1989. С. 8.

¹³ Шышкан Н. М. Социально-экономические проблемы женского труда. М., 1980. С. 15.

¹⁴ Гл.: Аргументы и факты. 1989. № 9. 4—10 марта. С. 1.

В. И. НАПРЕЙКОВА

РАЗВИТИЕ КООПЕРАЦИИ И УКРЕПЛЕНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ ТРУДА

Материальное производство, представляя собой главное условие жизни людей, предполагает их совместную трудовую деятельность. Общественное производство существует лишь как совокупность различных видов дифференцированного труда. Только благодаря совместным усилиям многих лиц, коллективов работников осуществляется воспроизводственный процесс. «Чтобы производить,— указывал К. Маркс,— люди вступают в определен-

ные связи и отношения, и только в рамках этих общественных связей и отношений... имеет место производство»¹.

Процесс производства предполагает дифференциацию трудовой деятельности производителей; каждый вид специализированного конкретного труда сосуществует с другими видами и их взаимосвязь реализуется через обмен деятельностью и ее результатами, который «...совершается в самом производстве, относится прямо к нему и составляет его существенную сторону»². Обмен трудовой деятельностью и ее результатами представляет собой непрерывный процесс, так как люди не могут прекратить производить, как не могут прекратить и потреблять. В силу этих причин отношения совместного труда и определенной формы соединения людей с целью создания материальных благ представляют такие процессы, которые находят свое выражение в кооперации труда.

Кооперация труда представляет собой, по определению К. Маркса, «союз свободных людей, работающих общими средствами производства и совместно... расходующих свои индивидуальные рабочие силы как одну общественную рабочую силу». Он подчеркивал, что для того «чтобы освободить трудящиеся массы, кооперативный труд должен развиваться в общенациональном масштабе и, следовательно, на общенациональные средства». В. И. Ленин определял социализм как «единый кооператив трудящихся»³.

Кооперация является общественной производительной силой труда, которая по своему содержанию относится к потенции непосредственно обобществленной или совместной формы труда, т. е. возникает только при единстве определений совокупности производителей, при их общественном контакте. Однако не всякий совместный труд является кооперацией, а лишь тот, который объединяется технологией производства, причем не обязательно, чтобы весь трудовой процесс был охвачен непосредственно изготовлением продукта.

Интеграция трудовой деятельности и обмен ее результатами осуществляется в кооперации труда, при которой уже не отдельный производитель выступает в качестве действительного создателя материальных благ и продуктов. Взаимодействие людей, специализирующихся на том или ином виде трудовой деятельности, представляет собой его социально-экономическую сторону и образует производственные отношения.

Первое изменение, которое претерпевает труд в результате формирования общественной собственности на средства производства, состоит в том, что каждый работник вступает в процесс производства экономически равным другому. Объединенные общей целью производства, общественной собственностью на средства производства и планомерностью, участники социалистической кооперации труда заботятся не только о собственных интересах, но и об интересах коллектива, т. е. здесь происходит органическое соединение общественных, коллективных и личных интересов, способствующих динамичному развитию социалистического производства.

Социалистическая кооперация труда выступает целостным образованием, что определяется общественной собственностью на средства производства. Вместе с тем она имеет сложную структуру, составленную из ее подсистем, — государственной и колхозно-кооперативной собственности; в ее структуре выделяются низшие уровни: предприятия, цехи, участки, бригады, применяющие аренду, семейный и бригадный подряд. Между этими структурными уровнями, т. е. первичными звеньями, существует широкая гамма отношений, главная линия которых определяется существенным признаком кооперации — технологической связью. Обеспечение более высокой ступени зрелости социалистической кооперации труда, реализация ее внутренних противоречий видится в создании новых организационных структур производства, в углублении связей между первичными звеньями. Кооперация, выступая формой непосредственного обобществления производства, раздвигает его границы, но и сама, по системе обратных связей, зависит от него. Эти процессы имеют непосредственную связь с эффективностью труда и производством, особенностями ее повышения.

В решении задачи согласованного планового руководства подсистемами социалистической кооперации труда, расширении масштабов последней возрастает значение единого ритма трудового процесса, поддержания строгой дисциплины, проявляющейся на современном этапе совершенствования социализма в различных формах.

Учение о социалистической дисциплине труда создано В. И. Лениным, который придавал ей огромное значение в формировании нового отношения к труду, сотрудничества и взаимопомощи. В работе «Великий почин»

В. И. Ленин указывал, что, когда будет осуществлена победа над косностью, распушенностью, рутинностью «...тогда и только тогда новая общественная дисциплина, социалистическая дисциплина будет создана, тогда и только тогда возврат назад, к капитализму, станет невозможным, коммунизм делается действительно непобедимым»⁴. В. И. Ленин указывал, что необходимость налаживания строгой дисциплины труда вытекает из природы крупного машинного производства. Однако в условиях социалистического производства происходит изменение сущностных сторон дисциплины труда, которая в процессе своего развития строилась на различных принципах в зависимости от формы организации обобщественного труда, его кооперации. Антагонистическая организация общественного труда держалась на дисциплине палки и голода, а «коммунистическая организация общественного труда, к которой первым шагом является социализм, держится и чем дальше, тем больше будет держаться на свободной и сознательной дисциплине самих трудящихся»⁵.

Расширение масштабов социалистической кооперации труда до уровня всего народного хозяйства, и даже интернационального уровня, со всей ответственностью требует перехода «...от дисциплины, вынужденной эксплуататорами, к дисциплине сознательной и добровольной». Это главным образом определяется тем, что «от всякого нового общественного порядка требуются новые отношения между людьми, новая дисциплина». Перестройка общественных отношений в целом, и производственных, экономических отношений в частности, необходимо требует «...налаживать крепкую и дружную совместную работу большого количества людей в рамках советской организации»⁶.

Таким образом, уже с первых дней победы нового строя поддержание сознательной дисциплины труда представляло собой одно из важных рычагов действительного влияния на развитие социалистической кооперации труда. Дисциплина труда — явление весьма многоплановое и на каждой исторической ступени развития социалистического производства она обогащается новыми формами и методами. В современных условиях, когда особенно многообразны взаимосвязи между предприятиями, объединениями, как по вертикали, так и по горизонтали, значение дисциплины всех форм — трудовой, производственной, плановой, договорной, снабженческой и др. — значительно возрастает. Выпадение из технологической цепи хотя бы одного звена серьезно влияет на весь ход производственного процесса, на эффективность кооперации труда. Здесь речь идет не только о трудовой, но и производственной, в том числе технологической, снабженческой дисциплине, т. е. о тех сферах, которые непосредственно влияют на расширение масштабов социалистической кооперации труда и ее нормальное функционирование. Участники совместного труда, объединенные общей целью, находясь в условиях экономического равенства и оказывая взаимопомощь друг другу в труде, заинтересованы в реализации всех преимуществ социалистической кооперации труда. В условиях социализма использование преимуществ социалистической кооперации труда предполагает наряду с другими и продуктивное использование рабочего времени.

В работе «Очередные задачи Советской власти» В. И. Ленин указывал на необходимость перехода на сдельную форму оплаты труда, ибо она играет важную роль в поддержании дисциплины труда на производстве. Это явление было особенно значимо для первых этапов становления и формирования социалистической кооперации труда, которая развивалась и опиралась на материально-техническую базу, сформированную в условиях капитализма. Впоследствии она сама служит необходимой предпосылкой развития крупного машинного производства, выступая одним из рычагов слаженной, ритмичной работы предприятий и объединений на всех уровнях народного хозяйства.

В 1920 году В. И. Ленин пришел к выводу, что «строить новую дисциплину труда, строить новые формы общественной связи между людьми, строить новые формы и приемы привлечения людей к труду, это — работа многих лет и десятилетий»⁷. Вопросы дисциплины труда, будучи актуальными в современных условиях, предполагают совокупность методов и факторов его укрепления, развивающихся в рамках производственной кооперации.

Дисциплина на уровне всего общественного производства поддерживается с учетом требований основного экономического закона, отношения планомерности и выражается в соблюдении плановой, снабженческой и других форм дисциплины. Для дисциплины труда этого уровня характерно соотношение субъективных и объективных моментов, при ведущей роли последних. Для

низшего уровня, т. е. предприятий, различных по формам объединений и их структурных подразделений, дисциплина выступает осознанным, созидательным рычагом поддержания порядка, ритмичности производства. Здесь, на этом уровне, дисциплина проявляется в формах трудовой, технологической, производственной и т. д. Однако сказанное не означает, что эти два уровня дисциплины развиваются по своим независимым законам, представляют собой различные по характеру процессы. Сущность их на всех уровнях определяется системой социалистического крупного машинного производства, составляющего материально-вещественную основу развивающейся кооперации труда.

Применительно к первичным звеньям социалистической кооперации труда необходимы следующие укрупненные факторы укрепления дисциплины труда: создание рациональных условий труда и его научная организация, сочетание методов морального и материального стимулирования, пересмотр норм выработки; совершенствование управления и организации производства, его материально-технического снабжения, соблюдение договоров поставок и строгая ответственность за их нарушение; организационные формы и методы — связь показателей трудовой дисциплины с основными показателями работы предприятий при подведении итогов социалистического соревнования, дальнейшее развитие бригадной формы как основной формы организации совместного труда; сочетание добровольных и принудительных форм укрепления трудовой дисциплины.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 6. С. 441.

² Там же. Т. 12. С. 725.

³ Там же. Т. 23. С. 88, 773; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 346.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 5—6.

⁵ Там же. Т. 39. С. 14.

⁶ Там же. С. 201—202, 500, 193.

⁷ Там же. Т. 40. С. 316.

І. Ю. БАЧКО

САЦЫЯЛЬНА-ЭКАНАМІЧНАЯ ФОРМА АСАБІСТАГА ФАКТАРА САЦЫЯЛІСТЫЧНАЙ ВЫТВОРЧАСЦІ

Нягледзячы на тое, што ў цэлым праблеме чалавека як «вытворчаму суб'екту» у палітэканамічных даследаваннях адводзіцца значнае месца, усё ж пытанне сацыяльна-эканамічнай формы асабістага фактара сацыялістычнай вытворчасці застаецца пакуль што адкрытым.

Большасць эканамістаў намагаецца аналізаваць суб'ект вытворчасці, ужываючы для гэтага такія паняцці, як «рабочая сіла», «носьбіт рабочай сілы», «рабочы», «працоўны», «суб'ектыўны фактар вытворчасці», «асабісты фактар», «чалавечы фактар», «дзеючая сіла» і да т. п. Па сутнасці, усе гэтыя азначэнні характарызуюць чалавека як асабісты фактар вытворчасці ў процівагу матэрыяльнаму фактару і ў сукупнасці акрэсліваюць змест прадукцыйных сіл любога спосабу вытворчасці.

Не выклікае сумненняў факт неабходнасці вывучэння элементаў спосабу вытворчасці, якія ўтвараюць прадукцыйныя сілы грамадства. «Для таго, каб аналіз вытворчых адносін не быў павярхоўным і адарваным ад жыцця, каб былі выяўлены рэальныя супярэчнасці грамадскага жыцця, іх вывучэнне павінна абавязкова ажыццяўляцца ў адзінстве з развіццём прадукцыйных сіл і надбудовы»¹. Зразумець дыялектыку развіцця таго ці іншага эканамічнага ладу нельга без папярэдняга вырашэння ўзаемаабумоўленасці фактараў вытворчасці. Але ўсё ж, у канчатковым выніку, асаблівае спосабу вытворчасці вызначаецца сацыяльна-эканамічнай формай апошніх, што і складае прадмет даследавання палітычнай эканоміі.

Пры аналізе сацыяльна-эканамічнай формы «вытворчага суб'екта» мы будзем выходзіць з наступных асноватворчых тэарэтычных палажэнняў, якія з'яўляюцца агульнымі для ўсякай грамадскай вытворчасці.

Па-першае, мы павінны помніць, што прадукцыйныя сілы любой грамадскай сістэмы вытворчасці складаюцца з асабістых і матэрыяльных фактараў вытворчасці ў іх сукупнасці і ўзаемадзеянні², а не з рабочай сілы і сродкаў вытворчасці, як даволі часта сцвярджаецца ў эканамічнай літаратуры.

Па-другое, асабісты фактар вытворчасці не з'яўляецца формай рабочай сілы: апошняя выступае ў якасці адной з асноўных функцый асабістага фактара. З пункту гледжання функцыянальнага прызначэння і праяўлення ў працэсе вытворчасці рабочая сіла чалавека якраз гэтак жа, як, напрыклад машына, не прымае і не можа прыняць пэўнасць эканамічнай катэгорыі, бо эканамічныя катэгорыі, па словах К. Маркса, гэта не самі па сабе з'явы, працэсы, а «тэарэтычныя выражэнні, абстрактныя грамадскія адносіны вытворчасці»³.

Рабочая сіла, на наш погляд, становіцца палітэканамічнай катэгорыяй толькі ў сілу таго, што яна выступае ў адносінах да свайго носбіта як нешта самастойнае і мае ўласны эканамічны рух. З'яўляючыся галоўнай натуральнай умовай вытворчасці ў любым грамадстве, рабочая сіла ўяўляе сабой толькі патэнцыяльную здольнасць да працы, а не прадукцыйную сілу грамадства. «Асабісты фактар заўжды быў і застаецца асноўным, адзіна творчым элементам вытворчасці»⁴.

Па-трэцяе, палітычная эканомія як партыйная навука, абцяжараная пэўнымі ідэалагічнымі функцыямі, павінна раскрываць менавіта сацыяльна-эканамічную форму асабістага фактара вытворчасці, а не яго функцыю — рабочую сілу, уяўленне аб чым больш трывала захоўваецца ў поглядах шматлікіх сучасных эканамістаў.

Эканамічная форма асабістага фактара праз механізм сувязі з матэрыяльным фактарам вытворчасці раскрывае рэальнае эканамічнае і сацыяльнае становішча працоўных, прыроду пануючых вытворчых адносін. Глыбока сімвалічным у дадзеным выпадку з'яўляецца сацыяльна-класавая пад-аплёка выкарыстання К. Марксам у «Капітале» «рабочай сілы» ў якасці самастойнай сутнаскай характарыстыкі асабістага фактара. Маркс праз гэтую катэгорыю раскрывае прыгнечанае становішча працоўных, якія эканамічна вымушаны прадаваць свой адзіны тавар — здольнасць да працы. Развіццё чалавека толькі ў якасці рабочай сілы зводзіць асобу да простага выканальніка функцый працэсу вытворчасці.

У савецкай палітэканамічнай літаратуры існуе пэўная шматстайнасць думак па пытанню аб сацыяльна-эканамічнай форме «вытворчага суб'екта», які найчасцей атаясамліваецца альбо з асабістым фактарам вытворчасці, альбо з рабочай сілай. Паколькі ва ўмовах сацыялізму, які «планмерна аб'ядноўвае ўсіх членаў грамадства, усе яго працоўныя ячэйкі ў адзіны вытворчы арганізм»⁵, ні пра якое эканамічнае адасабленне сутнаскай сілы чалавека ад яго носбіта не можа быць і размовы, то рабочая сіла не мае самастойнай эканамічнай формы і не выступае аб'ектам вытворчых адносін. На дадзеным узроўні тэарэтычнага даследавання мы павінны яшчэ адзначыць, што рабочая сіла не толькі не з'яўляецца аб'ектам вытворчых адносін, але і іх суб'ектам, таму што ў якасці апошняга можа выступаць толькі жывы носбіт рабочай сілы, жывая чалавечая асоба.

Аднак азначэнне суб'екта вытворчасці гэта толькі пачатковы этап даследавання, але этап вельмі важны ў тэарэтычных адносінах: ён адмяжоўвае нас ад памылковага шляху даследавання сацыяльна-эканамічнай формы рабочай сілы. Размежаванне паняццяў «рабочая сіла» і «асабісты фактар вытворчасці» сканцэнтруе нашу ўвагу на пошуку эканамічнай формы не самой рабочай сілы, а яе носбіта — асабістага фактара.

Праблема сацыяльна-эканамічнай формы асабістага фактара сацыялістычнай вытворчасці рэалізуецца праз канкрэтызацыю наступных узаемазвязаных задач: па-першае, неабходна перш за ўсё паказаць дыялектычную ўзаемасувязь паміж прыныпова іншай прыродай сацыялізму ў параўнанні з капіталізмам, што абумоўлена асноўнымі вытворчымі адносінамі камуністычнага ладу вытворчасці, і сацыяльна-эканамічнай формай асабістага фактара вытворчасці; па-другое, раскрыць спецыфіку сацыяльна-эканамічнай формы носбіта рабочай сілы ва ўмовах сацыялістычнага абагульнення народнай гаспадаркі; па-трэцяе, акрэсліць сістэму сацыялістычных вытворчых адносін, якая выражаецца эканамічнай формай асабістага фактара.

Камуністычны спосаб вытворчасці, з'яўляючыся адмаўленнем капіталістычнай сістэмы наёмнай працы, адраджае на больш высокай аснове і ў больш развітым выглядзе (як грамадскую) уласнасць працоўных на сродкі вытворчасці. Пры гэтым асноўныя вытворчыя адносіны сацыялізму, якія выражаюць непаруўнае адзінства сацыялістычнай уласнасці і ўсеагульнай, асацыяраванай працы, характэрныя для «сацыялістычнага грамадства як аб'яднання, як асацыяцыю вольных і роўных вытворцаў, што займаюцца супольнай працай па агульнаму плану»⁶. Грамадскія адносіны ў вытворчым

працэсе тут устанаўліваюцца не праз адчужэнне рабочай сілы ад чалавека, а праз асацыяваную форму валодання як умовамі вытворчасці, так і іх вынікамі. Асацыяваная форма ўласнасці на сродкі вытворчасці выключае суб'ект гаспадарання на адзіным узроўні. Іншымі словамі, кожны асобны член сацыялістычнага грамадства ўдзельнічае ў грамадскай вытворчасці як калектыўны суб'ект, а не як адасобленая адзінка. Па гэтаму можна заключыць, што індывідуальны працаўнік і сукупны працаўнік вытворчага калектыву валодаюць дакладнасцю сацыяльна-эканамічнай формы толькі ў складзе інтэгрыраванага працоўнага патэнцыялу грамадства, сутнасць якога раскрываецца ў такім паняцці як «асацыяцыя вольных вытворцаў».

Такім чынам, можна рэзюміраваць: «рух грамадскай вытворчасці як адзінай асацыяцыі працы патрабуе і адзінага суб'екта гаспадарання»⁷. Такім суб'ектам з'яўляецца грамадства ўвогуле, г. зн. грамадства не проста як адзіны вытворца і спажывец, а як адзіны суб'ект гаспадарання, які выконвае свае функцыі — планаванне і кіраванне грамадскай вытворчасцю — праз грамадска-эканамічны цэнтр.

Зыходным пунктам дадзеных тэарэтычных разважанняў з'яўляецца разгляд такой спецыфічнай рысы сацыялізму як калектывізм, таму што яна самым непасрэдным чынам звязана з развіццём сутнасці і крыніцы руху сацыялістычнага ладу: па-першае, сацыялістычнае грамадства выступае як адзіны асацыяваны калектыў вытворцаў, і, па-другое, уся сукупнасць вытворчых адносін разгортваецца як сістэма калектывісцкіх адносін. У гэтым сэнсе калектыўнасць — найбольш простая і ў той жа час найбольш рэальная эканамічная форма сацыялістычнай вытворчасці.

Пры аналізе капіталістычнага спосабу вытворчасці мы таксама можам гаварыць аб асобных баках калектыўнасці, якая носіць аднак другую форму, і не мае адэкватнай сацыяльнай акрэсленасці, што асабліва важна мець на ўвазе пры даследаванні сацыяльна-эканамічнай формы асабістага фактара.

У адрозненне ад капіталізму з яго прыватнай формай уласнасці, што раз'ядноўвае ўсё грамадства на асобныя антаганістычныя класы, групы, агульнанародная сацыялістычная ўласнасць, наадварот, аб'ядноўвае ўсіх членаў грамадства, перш за ўсё як асацыяваных уласнікаў. Пагэтаку сам факт існавання суб'екта ўласнасці, а таксама суб'екта гаспадарання ў форме асацыяцыі вольных вытворцаў, абумоўлівае вылучэнне апошняй як эканамічнай катэгорыі, катэгорыя з'яўляецца «тэарэтычным выражэннем, абстракцыяй грамадскіх адносін вытворчасці»⁸.

Асацыяцыя вольных вытворцаў не можа не быць пачаткам даследавання таму, што ўключэнне індывіда ў грамадскую працу не апасродкуецца ніякімі спецыяльнымі эканамічнымі формамі. Зыходзячы з важнейшай метадалагічнай думкі К. Маркса аб тым, што «эканамічныя катэгорыі — толькі сутнасць абстракцыі сапраўдных адносін і з'яўляюцца ісцінамі пастолькі, паколькі існуюць гэтыя адносіны»⁹, вызначым, якія ж сацыяльна-эканамічныя адносіны выражае катэгорыя, што даследуецца намі. У цэлым палітэканамічная катэгорыя «асацыяцыя вольных вытворцаў» з'арыентуе нас на вывучэнне адносін калектывісцкага характару да ўдзелу кожнага члена сацыялістычнага грамадства ў сукупнай працы і асацыяванай формы прысвойвання асноўных сродкаў вытворчасці. Гэта, па-першае, і, па-другое, яна выражае адносіны непасрэднага ўключэння, без якіх-небудзь асаблівых эканамічных форм руху, кожнага працаўніка ў сістэму ўсеагульнай працы праз вытворчы калектыў пры непасрэдным ўдзеле працоўнай асацыяцыі.

Аднак на практыцы абсалютызаванне значэння формы асабістага фактара на ўзроўні ўсяго сацыялістычнага грамадства не можа не прывесці да такіх непажаданых вынікаў, як абязлічванне сацыялістычнай уласнасці, нарастанне тэндэнцый «нічыйнай» уласнасці, бюракратызацыі механізму кіравання грамадскай вытворчасцю і г. д. Пагэтаку аналіз сацыяльна-эканамічнай формы асабістага фактара ў межах усёй грамадскай вытворчасці неабходна дапоўніць даследаваннем грамадскай формы асабістага фактара на ўзроўні кожнага асобнага асацыяванага працаўніка.

Правамернасць выдзялення гэтага ўзроўню тлумачыцца тым, што менавіта тут праца выступае як усеагульны сродак сувязі працаўніка з грамадствам увогуле з мэтай атрымання пэўнай узнагароды. Да таго ж, асацыяцыя працаўнікоў як асноўны і адзіны суб'ект агульнанароднай формы ўласнасці на сродкі вытворчасці фіксуе роўныя адносіны ўсіх членаў грамадства да агульных сродкаў вытворчасці, але не раскрывае месца кожнага асобнага члена грамадства ў непасрэднай вытворчасці. Справа ў тым, што

не ўсе індывіды з'яўляюцца працаўнікамі, якія прымаюць удзел у выкарыстанні агульнанародных сродкаў вытворчасці шляхам злучэння з імі ў працэсе працы (у поле зроку ў дадзеным выпадку не трапляюць работнікі калгасна-кааператывага сектара эканомікі).

Дваістая эканамічная аснова дзялення чыстага прадукта на неабходны і дадатковы — у прымяненні да ўсяго сацыялістычнага грамадства ў цэлым і да кожнага асобнага працаўніка — таксама заснавана на ўліку двух узроўняў аналізу сацыяльна-эканамічнай формы асабістага фактара вытворчасці.

Такім чынам, паняццыйны апарат для абазначэння грамадскай формы асабістага фактара можна ўявіць ва ўзаемасувязі двух катэгорый: асацыяцыя вольных вытворцаў як форма суб'екта вытворчасці, што выступае адначасова і формай (усеагульнай) асабістага фактара, і асацыяраваны працаўнік, каторы выступае зыходным суб'ектам гаспадарання на ўзроўні першага гаспадарчага звяна.

Змест дыялектычнай узаемасувязі адзначаных катэгорый раскрываецца ў суадносінах асноўнай і зыходнай сацыяльна-эканамічнай формы асабістага фактара вытворчасці ў ходзе сацыялістычнага абагульнення вытворчасці. Усе ж астатнія паняцці, што характарызуюць суб'екта гаспадарання на ўзроўні рэгіёнаў, працоўных калектываў прадпрыемстваў і аб'яднанняў, брыгад і г. д., групуюцца вакол адзначаных катэгорый.

Класіфікацыя катэгорый, што выражаюць грамадскую форму асабістага фактара вытворчасці, спрыяе вырашэнню задачы сістэматызацыі эканамічных адносін, якія і характарызуюць галоўную прадукцыйную сілу сацыялістычнага грамадства з боку вытворчых адносін.

¹ Политическая экономия. М., 1988. С. 48.

² Там жа. С. 42.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 153.

⁴ Политическая экономия. С. 41.

⁵ Планомерность — форма движения социалистических производственных отношений. Минск, 1988. С. 14.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 88—89.

⁷ Там жа. С. 342.

⁸ Там жа. Т. 4. С. 133.

⁹ Там жа. Т. 27. С. 406.

Л. В. ПАВЛОВА

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАКТИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО АРБИТРАЖА

Приоритетность политико-правовых методов при урегулировании международных разногласий в современных условиях повышает значимость международных судебных органов: международного арбитража и международного суда как мирных средств разрешения международных споров. Активное использование государствами арбитражной процедуры при возникновении конфликтных ситуаций, появление новых форм арбитражного процесса, их недостаточная доктринальная разработанность¹ обуславливают необходимость исследования вопросов, связанных с юридической практикой и спецификой арбитражного разбирательства.

Арбитраж — наиболее ранняя форма международного судопроизводства, применявшаяся еще в Древней Греции для решения пограничных споров. Международный арбитраж (третейский суд) — особый вид судебной процедуры, основанный на соглашении-компромиссе между государствами, осуществляемый избранными ими арбитрами (или единолично арбитром), решение которых обязательно для спорящих сторон. Различаются два вида арбитражных судов: Постоянная палата третейского суда и арбитражный суд Ad Hoc, учреждаемый для решения конкретного спора. Постоянная палата третейского суда, созданная в 1900 году, фактически бездействует. В настоящее время наибольшее распространение в практике государств получил арбитражный суд Ad Hoc, порядок формирования и правила процедуры которого заслуживают рассмотрения.

Положение, касающееся порядка формирования такого арбитража, закреплено в статье 45 Гаагской конвенции о мирном решении международных столкновений (1907), но подробную регламентацию он получил в Пересмотренном общем акте о мирном разрешении международных споров (1928) с поправками, внесенными резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 268/III от 28 апреля 1949 года, и Образцовых правилах арбитражного процесса, разработанных Комиссией международного права в 1958 году².

Согласно Акту и Правилам, необходимым предварительным элементом для образования суда Ad Hoc является ясно выраженное согласие государств, оформляемое путем письменного акта любой формы о передаче спора на арбитражное разбирательство. Предметом арбитражного разбирательства может быть любой спор, в отношении которого сторонами взаимно оспаривалось бы право (ст. 17 Акта).

Сторонами арбитражного процесса, как правило, являются государства. Однако современная договорная практика, учитывая растущую роль международных организаций и юридических лиц в международном сотрудничестве, особенно экономического характера, включила их в круг субъектов арбитражного судопроизводства. Так, арбитражный трибунал, созданный по соглашению между Исламской республикой Иран и США в 1981 году, рассматривает не только иски претензии указанных государств, но и юридических лиц, находящихся под их юрисдикцией³. Венская Конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или международными организациями (1986) предоставляет право междуна-

родным организациям наряду с государствами обращаться к арбитражной процедуре (ст. 66)⁴.

Порядок формирования арбитражного суда базируется на принципе паритета. Каждая сторона предлагает два члена, причем лишь один из них может быть гражданином страны, участвующей в споре. Остальные члены и суперарбитр выбираются сторонами с общего согласия из числа граждан третьего государства (ст. 22 Акта). Если назначения не последуют в течение трех месяцев, то формирование суда поручается третьему государству, избранному с общего согласия. При отсутствии согласия сторон по поводу кандидатуры третьего государства назначение производится председателем Международного суда, при условии, что он не является гражданином ни одной из спорящих сторон (ст. 23). Так, в 1977 году арбитражный суд по делу о национализации между двумя американскими нефтяными компаниями и правительством Ливии был сформирован председателем Международного суда ООН.

После образования суда стороны составляют компромисс, определяющий предмет спора и правила судопроизводства (ст. 25). Соглашения о создании арбитражного суда и составлении третейской записи дифференцируются в зависимости от формы обращения к Суду: факультативной или обязательной.

При факультативном обращении к арбитражу требуется согласие всех сторон спора и суд формируется путем заключения между государствами специального соглашения об арбитражном разбирательстве конкретного вопроса. Например, так было достигнуто арбитражное соглашение 1988 года между Египтом и Израилем в связи со спором о возвращении Египту территории Таба. Государства могут заключить договор об арбитражном разбирательстве споров определенной категории. Таково соглашение между Исламской республикой Иран и США (1981) о создании арбитражного трибунала для рассмотрения претензий, возникающих из долгов, контрактов, экспроприаций.

Арбитражный суд может быть учрежден путем заключения дополнительного соглашения к основному договору, предусматривающему арбитражную процедуру для рассмотрения споров между государствами. Так, на основе соглашения между СССР и Францией (1946) о воздушном сообщении, сторонами в 1978 году было заключено соглашение-компромисс об арбитражном разрешении споров, связанных с этим соглашением⁵.

Обязательный арбитраж осуществляется по требованию одной из спорящих сторон, основываясь, как правило, на многостороннем договоре. Такие многосторонние договоры, как Венская Конвенция о правопреемстве в отношении договоров (1978), Конвенция о борьбе с захватом заложников (1979), Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями (1986), предусматривают арбитражный порядок разрешения споров, связанных с их толкованием и применением.

Обязательное арбитражное судопроизводство для указанной категории споров закреплено в уставах ряда международных организаций универсального характера, например: Конвенция о Всемирной метеорологической организации (1947), Всемирная почтовая конвенция (1964), Международная конвенция электросвязи (1965), Конвенция о международной организации морской спутниковой связи (ИНМАРСАТ) 1976 года. Причем в большинстве случаев порядок формирования арбитражного суда и правила процедуры регламентируются в Приложениях к указанным конвенциям. Таково Приложение об арбитражной процедуре разрешения споров, предусмотренных статьей 31 Конвенции об ИНМАРСАТе⁶. Характерно, что обязательный арбитраж допускается только в том случае, если использование других мирных средств не привело к соглашению сторон об урегулировании конфликта (например, переговоры, Международный суд — ст. 31 конвенции об ИНМАРСАТе). Поэтому нельзя согласиться с утверждением ряда советских юристов-международников (Энтин М. Л., Рыбаков Ю., Выглежанина Е.) о том, что обязательный арбитраж нарушает свободу усмотрения государств в выборе мирных средств разрешения спора⁷.

Итак, международная практика показывает, что порядок образования арбитражных судов *Ad Hoc* и принципы формирования их состава полностью зависят от усмотрения государств. Волей государств определяется процессуальная процедура арбитражного суда, фиксируемая в соглашении-компромиссе, заключаемом между двумя спорящими сторонами. Оно включает положения о нормах и принципах права, которыми должен пользоваться

ся суд при вынесении решения, определяет сроки вынесения решения, язык процесса, порядок распределения издержек и расходов.

Арбитражный процесс состоит из двух отдельных стадий: обмен составительными бумагами и слушание дела. Стороны имеют широкие полномочия в предоставлении членам суда и противной стороне через своих адвокатов, поверенных и представителей любых письменных и устных объяснений, которые они считают целесообразными для своей защиты (ст. 15 Правил).

Суд может требовать дачи всех необходимых разъяснений, явки свидетелей, обращаться к экспертам и оценивать доказательства по своему усмотрению (ст. 18). Заседание суда, как правило, закрытое. При вынесении решения суд применяет нормы и принципы международного права, но если это зафиксировано в компромиссе, он может постановить решение «*ex aequo et bono*» (по справедливости, ст. 10). Арбитражное решение принимается большинством голосов. Оно считается окончательным и подлежит обязательному исполнению (ст. 30).

Спецификой образования и судопроизводства отличаются региональные арбитражные суды таких международных организаций, как Лига арабских государств, Организация Американских государств, Организация Африканского единства, Европейское сообщество. Их статус регулируется специальными актами, закрепляющими систему мирного урегулирования споров. Например, Боготинский пакт о мирном разрешении международных споров (1948) государств — членов Организации Американских государств, Страсбургская конвенция (1957) о мирном разрешении международных споров государств — членов Европейского сообщества, Протокол Комиссии по посредничеству, примирению и арбитражу (1964) государств — членов Организации Африканского единства.

Арбитражные суды региональных организаций обычно формируются из членов комиссий по посредничеству, примирению и арбитражу, избираемых государствами в ограниченном составе на определенный срок. Процедура разбирательства закреплена в положении о Комиссии. Иной порядок формирования арбитражного суда предусматривается в Уставе Лиги арабских государств. Функции арбитров выполняют все члены Совета Лиги — высшего органа ЛАГ, за исключением представителей спорящих государств. Разбирательство осуществляется в рамках процедуры, предусмотренной для деятельности Совета Лиги (ст. 5)⁸.

Однако существующие региональные системы не пользуются авторитетом у государств и носят пока формальный характер. Объясняется это, видимо, ограничением свободы усмотрения государств как при формировании суда, так и при определении порядка арбитражной процедуры.

Вместе с тем в международной практике наблюдается стремление к созданию новых региональных арбитражных судов. Так, в рамках Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе с 1975 года разрабатывается проект договора о европейской системе мирного урегулирования споров, включающий и обязательную арбитражную процедуру. В итоговом документе (1989) Венской встречи представителей государств — участников Совещания предусматривается созвать совещание экспертов в Валлетте в 1991 году для выработки механизма обязательного привлечения третьей стороны к урегулированию споров определенной категории⁹.

В последнее время практика международных отношений выдвигает новую форму третейского разбирательства — специальный арбитраж, учреждаемый для рассмотрения споров в определенных областях межгосударственного сотрудничества. Важная роль отводится специальному арбитражу в механизме урегулирования споров, разрешаемых на основе Конвенции по морскому праву (1982). Специальный арбитраж, регулируемый Приложением VIII Конвенции, установлен для строго ограниченной категории споров, касающихся рыболовства, защиты и сохранения морской среды, морских научных исследований, судоходства, включая загрязнение с судов и в результате захоронения отходов¹⁰.

Порядок образования, процесс разбирательства и характер выносимых решений специальным арбитражем весьма специфичны. Специальный арбитражный суд формируется на паритетных началах из списка экспертов, представляемых государствами в каждой категории споров. Списки формируются и находятся в ведении международных организаций, соответствующих по профилю категории споров. Например, в области рыболовства такой организацией является ФАО — Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ст. 2).

Специальный арбитраж обладает более широкой компетенцией, выходящей за рамки традиционных арбитражных функций. Он имеет право по просьбе сторон производить расследование, устанавливать факты, вызвавшие спор, касающийся толкования или применения положений Конвенций, относящихся к рыболовству, защите морской среды, научным исследованиям или судоходству. Если стороны не договорились об ином, установление факта специальным арбитражем является окончательным для сторон. По просьбе сторон специальный арбитраж может делать рекомендации, которые заинтересованные стороны учитывают при рассмотрении вопросов, вызвавших спор (ст. 5).

Анализ различных форм арбитражной процедуры на современном этапе позволяет сделать вывод, что государства отдают предпочтение арбитражному суду Ad Hoc из-за гибкости и большей свободы усмотрения спорящих сторон при такой форме третейского разбирательства.

Это подтверждается появлением элементов арбитражного разбирательства в деятельности Международного суда ООН. Так, в 1978 году в Регламент Международного суда ООН были внесены изменения, согласно которым стороны в любое время до окончания письменного разбирательства могут обратиться с ходатайством о перенесении их спора в Камеру, количественный и персональный состав которой определяется участниками спора (ст. 17)¹¹. Камерами, сформированными по указанному принципу, уже рассмотрено четыре дела: в 1979 году спор США и Канады о заливе Мэн; в 1985 — пограничный спор между Буркино Фасо и Мали; в 1987 — иск США к Италии по поводу действий итальянской компании «Электроника» и пограничный спор между Сальвадором и Гондурасом¹².

Как правило, решения арбитражных судов выполняются сторонами. Так, решение Международного арбитражного суда от 29 сентября 1988 года, рассматривавшего спор между Египтом и Израилем о возвращении Египту незаконно удерживаемой Израилем территории Таба, было выполнено Израилем, хотя для практики этого государства характерно постоянное игнорирование решений других международных органов, в том числе и Совета Безопасности ООН.

При спорах, возникающих в определенных сферах сотрудничества, особенно по технико-эксплуатационным вопросам, как показывает опыт Конвенции по морскому праву (1982), приоритетной является обязательная арбитражная процедура с более широкими функциями, включающими возможность расследования факта спора и дачи рекомендаций сторонам.

¹ См.: Специально арбитражному суду посвящена только одна монография — Михайловский Н. К. Международный арбитраж. Киев, 1963.

² См.: Современное международное право: Сборник документов. М., 1964. С. 515 и далее.

³ См.: American Journal of International Law. 1983. № 5. P. 643.

⁴ См.: Венская конвенция о праве договоров между государствами и между международными организациями или международными организациями. Док. A/CONF 129/15 от 20 марта 1986. С. 44—45.

⁵ См.: Словарь международного права. М., 1986. С. 14.

⁶ См.: Белорусская ССР в международных отношениях. Минск, 1980. С. 105—108.

⁷ См.: Энтин М. Л. Международные судебные учреждения. М., 1984. С. 21; Рыбаков Ю., Выглежанна Е. О формах и методах урегулирования споров // Международная жизнь. 1979. № 5. С. 77.

⁸ См.: Современное международное право. М., 1964. С. 456.

⁹ См.: Итоговый документ Венской встречи представителей государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе // Международная жизнь. 1989. Март. С. 132.

¹⁰ См.: Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву. Док. A/CONF 62/122 от 7 октября 1982.

¹¹ См.: Регламент суда, принятый 14 апреля 1978 года. Гаага, 1986. С. 6.

¹² См.: Stephen M. Schwelb. Ad Hoc Chamber of the International Court. // American Journal of International Law. 1987. № 4. P. 847.

СПРЭЧНЫЯ ПЫТАННІ ПРАВЯДЗЕННЯ ЭКСПЕРТЫЗЫ У КРЫМІНАЛЬНЫМ ПРАЦЭСЕ

Экспертыза з'яўляецца адным з відаў навукова-тэхнічных сродкаў, якія выкарыстоўваюцца ў крымінальным судаводстве. У залежнасці ад таго, як закон рэгулюе назначэнне і правядзенне экспертызы, у многім залежыць эфектыўнасць правасуддзя. Кола пытанняў, рашаемых з дапамогай экспертных даследаванняў, пашыраецца, расце іх узровень. Але застаецца яшчэ шэраг праблем, якія патрабуюць вырашэння, паколькі маюць вялікае тэарэтычнае і практычнае значэнне.

У працэсе доказання экспертыза выступае як адна з форм збірання і даследавання доказаў. Адсюль паўстае задача: вызначыць месца экспертызы ў сістэме крымінальна-працэсуальных дзеянняў.

Згодна з арт. 72 КПК БССР, экспертыза назначаецца ў выпадках, калі пры правядзенні даследавання, папярэдняга следства і пры судовым разборы неабходны спецыяльныя пазнанні ў навуцы, тэхніцы, мастацтве або рамястве. З сэнсу гэтай юрыдычнай нормы выцякае, што экспертыза — адзіная форма выкарыстання спецыяльных ведаў у крымінальным працэсе. На самай справе гэта не так. Пры раскрыцці злачынстваў, а таксама ў час судовага разгляду магчымы ўдзел асобы, якую закон імянуе спецыялістам. Нягледзячы на тое, што спецыяліст, як і эксперт, валодае спецыяльнымі ведамі ў навуцы, тэхніцы, мастацтве, або рамястве, яго роля некалькі іншая, чым у эксперта. Ён павінен аказаць дапамогу следчому і суду пры іх працы з доказамі.

Акрамя названых форм, неабходнасць выкарыстання спецыяльных пазнанняў у крымінальным працэсе ўзнікае і ў іншых выпадках. У дзеючым КПК БССР няма агульнай нормы, якая вызначала б іх. Гэта — недахоп заканадаўчай тэхнікі і ён павінен быць ліквідаваны.

У арт. 75 КПК акрэслена, калі правядзенне экспертызы з'яўляецца абавязковым. Шляхам тлумачэння зместу норм гэтага артыкула можна прыйсці да вываду, што калі няма ў наяўнасці пералічаных у законе абставін, дык следства і суд могуць абыйсціся без экспертызы. Між тым, экспертыза неабходна для вырашэння ўсіх пытанняў, якія адносяцца да яе прадмету. Артыкул 75 КПК неабгрунтавана звужвае прымяненне арт. 72 КПК. Пры ўдасканаленні заканадаўства гэты аспект трэба мець на ўвазе.

Дзеючы крымінальна-працэсуальны закон пабудаваны так, што накіроўвае на правядзенне экспертызы менавіта ў стадыі папярэдняга следства: большасць норм, якія вызначаюць статус экспертызы, змешчана ў раздзелах, дзе гаворка ідзе аб даследаванні і папярэднім следстве. Артыкулы 291—293 КПК, існуючыя для вызначэння парадку правядзення экспертызы ў судзе, даслоўна паўтараюць некаторыя нормы гл. 17 КПК «Правядзенне экспертызы», або адсылаюць да нормаў гэтай главы. Такі падыход да заканадаўчай рэгламентацыі экспертызы адмоўна адбіўся на практыцы. Суд рэдка назначае яе правядзенне. Тады, калі яна неабходна, ён накіроўвае справу на дадатковае следства. Нормы КПК, рэгулюючыя правядзенне экспертызы, пажадана змясціць у агульнай частцы КПК, якая мае аднолькава важнае значэнне для дзейнасці на працягу ўсяго крымінальнага працэсу, а ў асобнай частцы трэба каб знаходзіліся дэталізуючыя нормы.

Сярод норм КПК найбольш важнае значэнне маюць нормы, якія вызначаюць кампетэнцыю эксперта. Паняцце «кампетэнцыя» эксперта адрозніваецца ад паняцця «кампетэнтнасць» эксперта.

Пад кампетэнцыяй эксперта трэба разумець сукупнасць яго правоў і абавязкаў, якія азначаны ў законе і рэалізуюцца пры следстве і разглядзе крымінальнай справы. Кампетэнтнасць эксперта — гэта здольнасць менавіта дадзенай асобы, валодаючай спецыяльнымі пазнаннямі, вырашаць пытанні, уваходзячыя ў прадмет экспертызы. Яна вызначаецца ўзроўнем ведаў эксперта. На практыцы могуць быць выпадкі, калі ў якасці эксперта выступаюць асобы, якія валодаюць кампетэнцыяй, але ўзровень іх ведаў у навуцы, тэхніцы, мастацтве або рамястве такі, што не дазваляе лічыць іх кампетэнтнымі. Кампетэнцыяй эксперта павінны надзяляцца толькі тыя асобы, якія валодаюць кампетэнтнасцю. Тым больш, што ў арт. 74 КПК сказана, што эксперт не можа прымаць удзел у справе «ў выпадку, калі выявіцца яго некампетэнтнасць». Адсутнасць гэтай нормы не дала б магчымасці ўдзельнікам працэсу заявіць адвод такому эксперту. Але ў гэтым пытанні заканадаўца не да канца паслядоўны, бо ў КПК няма нормы, якая дава-

ла б магчымаць выбраць эксперта зацікаўленаму ўдзельніку працэсу. Больш таго, у арт. 72 КПК сказана: «Экспертыза праводзіцца экспертамі адпаведных устаноў або іншымі спецыялістамі, назначанымі асобай, якая праводзіць даследаванне, следчым, пракурорам і судом». Такім чынам, ініцыятыва ўдзельнікаў працэсу выключаецца.

Дзеючае заканадаўства недаацэньвае і саму значнасць экспертызы для пошукаў ісціны па разглядаемай справе. Зыходзячы са зместу арт. 72 КПК, правядзенне экспертызы магчыма толькі ў ходзе папярэдняга следства і судовага разбору крымінальнай справы. Гэта адмоўна адбіваецца на вырашэнні пастаўленых задач, паколькі застаюцца невыкарыстанымі працэсуальныя магчымасці нават таго суда, у абавязак якога ўваходзіць непасрэднае даследаванне доказаў. У прыватнасці, неабходнасць экспертызы можа ўзнікнуць у стадыі выканання прыговору, асабліва пры вызначэнні фізічнага і псіхічнага становішча асуджанага. Заклучэнне эксперта замяняецца заклучэннем урачэбнай камісіі. Між тым, заклучэнне ўрачэбнай камісіі не адносіцца да доказаў. Аб ім не ўпамінаецца ў арт. 63 КПК, дзе пералічаны ўсе магчымыя віды доказаў. І гэта натуральна. Заклучэнне ўрачэбнай камісіі служыць іншым мэтам. Яно з'яўляецца адной з працэсуальных падстаў для разбору ў судзе некаторых пытанняў, звязаных з адбыццём пакарання. Калі суд сумняваецца ў кампетэнтнасці ўрачоў, тады назначэнне экспертызы выключаецца, бо ўзнікаюць цяжкасці працэсуальнага характару: у КПК БССР няма нормы, якая прадугледжвала б правядзенне экспертызы на даным этапе крымінальна-працэсуальнай дзейнасці. У стадыях, дзе правяраецца законнасць і абгрунтаванасць прыговораў, суд таксама не мае магчымасці прыняць рашэнне аб правядзенні экспертызы, бо засноўвае свае вывады толькі па наяўных у справе і дадаткова прадстаўленых матэрыялах. У юрыдычнай літаратуры існуе меркаванне аб неабходнасці пашырэння паўнамоцтваў суда касацыйнай інстанцыі і ўвядзенні элементаў апеляцыйі¹. Трэба зазначыць, што ў многіх замежных краінах правёрка законнасці і абгрунтаванасці прыговораў, якія не ўступілі ў законную сілу, з'яўляецца апеляцыйным або касацыйна-апеляцыйным дзеяннем².

Згодна з крымінальна-працэсуальным заканадаўствам, у стадыі аддання пад суд вырашаецца пытанне не аб назначэнні экспертызы, а аб выкліканні эксперта для яго ўдзелу ў пасяджэнні, калі справа падляжыць судоваму разбору. Мэтай такога выклікання з'яўляецца допыт эксперта, які даваў заклучэнне на папярэднім следстве і гэта заклучэнне для ацэнкі судом патрабуе тлумачэння, у сувязі з ягонай няяснасцю або супярэчнасцю іншым доказам. Пры адсутнасці гэтых умоў суд можа абмежавацца толькі абвясчэннем заклучэння эксперта. Калі экспертыза на папярэднім следстве не праводзілася, выкліканне эксперта будзе азначаць, па сутнасці, назначэнне экспертызы, што недапушчальна ў стадыі аддання пад суд. Для правядзення экспертызы ў судзе першы раз, трэба ў стадыі судовага разбору вынесці аб гэтым вызначэнне.

Выкліканне ў суд эксперта, даўшага заклучэнне на папярэднім следстве, мэтазгодна ў выпадках, калі для ацэнкі абгрунтаванасці вывадаў эксперта, праверкі правільнасці прымянення ім канкрэтных метадык, прыведзеных у даследчай частцы заклучэння, разлікаў і іншых, патрабуючых тлумачэння эксперта або дапаўнення заклучэння фактаў. На жаль, у практыцы маюць месца неабгрунтаваныя выкліканні экспертаў у суд (напрыклад, толькі для пацвярджэння ў поўным аб'ёме данага ім раней заклучэння). Для папярэджання неабгрунтаванага гублення часу эксперта суды павінны карыстацца пастановай Пленума Вярхоўнага Суда СССР «Аб судовай экспертызе па крымінальных справах», дзе сказана, што суд па хадайніцтву эксперта можа абмежаваць яго прысутнасць у судовым пасяджэнні часам, неабходным для даследавання доказаў, маючых адносіны да прадмету экспертызы³.

Цэнтральным момантам правядзення экспертызы з'яўляецца афармленне яе вынікаў і накіраванне іх органу або асобе, назначыўшай экспертызу, а таксама ацэнка і далейшае выкарыстанне ў даказванні. Заява эксперта аб немагчымасці даць заклучэнне не з'яўляецца доказам.

Заклучэнне эксперта ацэньваецца судом, пракурорам, следчым або асобай, якая праводзіць даследаванне, па перакананню, заснаванаму на ўсебаковым, поўным і аб'ектыўным разглядзе ўсіх акалічнасцей справы ў іх сукупнасці, кіруючыся законам і сацыялістычнай правасвядомасцю. Для асоб, вядучых крымінальны працэс, заклучэнне эксперта не з'яўляецца абавязковым, аднак нязгода з ім павінна быць матывавана. Асноўны чынар пры ацэнцы заклучэння эксперта ўзнікае, калі вызначаецца яго навуковая годнасць.

Эксперт павінен дзейнічаць у межах сваёй кампетэнцыі і кампетэнтнасці. Парушэнне іх прывядзе да ліквідацыі гэтага віду доказаў. Такое становішча можа скласіся ў наступных выпадках: дача заключэння асобай, якая не з'яўляецца спецыялістам у данай галіне ведаў; выхад эксперта пры правядзенні ім даследаванняў за межы сваіх ведаў, калі ён: не валодаючы кампетэнтнасцю, праводзіць даную экспертызу; умешваецца ў вобласць спецыяльных пазнанняў другога эксперта; вырашае пытанні права; прыходзіць да вынікаў, заснаваных на лагічных розумазаключэннях, якія не адносяцца да вынікаў прымянення спецыяльных ведаў; даследуе аб'ект экспертызы пры адсутнасці існуючых метадык, ідзе ў сваіх даследаваннях далей, чым дазваляе сучаснае становішча данай галіны ведаў; самастойна збірае матэрыялы для даследавання.

Экспертыза, праведзеная экспертам не адпаведнай спецыяльнасці, не можа з'яўляцца доказам па справе. Менавіта таму, патрабуецца ўстанавіць: ці сапраўды эксперт валодае спецыяльнымі пазнаннямі ў патрабуемай галіне ведаў. Ацэнка кампетэнтнасці эксперта не абмяжоўваецца толькі канстатаваннем наяўнасці ў яго адпаведнай адукацыі. Яна ідзе далей: следчы, пракурор і суд павінны вызначыць як агульную, так і вузкую спецыяльнасць эксперта. Мала ўстанавіць, напрыклад, што заключэнне дадзена экспертам-крыміналістам, трэба таксама выявіць вобласць яго спецыялізацыі (трасалогія, балістыка і г. д.).

У сваім заключэнні эксперт можа прыйсці да розных вынікаў і даць катэгарычнае або верагоднае заключэнне. Як ставіцца да верагодных заключэнняў эксперта? Ці могуць яны з'яўляцца доказамі па справе?

Пазнанне ісціны ў крымінальным працэсе — пераважна інфармацыйная з'ява. Яе каштоўнасць вызначаецца праз прырост ступеняў верагоднасці даказваемых акалічнасцей па справе, пераход ад верагодных ведаў да пэўных. Напрыклад, на месцы крадзяжу знайдзены фрагмент сляда пальца і па маючым даным эксперт не можа даць катэгарычнае заключэнне, што адбітак зроблены менавіта гэтым чалавекам, а не іншым. Аднак даследаванне робіць такі вывад вельмі верагодным, што можа сведчыць аб магчымай прыналежнасці нейкай асобы да злачынства.

Верагодныя заключэнні экспертаў па сваёй лагічнай характарыстыцы і даказальнай сіле не адрозніваюцца ад ускосных доказаў, якія шырока выкарыстоўваюцца пры следстве і судовым разборы крымінальнай справы і маюць даказальнае значэнне, калі падмацоўваюцца сістэмай іншых доказаў.

Акрамя «чыста даказальнага» значэння, верагодныя заключэнні эксперта могуць выкарыстоўвацца для вылучэння следчых і судовых версій, ацэнкі другіх доказаў, пошукаў новых фактычных даных, а таксама з'яўляцца асновай для назначэння комплексных і камісійных экспертыз.

У арганізацыйным плане рашэнне праблемы паляпшэння якасці экспертызы павінна забяспечвацца пастаянным удасканаленнем сістэмы дзяржаўных экспертных устаноў і павышэннем узроўню падрыхтоўкі судовых экспертаў. Дзяржаўную сістэму экспертных устаноў трэба развіваць шляхам уключэння ў яе новых відаў экспертызы, а таксама аптымізацыі тых, што праводзяцца.

¹ Гл.: Перлов И. Д. Кассационное производство в советском уголовном процессе. М., 1968. С. 81—82; Пашкевич П. Ф. Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства. М., 1984. С. 120.

² Гл.: Уголовный процесс в европейских социалистических государствах. М., 1978. С. 306.

³ Гл.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924—1986 гг.). М., 1987. С. 793.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ КАМЕРЫ НАРОДНОГО СУДА В ИСТОРИИ СУДОУСТРОЙСТВА БЕЛОРУССКОЙ ССР

В условиях перестройки, социалистического обновления общества и формирования социалистического правового государства научно-теоретическая разработка проблем правовой науки предполагает переосмысление пройденного пути, переоценку ценностей, изучение исторического опыта, в том числе и в области советского судоустройства и судопроизводства.

Историческая ретроспектива помогает правильному решению многих вопросов судебно-правовой реформы, призванной «обеспечить верховенство закона во всех сферах жизни общества, усилить механизмы поддержания социалистического правопорядка на основе развития народолюбия»¹.

Весьма актуальным на современном этапе представляется изучение опыта осуществления национальной политики в сфере правосудия, в частности и в Белорусской ССР.

Как известно, в условиях широко развернувшихся процессов демократизации и гласности проблемы межнациональных отношений, которым не всегда уделялось должное внимание, обострились. В настоящее время они внимательно и всесторонне изучаются, будут гармонизированы и получают правильное, отвечающее современным условиям ленинское решение в теории, законодательстве и на практике, ибо, как отмечалось на XIX Всесоюзной конференции КПСС, «в консолидации и единстве всех советских народов — наше настоящее и будущее»².

В этой связи теоретическое и практическое значение имеет изучение вопроса о национальных камерах народного суда в БССР, о которых долгое время даже не упоминалось в нашей историко-правовой литературе, в том числе и историко-судоустройственной. Но прежде всего немного предыстории.

После Великой Октябрьской социалистической революции белорусская советская социалистическая государственность прошла, как известно, путь от национально-территориального областного образования до независимой социалистической республики, провозглашенной 1 января 1919 года.

В первой Конституции Белорусской ССР, принятой в феврале 1919 года I Всебелорусским съездом Советов, закреплялось равноправие граждан независимо от их расовой и национальной принадлежности, объявлялось противоречащим основным законам республики установление или допущение каких-либо привилегий или преимуществ на этом основании, а равно какое бы то ни было угнетение национальных меньшинств или ограничение их равноправия (ст. 15).

Немного позже, 31 июля 1920 года в Декларации о провозглашении независимости Советской социалистической республики Белоруссии (ССРБ), обнародованной после освобождения территории республики от белопольской оккупации, устанавливалось полное равноправие языков (белорусского, русского, польского и еврейского) в сношениях с государственными учреждениями и органами, в организациях и учреждениях народного просвещения и культуры. Равноправие этих языков в БССР подтверждалось и в последующем. В статье 21 Конституции БССР 1927 года, в частности, за всеми гражданами республики признавалось право свободного пользования родным языком на съездах, в суде, управлении и общественной жизни.

Нужно заметить, что с самого начала советского судебного строительства в Российской Федерации, в состав которой до января 1919 года входила и Белоруссия, наряду с другими демократическими принципами правосудия нормативно (ст. 7 Декрета № 2 о суде и ст. 21 Положения о народном суде РСФСР 1918 года) закреплялось и ведение судопроизводства на всех местных языках. Вопрос о том, на каком конкретно языке или языках происходит судопроизводство и судопроизводство, должны были решать суды совместно с Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В этом проявлялись принципы ленинской национальной политики, обеспечивавшей подлинное равноправие всех наций, рас и народностей страны, свободное развитие и равноправное использование всеми ее гражданами родных языков.

В уголовно-процессуальном законодательстве БССР вопрос о языке судопроизводства получил регламентацию в УПК 1922 года. В соответствии со ст. 22 этого кодекса судопроизводство могло вестись на любом из четырех языков: белорусском, русском, польском или еврейском. Обвиняемому, не владевшему языком судопроизводства, предоставлялось право иметь переводчика.

15 июля 1924 года ЦИК БССР принял постановление «О практических мероприятиях по проведению национальной политики»³, в котором наряду с подтверждением равноправия всех языков белорусский язык ввиду значительного преобладания в республике населения белорусской национальности избирался как преимущественный для сношения между государственными, профессиональными и общественными учреждениями и организациями. Намечался целый комплекс мер по развитию белорусского языка и расширению сферы его функционирования, развитию национальной культуры, выдвигению и воспитанию кадров из коренного населения, привлечению его к активной работе в советском строительстве. Советские, профессиональные и общественные учреждения и организации в течение трех лет обязаны были перевести свое делопроизводство на белорусский язык. Русский язык использовался для сношений с органами Союза ССР и других союзных республик. Вместе с тем в политику так называемой «белорусизации» в качестве ее составной части входило безусловное обеспечение прав и возможностей свободного развития культур национальных меньшинств.

Население республики было многонациональным. На ее территории, кроме белорусов, составлявших основную массу населения, проживали также евреи, русские, поляки, латыши, литовцы и др. Всем национальностям гарантировалась возможность не только свободного пользования родным языком во всех советских учреждениях и организациях, но и обеспечивалось обслуживание национальных меньшинств аппаратами этих учреждений и организаций на их родном языке в тех местностях, где они проживали компактно. В этих целях, в соответствии с указанным постановлением ЦИК БССР от 15 июля 1924 года, были образованы и национальные суды, или, точнее, национальные камеры народного суда. Организацией таких камер ставилась задача обеспечить для национальных меньшинств реальную возможность участвовать в осуществлении правосудия, приблизить суд к местному населению, сделать его максимально доступным и понятным для трудящихся.

Перевод судопроизводства на белорусский язык и открытие национальных камер народного суда для национальных меньшинств, компактно проживавших на территории республики, являлось составной частью той большой программы, которая была намечена и осуществлена в те годы для практического разрешения национального вопроса. Всего в Белорусской ССР было образовано десять национальных камер народного суда. Поскольку в республике наиболее многочисленными компактными национальными меньшинствами в то время были евреи, поляки и латыши⁴, для их обслуживания в сфере правосудия было создано шесть еврейских (Минская, Гомельская, Могилевская, Бобруйская, Витебская и Мозырская), три польских (Минская, Бобруйская и Могилевская) и одна латышская (Витебская) национальные камеры.

Национальные участки народного суда, независимо от места расположения их в округе, распространяли свои полномочия на всю его территорию. К своему производству они принимали дела при наличии взаимного согласия сторон на рассмотрение их дела в национальной камере или определения суда, куда первоначально поступило на рассмотрение дело, о передаче его в национальную камеру. Следует отметить, что взаимное соглашение сторон о передаче дела в указанную камеру могло иметь место лишь в отношении уголовных дел частного обвинения, если в дело не вступил прокурор, и в отношении всех без исключения гражданских дел по спорам между гражданами.

Вынесение определения о передаче дела в национальный участок народного суда производилось по уголовным делам в распорядительном или судебном заседании в зависимости от того, в какой стадии процесса возбуждалось соответствующее ходатайство, при этом суд руководствовался интересами наиболее полного выяснения обстоятельств дела, гласности и обеспечения обвиняемому права на защиту. Определение народного суда о передаче дела в национальную камеру могло быть обжаловано в общем порядке. Пререканий по вопросу о передаче дела между народными судами и указанными камерами не допускалось.

Сохранились данные о деятельности этих камер за 1926 год. В общей сложности еврейские национальные камеры рассмотрели за этот период 1902 уголовных и 4762 гражданских дела. Польские соответственно — 136 и 191 дело, латышская — 17 и 42 дела. Основную массу дел, рассмотренных национальными судами, составляли квартирные споры (33 %) и дела об оскорблении и нанесении побоев (22 %), а также алиментные дела (10 %).

Рассматривались также дела о преступлениях против порядка и власти (8 %), иски о зарплате (4 %) и по векселям (4 %), семейные разделы и о наследовании (2 %), о кражах и торговле самогоном (1,5 %) и некоторые другие гражданские и уголовные дела⁵. Циркуляром НКЮ БССР от 18 декабря 1925 года «О порядке рассмотрения трудовых дел, находящихся в производстве трудовых сессий или районных народных судов», предписывалось во всех случаях возбуждения сторонами ходатайств о передаче дела в национальную камеру народного суда решать этот вопрос положительно⁶.

Национальные камеры действовали в республике почти десять лет. 31 марта 1934 года постановлением ЦИК БССР они были упразднены⁷. Давая общую оценку этой форме суда, нельзя не прийти к выводу, что ее появление и существование в тех условиях было оправданно и полезно. Национальные камеры народного суда, наряду с другими мероприятиями советского государства в области национальной политики, способствовали преодолению последствий национального гнета царизма, вовлечению национальных меньшинств в советское строительство, защите их интересов.

Создание и последующая ликвидация этих судов были закономерным явлением, вызванным конкретными историческими условиями. Их упразднение к середине тридцатых годов было обусловлено, по нашему мнению, рядом причин: сгладились национальные противоречия, вырос образовательный и культурный уровень населения; поднялся авторитет народного суда, в котором лица, не владевшие языком судопроизводства, обеспечивались переводчиком, имели право выступать в суде на родном языке. К тому же интенсивная миграция населения, в связи с реконструкцией народного хозяйства, нарушила национальную компактность меньшинств. Прекращению деятельности национальных судов способствовала обстановка свертывания демократии и деформации принципов социализма, которые стали проявляться в эти и последующие годы вследствие формирования культа личности и утверждения административно-командной системы управления. В республике с конца двадцатых годов началась кампания разоблачения и расправ с так называемым «белорусским национал-демократизмом», что, по существу, являлось грубым искажением ленинской национальной политики.

В современных условиях, когда важнейшим принципом жизнедеятельности нашего многонационального государства становится свободное развитие и равноправное использование всеми гражданами Союза ССР родных языков и русского языка в качестве средства межнационального общения, когда все больше проявляется заботы об активном функционировании национальных языков в различных сферах государственной, общественной и культурной жизни и в союзных республиках вводятся государственные языки, опыт национальных камер народных судов заслуживает внимания. Во всяком случае он показывает, как взвешенно и вдумчиво следует решать вопросы, связанные с языком судопроизводства, как важно соблюдать мудрый завет В. И. Ленина: «Ни малейшего притеснения, ни малейшей несправедливости к национальному меньшинству...»⁸

Представляется, что именно так решен этот вопрос в принятом в январе 1990 года сессией Верховного Совета БССР Законе «О языках в Белорусской ССР»⁹, в статье 15 которого записано:

«В Белорусской ССР судопроизводство ведется на белорусском языке либо на национальном языке большинства населения данной местности.

При рассмотрении в судах уголовных и гражданских дел лицам, принимающим участие в деле и не владеющим языком судопроизводства, обеспечивается право ознакомления с соответствующими материалами, участие в судебных действиях через переводчика, право выступать в суде на родном языке.

Следственные и судебные документы выдаются лицам, принимающим участие в деле, по их требованию, в переводе на родной язык либо другой язык, которым они владеют».

¹ Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС. М., 1988. С. 145—146.

² Там же. С. 139.

³ См.: СУ БССР. 1924. № 11. Ст. 108.

⁴ См.: Практическое разрешение национального вопроса в Белорусской советской социалистической республике. Минск, 1928. Ч. 2. С. 20.

⁵ Там же. С. 110.

⁶ Там же. С. 125—126.

⁷ См.: Уголовно-процессуальный кодекс БССР. Минск, 1938. Ст. 22.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 150.

⁹ Советская Белоруссия. 1990. 13 февраля.

ИЗ ИСТОРИИ ПРОКУРАТУРЫ БЕЛОРУССИИ

С первых же дней образования советской прокуратуры ее представителям пришлось столкнуться с проявлениями местничества в самых разнообразных формах. В практической работе не замедлили сказаться те местнические тенденции, которые пытались отстоять противники создания централизованной прокуратуры. Работники некоторых исполкомов саму мысль о независимости от них представителей прокурорского надзора восприняли как вотум недоверия к ним.

Как свидетельствуют материалы Центрального государственного архива Октябрьской революции (ЦГАОР СССР), изученные в процессе подготовки «Курса прокурорского надзора в СССР», со стороны исполкомов отмечалось стремление «законодательствовать» путем издания обязательных постановлений неправомерного характера, в которых предпринимались попытки регламентировать внутреннюю крестьянскую жизнь.

Противопоставление законности и целесообразности возникало на основе преувеличения руководителями отдельных государственных органов специфики местных конкретных условий и ведомственных особенностей, создающих якобы приоритет целесообразности перед нормами законодательства. Между тем последние, как известно, выражают государственную целесообразность решения любого вопроса.

Выявляя нарушения законности, допускаемые должностными лицами в угоду чисто ведомственным и местническим интересам, но в ущерб интересам государства, прокуратуры принципиально и решительно боролись с подобными проявлениями.

Немало вопросов возникло в связи с осуществлением новой экономической политики. В необходимых случаях прокурорские работники вставали на защиту интересов Советского государства и граждан, опротестовывая противоречащие закону правовые акты. Так, выявляя факты, когда эппманы и домовладельцы добивались выселения пролетарской семьи, прокуратура вмешивалась в дело и вопрос решался в пользу пролетария. Принимались также меры по защите интересов бедноты в деревне¹.

Уже с середины 20-х годов в стране начал укрепляться командно-административный стиль управления делами общества и государства. В. И. Ленин предостерегал от увлечения административной стороной управления и в своих последних письмах обосновал необходимость перестройки государственного аппарата в направлении демократизации и укрепления его правовых основ. Однако те, кто увлекался административной стороной управления, предпочли ленинским идеям в области государственного правового строительства командно-административный стиль.

Руководствуясь указаниями ЦИК и СНК СССР, органы прокуратуры Белоруссии проводили проверки законности наложения штрафов райисполкомами и сельсоветами, опротестовывали административные штрафы и взыскания, наложенные с нарушением общесоюзного и республиканского законодательства.

В соответствии с тезисом «вождя всех времен и народов» классовая борьба все более «обострялась». Соответственно набирала обороты машина репрессий, возросло и количество нарушений законности на местах.

Нередко права граждан ущемлялись руководителями наркоматов, предприятий и организаций, пытающихся путем издания правовых актов оправдать беззаконие ведомственными особенностями и «конкретными обстоятельствами».

Экономически необоснованное форсирование темпов индустриализации и систематическое применение чрезвычайных мер, введенных в связи с хлебными затруднениями и ударивших как по зажиточным элементам, так и по среднему крестьянству, повлекло за собой разгул беззакония. Земельные органы своими постановлениями нередко нарушали установленный законом порядок наложения штрафов на колхозников.

Так, коллегия Наркомзема СССР издала подписанное заместителем наркома Цылько 5 сентября 1933 года постановление № 1424, а Наркомзем БССР в свою очередь издал за подписью наркома Бенек аналогичное постановление от 28 февраля 1934 года № 71, которыми предлагалось штрафовать колхозников на 30 трудодней за нерадивое отношение к выращиванию конского молодняка.

После вмешательства Прокуратуры БССР и Прокуратуры СССР замести-

телем наркома земледелия СССР Мураловым 11 мая 1934 года на места были направлены письма с предложением «восстановить неправильно списанные трудодни в порядке незаконно наложенных штрафов на колхозников и обеспечить выдачу им всех причитающихся натуральных и денежных доходов». Постановлением СНК СССР и ЦК КПБ(б) упомянутые постановления Наркомзема БССР отменены «как изданные без ведома и санкции ЦК ВКП(б) и Совнаркома Союза ССР»².

Деятельность органов прокуратуры по борьбе с беззаконием осложнялась тем, что проявлявшие принципиальность в отстаивании интересов граждан прокурорские работники нередко подвергались гонениям, наказывались по партийной линии, освобождались от занимаемых должностей, подвергались репрессиям. И все же, несмотря на значительные трудности, общий надзор прокуратуры продолжал развиваться. Принимались меры к совершенствованию его организации, методической оснащенности. На места рассылались информационные письма о работе органов прокуратуры республики по общему надзору, что, конечно же, способствовало повышению надзорной деятельности прокуроров.

Активная работа в Белоруссии проводилась по надзору за законностью правовых актов, издаваемых руководителями предприятий и организаций. Приказом директора Могилевского авторемзавода от 22 декабря 1938 года для рабочих, служащих и инженерно-технических работников, проживающих в домах заводского поселка, были введены ограничения пользования электролампами и установлен «штраф в десятикратном размере за месяц по мощности обнаруженного электроосвещения». Повторное обнаружение подобных «нарушений» грозило отключением света. Незаконная практика наложения штрафов довольно широко была распространена и на других предприятиях республики. Так, приказом директора Бобруйского завода № 4 от 21 января 1939 года за утерю рабочего номера предусматривался штраф в размере одного рубля³.

Выявляя нарушения закона, прокуроры городов и районов Белоруссии приносили протесты на незаконные локальные акты, добивались восстановления прав трудящихся, о чем свидетельствует, например, информационное письмо № 2 «О работе органов Прокуратуры БССР по общему надзору»⁴.

В годы Великой Отечественной войны органы прокуратуры республики, несмотря на большой объем работы, сложность и многочисленность поставленных перед ними задач, по-прежнему во главу угла ставили защиту прав граждан от местных эских и ведомственных интересов.

В 1944—1945 годах Бобруйский облисполком принял ряд решений, противоречащих Конституции СССР. Считая облпрокуратуру одним из своих подведомственных органов, облисполком возложил на прокурора обязанность контролировать выполнение своего решения от 5 июля 1944 года «О мерах по борьбе с бешенством собак и зверей на территории Бобруйской области». Другими решениями прокурору области тов. Ризо поручалось «расследовать факты срыва обеспечения перемола зерна, проверить на месте правильность нахождения 42-х трофейных коров у работников Старобинского района и доложить облисполкому». Кроме того, облисполком принял ряд незаконных решений о трудовой повинности населения⁵. После вмешательства республиканской прокуратуры решения облисполкома были отменены.

Работа по борьбе с нарушениями законности продолжалась и в годы восстановления разрушенного войной народного хозяйства. Выезды на места и проверки соблюдения законности в областях, освобожденных от фашистской оккупации, сопровождались немалыми трудностями.

Прокурор Барановичской области сообщал, что «срыв заготовок... наблюдается, главным образом, в Лидском кусте, где орудуют бело-польские банды. В каждый сельсовет этого куста (районы Радунский, Ивенецкий и др.) было послано по 8—10 человек советско-партийного актива и по 20—25 человек вооруженной охраны из воинских частей»⁶.

При осуществлении надзора прокурорам приходилось проявлять принципиальность, гражданское мужество и смелость. Так, на должность прокурора Скидельского района Гродненской области был назначен уволенный из рядов Красной Армии вследствие тяжелой контузии старший лейтенант юстиции М. И. Иванов. Получив сигнал о хищении зерна на Скидельской мельнице, он, несмотря на оказываемое на него давление, вынес постановление о производстве ревизии Скидельского райпромкомбината, в состав которого входила мельница. Однако районное руководство воспрепятствовало ее проведению, а позднее вопрос о прокуроре М. И. Иванове был рассмот-

рен на заседании бюро райкома КП(б) Белоруссии и за «грубейшее нарушение революционной законности» он был снят с работы. После обращения с жалобой в Прокуратуру БССР, которую проверял начальник отдела общего надзора А. Г. Бондарь, на Скидельской мельнице было выявлено хищение и разбазаривание около 5 т пшеницы. Секретари райкома Главички и Мельникова по сговору с председателем райисполкома Овсейчик и другими должностными лицами давали указания об изъятии пшеницы из запасов госфонда и перемоле ее на высший сорт муки, что полностью подтвердилось в процессе предварительного следствия⁷.

Новый импульс борьбе органов прокуратуры с нарушениями законности, с ведомственностью и местничеством дал XX съезд КПСС, обязавший прокуроров решительно и сурово пресекать всякие проявления беззакония, произвола, нарушения социалистического правопорядка. В результате принятых партийными и советскими органами мер, а также в связи с усилением прокурорского надзора количество изданных незаконных актов в целом по стране в 1956 году по сравнению с 1955 годом значительно уменьшилось⁸.

Однако факты принятия правовых актов, противоречащих союзному законодательству и являющихся следствием проявления местных тенденций, наблюдались и в последующие годы. В представлении, внесенном прокурором БССР А. Г. Бондарем Председателю Совета Министров республики Н. Е. Авхимовичу, отмечалось, что правления некоторых колхозов вместо проведения воспитательной и разъяснительной работы среди членов артели, применения к нарушителям трудовой дисциплины мер воздействия, предусмотренных Уставом сельскохозяйственной артели, становятся на путь администрирования, незаконно налагают на колхозников денежные и натуральные штрафы. Так, за 8 месяцев 1958 года правление колхоза «XX партсъезд» Стародорожского района Минской области из 390 колхозников привлекало к ответственности 340, в том числе на 211 колхозников наложены денежные штрафы в сумме 6755 рублей. Аналогичные незаконные решения принимались правлениями колхозов Брестской, Витебской, Гомельской, Могилевской и Молодечненской областей⁹.

По указанным фактам были оперативно приняты принципиальные акты прокурорского реагирования. Протесты прокуроров помогли восстановить права колхозников.

В конце 50-х годов в БССР были вскрыты случаи избиения колхозников отдельными председателями и бригадирами колхозов. Прокуратурой Могилевской области за девять месяцев 1959 года было рассмотрено 25 материалов и заявлений в отношении 8 председателей и 17 бригадиров. Подобные факты имели место в Гродненской и ряде других областей республики. Проанализировав эти факты, Прокуратура БССР внесла соответствующие представления во все обкомы КПСС, проинформировала ЦК КПБ. Виновные должностные лица понесли суровое наказание¹⁰.

Руководствуясь установками XXIII съезда КПСС о необходимости всемерного усиления борьбы за искоренение бюрократических методов руководства, узковедомственного подхода к делу, местничества и учитывая, что эти нетерпимые явления в значительной мере подрывали единую законность в стране, органы прокуратуры Белоруссии в 70—80-е годы продолжали наращивать усилия по выявлению и устранению этих нарушений. Используя предоставленные им средства, прокуроры препятствовали развращению местных властей, принципиально реагировали на выявленные правонарушения, факты технократического вандализма, диктуемого узковедомственными интересами.

На XIX Всесоюзной партийной конференции констатировалась распространенность ведомственности и местничества и необходимость пресекать любые попытки нарушения законных прав граждан ведомственными инструкциями, бюрократическими ухищрениями.

Предприятия ряда отраслей народного хозяйства, пользуясь своим монопольным положением, создают для себя режим исключительной экономической благоприятности в ущерб интересам колхозов и совхозов. Случаи проявления такого «группового эгоизма» увеличились в процессе перехода предприятий на режим самофинансирования.

Ретроспективный анализ становления и развития общего надзора прокуратуры позволяет сделать следующие выводы: общий надзор на всех этапах развития Советского государства играл важную роль в борьбе с беззаконием; вопросы усиления общего надзора постоянно находились в центре внимания партии и правительства; изменение социально-политической ситуации и иных условий влияет на цели общенадзорной деятельности, совер-

шенствование традиционных и формирование новых форм и методов работы прокуратуры.

В реализации концепции правового государства главное — защита прав и свобод гражданина от всевластия ведомств. Поэтому всемерное усиление прокурорского надзора за законностью правовых актов, решительное искоренение из жизни нашего общества элементов местничества и ведомственности продолжает оставаться первоочередной обязанностью прокуроров.

¹ См.: Двухлетие красной прокуратуры // Еженедельник советской юстиции. 1924. № 42. С. 1016.

² ЦГАОР СССР. Ф. 8131, оп. 11, ед. хр. 154, л. 20, 64, 69.

³ Там же. Оп. 16, ед. хр. 88, л. 28, 30.

⁴ Там же. Л. 22.

⁵ Там же. Оп. 22, ед. хр. 105, л. 52—53.

⁶ Там же. Ед. хр. 102, л. 65.

⁷ Там же. Ед. хр. 105, л. 65.

⁸ Там же. Оп. 28, ед. хр. 3959, л. 27—28.

⁹ Там же. Ед. хр. 4710, л. 14—15.

¹⁰ Там же. Ед. хр. 4797, л. 1—3.

І. Е. Марчанка, У. І. Навіцкі. *Беларуская ССР: курсам перабудовы /* Пад рэд. М. П. Касцюка. Мінск: Навука і тэхніка, 1989. 175 с.

Сёння асабліва цікавае выклікаюць кнігі, прысвечаныя праблемам перабудовы. У гэтай сувязі звяртае на сябе ўвагу рэцэнзуемае даследаванне, аўтары якога раскажваюць аб ходзе перабудовы ў Беларусі, абгульваюць вопыт работы партыйных, савецкіх і грамадскіх арганізацый, аналізуюць недахопы і ўпущэнні. Адназначышы першыя вынікі работы індустрыі рэспублікі па-новаму, аўтары звяртаюць увагу на прычыны маруднага пераводу прадпрыемстваў на поўны гаспадарлік, якія тояцца ў кансерватыўным і адсталым мысленні часткі гаспадарнікаў і цэлых калектываў, у бюракратычнай пазіцыі шэрагу міністэрстваў і ведамстваў, у імкненні жыць і працаваць па старых звычаях.

Выклікаюць цікавае раздзелы кнігі, у якіх аналізуецца стан і перспектывы развіцця сельскай гаспадаркі і навукі ў рэспубліцы. Аўтары напамінаюць чытачу аб поспехах аграпрамысловага комплексу ў нарошчванні вытворчасці збожжа, бульбы, прадуктаў жывёлагадоўлі, адзначаючы пры гэтым, што толькі за кошт канцэнтрацыі і спецыялізацыі сельскагаспадарчай вытворчасці на аснове навішых тэхналогій, удасканалення эканамічных адносін, пераўтварэння ўкладу жыцця сельскіх працаўнікоў дасягнуты пэўныя вынікі ў вырашэнні харчовай праблемы.

Многа ўвагі ўдзяляецца праблемам перабудовы акадэмічнай і вузаўскай навукі. Разнастайныя прыклады пераканаўча пацвярджаюць думку аўтараў, што за кошт эфектыўнага выкарыстання навуковага патэнцыялу можна забяспечыць прагрэс усіх галін народнай гаспадаркі і культуры ў Беларусі.

Асаблівае месца ў кнізе займае грунтоўны разгляд шляхоў развіцця дэмакратызацыі і самакіравання народа. У дзейнасці многіх партыйных і дзяр-

жаўных органаў рэспублікі ўсё больш шырока ўсталёўваецца творчы падыход да вырашэння наспейшых праблем, калектывнасць кіраўніцтва і персанальная адказнасць за даручаную справу, атмасфера адкрытасці, дыскусій, крытыкі і самакрытыкі. Аўтары зусім не малююць ідэальнай карціны, а асабліва ўказваюць на неабходнасць пераадолення заарганізаванасці і фармалізму ў рабоце партыйных органаў, шэрагу ярвічных арганізацый, усіх звенняў палітычнай сістэмы грамадства.

Значная ўвага ў даследаванні ўдзяляецца аналізу сацыяльнай палітыкі партыі. У цэнтры яе — клопат пра чалавека працы, пераадоленне недаацэнкі сацыяльна-культурнай сферы, якая дапускалася раней, рашучае спыненне ўсялякіх парушэнняў сацыяльнай справядлівасці. Аўтары прыводзяць пераканаўчыя факты, якія сведчаць пра пастаянны клопат партыі аб паляпшэнні ўмоў жыцця, працы і быту людзей, вырашэнні жыллёвай праблемы і іншых надзённых пытанняў.

Правамерна выдзяленне ў манграфіі спецыяльнага раздзела, прысвечанага ідэйна-палітычнаму выхаванню, фарміраванню марксісцка-ленінскага светапогляду працоўных, вызваленню ідэалагічнай работы ад пустаслоўя і шаблонаў. Прапануюцца формы і метады ўдасканалення палітычнай асветы, эканамічнай вучобы, народнай адукацыі, іншых сродкаў і метадаў ідэалагічнага ўздзеяння. Справядліва сцвярджанне аб тым, што ў шэрагу партыйных арганізацый рэспублікі аслаблена работа па паляпшэнню якасці ведаў. Работа партыйных камітэтаў па абгульненню і распаўсюджванню перадавога вопыту палітычнай вучобы не сістэматызаваная і бескантрольная.

Адзначаючы несумненныя добрыя якасці кнігі, неабходна падкрэсліць, што не ўсе праблемы атрымалі ў ёй глыбокае адлюстраванне. Раздзел пра ўдзел Беларускай ССР у міжнародным супрацоўніцтве не стае аналітычнасці ў асветленні даволі шырокага кола пытанняў. Аналізуючы працэсы перабудовы

ў акадэмічнай і вузаўскай навуцы, аўтары, на наш погляд, не змаглі належным чынам адлюстраваць уклад галіновых навукова-даследчых устаноў у развіццё навукова-тэхнічнага прагрэсу.

У цэлым жа даследаванне І. Е. Марчанкі і У. І. Навіцкага, несумненна, будзе карысна ўсім, хто займаецца лекцыйнай і прапагандысцкай работай.

Ю. Л. Казакоў,
І. Ф. Раманоўскі

В едином строю борцов за мир: Ответственность Белорусской ССР в движении сторонников мира / С. Д. Войтович, А. А. Лашкевич, А. С. Леднева и др. Минск: Наука и техника, 1989. 206 с.

Масавы рух за захаванне міру на зямлі пачаў развівацца адразу пасля другой сусветнай вайны як рэакцыя на агрэсіўную мілітарысцкую палітыку ЗША і іншых заходніх дзяржаў, якая выклікала рост міжнароднай напружанасці. Прадмет даследаванняў гісторыкаў АН БССР — рух прыхільнікаў міру ў Беларускай ССР, аналіз ролі беларускай грамадскасці ў абароне і ўмацаванні міжнароднай бяспекі. Акрамя таго, дадзена работа з'яўляецца першым сістэматызаваным навуковым аналізам руху прыхільнікаў міру ў БССР за 40-гадовы перыяд яго існавання. У гэтым таксама яго актуальнасць і значнасць.

Вельмі каштоўнае і ўпаўне апраўданае вызначэнне аўтарамі манаграфіі асноўных напрамкаў і форм арганізаванага руху прыхільнікаў міру ў Беларускай ССР, выдзяленне этапаў яго развіцця, раскрыццё сувязей з арганізацыямі прыхільнікаў міру ў іншых краінах, апісанне ўдзелу беларускай грамадскасці ў міжнародных антываенных акцыях.

Аналізуючы ўклад працоўных Савецкай Беларусі ў сусветны рух за мір, аўтары выдзяляюць буйныя сацыяльныя слаі і групы насельніцтва, паказваюць шырокую сацыяльную базу руху беларускіх прыхільнікаў міру, іх канкрэты ўклад у барацьбу за недапушчэнне ядзернай катастрофы, умацаванне міжнароднай бяспекі. У рабоце спецыяльна даследаваны пытанні ўдзелу рабочага класа Беларусі, інтэлігенцыі, жанчын, моладзі ў руху прыхільнікаў міру.

У кнізе ўпершыню выдзелены дзейнасць беларускай грамадскасці ў міжнародных арганізацыях у абарону міру, за захаванне суверэнных правоў народаў, выкарыстанне дасягненняў навукі і тэхнікі ў інтарэсах міру і прагрэсу, паказаны важнейшыя формы сувязей грамадскасці нашай рэспублікі з шырокімі коламі грамадскасці замежных краін, уздел яе ў міжнародных форумах, масавых палітычных мерапрыемствах, праводзімых як у нашай краіне, так і за мяжой. Прыводзяцца канкрэтныя прыклады, якія характарызуюць уклад працоўных рэспублікі ў барацьбу міралюбівых народаў за

прадудхленне пагрозы новай сусветнай вайны, раззбраенне, мірнае ўрэгуляванне міжнародных канфліктаў. Прытрымліваючыся прынцыпу гістарызму, аўтары паказваюць вытокі фарміравання і асаблівасці развіцця шырокага руху прыхільнікаў міру ў БССР, асвятляюць яго дынамізм, формы, метады і сродкі барацьбы за мір.

У раздзелах, прысвечаных міжнароднаму аспекту барацьбы за мір, паказана дзейнасць прадстаўнікоў БССР у ААН і іншых міжнародных арганізацыях супраць мілітарызацыі навукі, за выкарыстанне сусветных навукова-тэхнічных дасягненняў і інтэлектуальнага патэнцыялу толькі на карысць чалавецтва.

Аналіз руху прыхільнікаў міру, зроблены аўтарскім калектывам, і сабраны ім пераканаўчы фактычны матэрыял, прыводзяць да вываду, што ў міжнародным жыцці няўхільна ўзрастае роля міралюбівай грамадскасці, актыўна выступаючай за ўзмацненне ўзаемадзеяння паміж народамі і дзяржавамі ў імя мірнай будучыні чалавецтва. У наш ядзерны век, пранізаны вельмі вострымі супярэчнасцямі, адзначаецца ў рабоце, канструктыўнай безальтэрнатывнай палітыкай, з дапамогай якой у разумных рамках можна збалансаваць інтарэсы ўсіх груп дзяржаў, з'яўляецца палітыка мірнага суіснавання.

Пытанні, якія разглядаюцца ў кнізе, узаемазвязаны і пранізаны адзінай думкай: кіруючыся здаровым сэнсам, намаганнямі народаў і дзяржаў можна адстаяць на зямлі мір.

Манаграфію вызначае добрая якасць выкладання матэрыяла, строгае лагічнасць і доказнасць меркаванняў. Шматлікая інфармацыя крытычна ацэньваецца аўтарамі. Работа ўяўляе сабой, па сутнасці справы, першае ў рэспубліцы навуковае даследаванне, дае так глыбока, паслядоўна і шматгранна паказана развіццё руху грамадскасці БССР за мір. Несумненна, яно прыцягне ўвагу навуковых работнікаў, выкладчыкаў-гісторыкаў, лектараў і прапагандыстаў. А панулярнасць выкладання і стылю прыцягне ўвагу ўсіх, хто цікавіцца гісторыяй нашай рэспублікі, яе замежнымі сувязямі.

Н. А. Царук

В л а д и м и р Ц о н е в. Карціна на свега і нейната свегогледна і методологічна роля. София: Наука и искусство, 1987. 126 с.

Одной из центральных проблем в современных методологических исследованиях является философский анализ таких аспектов развития науки, как перестройка ее оснований, воздействие социокультурных факторов на формирование и динамику научного знания. При рассмотрении этих ситуаций уже стала довольно традиционной экспликация сущности научной картины мира как важнейшего компонента так на-

зываемого предпосылочного знания — ее статуса и эвристической значимости в научном познании. Вместе с тем подобный анализ еще весьма далек от завершения и поэтому следует приветствовать появление монографии болгарского философа, вносящей заметный вклад в дальнейшую разработку указанной проблематики.

Своей задачей автор считает прежде всего элиминацию существующей неоднозначности и понимания смысла самого термина «картина мира». С этой целью В. Цонев предлагает интересный (хотя и небесспорный) способ решения проблемы — содержательное «раздвоение» данного понятия, признание двух самостоятельных форм его существования: 1) как синтезированной системы теоретических знаний, существующей в сфере научного отражения действительности и 2) как собственно картины мира, возникающей в индивидуальном человеческом сознании. Заслуживает внимания, что автор не только фиксирует эти относительно самостоятельные понятийные срезы реальности, осваиваемой субъектом, но и предпринимает весьма плодотворную попытку проанализировать их диалектическую взаимосвязь.

Серьезное внимание уделено исследованию мировоззренческой и методологической функций названных гносеологических форм. Интересны, например, мысли автора о существовании специализированной и неспециализированной разновидностей картины мира, их позитивном или негативном влиянии как на повседневную практику личности, так и на методологию конкретно-научного познания. Заметной новизной отличается проделанный В. Цоневым анализ соотношения картины мира и мировоззрения. Автор рассматривает картину мира как первый из двух главных элементов мировоззрения, понимая под вторым так называемое общественное самосознание, включающее самоопределение, самооценку и целеполагание социального субъекта. Значительное место отводится также анализу феномена научного мировоззрения, выступающего как диалектическое единство научной картины мира и научно обоснованного общественного самосознания и существующего — подобно картине мира — в специализированной и неспециализированной форме. В частности, довольно глубоко и убедительно прослеживается автором воздействие научного мировоззрения как на общую методологию любой познавательной деятельности, так и на конкретную методологию ученого, применяемую им на основных этапах исследовательского процесса — формирования гипотетической онтологизированной схемы, выдвижения научной гипотезы, становления теоретической схемы объекта исследования и, наконец, построения его научной теории.

Рецензируемая работа, разумеется, не лишена отдельных недостатков. Так, автор зачастую пользуется эмпирическим материалом конкретных наук для

подтверждения выдвигаемых положений, но книга, несомненно, выиграла бы, если бы теоретические рассуждения были логически вписаны в целостную историко-научную реконструкцию определенной отрасли науки.

В целом же монография В. Цонева представляет собой интересное и оригинальное исследование актуальной проблемы. Она выполнена на высоком профессиональном уровне, свидетельствует о хорошем знании автором разнообразной литературы по проблеме и его умении находить нестандартные ответы на спорные вопросы. Думается, что книга, которую следовало бы перевести на русский язык, будет с интересом встречена специалистами по философской методологии научного познания.

В. С. ВЯЗОВКИН,
Л. Ф. КУЗНЕЦОВА

Ю. Е. Ивонин. Становление европейской системы государств: Англия и Габсбурги на рубеже двух эпох. Минск: Университетское, 1989. 199 с.

Монография профессора Ю. Е. Ивонина посвящена еще весьма новой (и во многом дискуссионной) проблеме исторической науки — формированию европейской системы государств на рубеже средневековья и новой истории. Автор избрал для анализа две державы: Англию, в которой бурно развивались буржуазные отношения, и Священную Римскую империю Габсбургов, которая представляла собой «угрозу общеевропейскому прогрессивному развитию». Такой выбор позволил автору убедительно вскрыть сущность государств, которые вели свою внешнюю политику на принципиально разных основах. Если английская дипломатия все больше использовала новые для того времени формы и методы деятельности, то дипломатия Габсбургов отражала реакционную феодальную тенденцию.

Внешняя политика обоих государств обусловлена спецификой их внутреннего развития: вопросам социально-экономического развития Англии и различных частей аморфной державы Габсбургов в монографии уделено много внимания, при этом разъясняется, интересы каких социальных слоев выражали те или иные дипломатические шаги.

Основное внимание Ю. Е. Ивонин уделит исследованию международных противоречий вокруг трех основных их узлов в конце XV — начале XVI века: итальянские войны, угроза со стороны Османской империи, балтийский вопрос. Для этого использованы разнообразные источники, некоторые из них введены автором в научный оборот впервые.

Скрупулезно анализируя источники, Ю. Е. Ивонин показывает всю сложность и неоднозначность отношений между бурно развивавшейся по буржуазному пути Англией и державой Габсбургов, претендовавшей на создание

универсальной феодальной империи под эгидой католицизма. Особенно интересен в этом плане анализ подоплеку англо-испанского союза.

Время в истории Европы, которое исследует Ю. Е. Ивонин, было насыщено многими важными событиями. Важнейшим из них была, пожалуй, Реформация. Много нового можно почерпнуть из монографии о действиях английской дипломатии по установлению связей с протестантскими княжествами Германии, в частности по созданию северогерманского протестантского союза во главе с Англией.

Пожалуй, впервые в нашей литературе появился столь полный очерк о дипломатических отношениях в связи с Тридентским собором. Этому событию посвящена отдельная глава монографии.

Особое внимание уделено исследованию английской внешней политики. Детально исследуется не только становление чисто английского принципа внешней политики последующих веков («равновесие сил» и борьба против сильнейшего на континенте), но и зарождение самого процесса становления национальных дипломатий в Западной Европе. Книга только выиграла бы, если бы автор уделил такое же пристальное внимание и анализу внешней политики Габсбургов.

В целом же монография Ю. Е. Ивонина вносит весомый вклад в исследование малоразработанной и довольно новой для нас проблемы.

**К. А. РЕВЯКО,
В. А. ФЕДОСИК**

Л. И. Тегак, И. И. Саливон.
Основы современной антропологии:
Учебное пособие для студентов исторических факультетов высших учебных заведений. Минск: Университетское, 1989. 271 с.

Современный период развития знания характеризуется сближением различных наук, их тесным взаимодействием, особенно в изучении человека, человеческого общества, его истории. Показать этот прогрессивный научный процесс — важная задача университетского преподавания и создаваемых на его основе университетских учебных пособий. Вот почему следует приветствовать публикацию издательством «Университетское» учебного пособия «Основы современной антропологии», подготовленной крупными белорусскими антропологами Л. И. Тегак и И. И. Саливон. Они охарактеризовали роль антропологической науки в изучении истории, ее связь с такими историческими дисциплинами, как археология, этнография, история первобытного общества. От аналогичных пособий работа белорусских антропологов отличается рядом черт, которые определяют ее своеобразие и особую ценность. Во-первых, студенты более полно и более обстоятельно знакомятся с новейшими методами

антропологической науки, причем основательное изложение методов сопровождается многочисленными иллюстрациями, что значительно дополняет и обогащает содержание этого раздела и всего пособия. Во-вторых, здесь изложены результаты антропологических исследований последних лет. Следует при этом отметить, что это единственная в учебной литературе книга, в которой студент найдет специальный раздел по исторической антропологии Белоруссии, узнает об истоках антропологических особенностей белорусского этноса (с. 216—225), а также познакомится с историей антропологических исследований в Белоруссии. Авторы изложили результаты и собственной научной работы, своих многолетних исследований по антропологии Белоруссии и, таким образом, значительно обогатили пособие как новыми выводами, так и новыми ценными материалами.

В-третьих, новизна пособия заключается также в том, что в нем в историческом аспекте рассмотрена актуальнейшая проблема современного развития человечества — взаимоотношения человека с природой. Не вызывает возражений выделение авторами нескольких периодов в истории взаимодействия человеческого общества с природой. Большой интерес представляет информация о том, что экологические кризисы случались в истории человечества и раньше, однако оно преодолевало их кардинальным изменением производства. Именно таким путем, по мнению авторов, можно избежать надвигающегося кризиса в современную эпоху.

В-четвертых, авторы излагают не только бесспорные истины, но и спорные вопросы, в частности по сложной проблеме антропогенеза (формирования человека). Особое внимание студентов обращается на те вопросы, которые требуют дальнейшего исследования.

Учебное пособие написано на высоком научном уровне с использованием новейших достижений антропологии и связанных с ней наук — археологии, этнографии, языкознания и др. Оно вполне заслуживает повторного издания, так как потребность в такого рода литературе далеко не удовлетворена. Книга быстро разошлась. Представляется целесообразным при повторном издании уделить больше внимания спорным вопросам классификации рас, особенно рас первого порядка, избегать в будущем употребления таких спорных уже в настоящее время терминов, как, например, наименование дреговичей, радимичей и кривичей племенными союзами (с. 224). Лучше их именовать протонародностями.

Учебное пособие необходимо студентам-историкам, изучающим археологию, этнографию, антропологию, историю первобытного общества. Оно полезно также студентам-философам, географам, биологам, всем, кто интересуется проблемами человека, его историей.

М. Ф. ПИЛИПЕНКО

История политической экономии капитализма / Под ред. А. А. Демина, Н. В. Раскова, Л. Д. Широкограда. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1989. 480 с.

Рецензируемое исследование посвящено весьма актуальной проблеме. В нем раскрывается процесс комплексного, многоаспектного исследования экономики современного капитализма, представленной в документах и материалах КПСС и советского правительства, монографических исследованиях, диссертациях, публикациях периодической печати. Это — история постановки, разработки и решения политэкономических проблем капиталистического способа производства с первых лет советской власти до наших дней.

Для исследования авторами выделены те проблемы этой многоплановой темы, которые тесно соприкасаются с актуальными вопросами современного развития экономики капитализма и социализма. Хотя проспект работы, как нам представляется, был составлен еще в середине 80-х годов, наиболее жгучие и злободневные вопросы начала 90-х годов в книге упреждены.

Структура исследования следующая. Главный раздел составляют очерки по важнейшим проблемам политической экономии капитализма, куда отнесены вопросы теории и истории денег, инфляции, развития теории кредита, характеристики финансового капитала, акционерного капитала. Данные проблемы рассматриваются в тесном единстве с мероприятиями по государственно-монополистическому регулированию экономики, концепциями государственно-монополистических и военно-промышленных комплексов. Много внимания уделяется политэкономическим проблемам научно-технической революции, в частности раскрытию ее сущности и основных черт, проблем «венчурного капитала». Дело в том, что в последние десятилетия важной составной частью научно-технического потенциала развитых капиталистических стран стали мелкие высокотехнические фирмы. Они обеспечивают значительную часть создания и внедрения новых товаров и технологий, сферу использования средств производства и научного потенциала в системе НИОКР, превратились в своеобразный полигон естественного отбора научно-технических идей, минимизирующих риск последующей их скупки монополистическим бизнесом. Капитал, связанный с выполнением названных функций, получил название венчурного.

Основой теоретических рассуждений авторов книги является прочная опора на примат производства как источник жизнедеятельности капитала, денег, финансов и других производных реалий материального производства. В работе раскрываются закономерности развития производительных сил и производственных отношений современного капитализма, выделяется то положительное, что может быть использовано в теории

и практике социализма эпохи перестройки.

Очерки по основным проблемам политической экономии капитализма органично дополняются персоналиями и статьями о ведущих научных центрах страны и наиболее известных советских экономистах, библиографией по рассматриваемым проблемам.

Хотелось бы высказать ряд замечаний и пожеланий авторскому коллективу. В экономических исследованиях 20-х, 60-х годов и в современный период очень много внимания уделялось соотношению плана и рынка, планомерным и рыночным связям в экономике. К сожалению, эта весьма сложная, противоречивая и для нынешних условий очень важная проблема не нашла отражения в рецензируемом издании.

Советские ученые всегда уделяли много внимания критике различных концепций развития буржуазной экономики. Сейчас этот процесс ослаблен. Что касается негативных сторон критики капитализма, мы не сторонники ее активизации, но для социализма эпохи перестройки важна конструктивная критика, направленная на рациональное использование социализмом прогрессивных идей современной буржуазной экономической мысли.

Большой вред развитию экономической теории и капитализма, и социализма нанесли культ личности И. Сталина, а также застойный период в развитии нашего общества. Без раскрытия негативных последствий этих явлений нельзя представить процесс развития экономической науки вообще и политической экономии в частности.

В целом считаем рецензируемую работу весьма полезной и рекомендуем ее квалифицированному читателю.

**Н. И. Базылев,
В. С. Середа**

Р. Х. Муртазаева. Экономика — основа интернационального единства. Ташкент: Узбекистан, 1989. 160 с.

Рецензируемая книга, по существу, — первая попытка проанализировать проблемы интеграционных процессов республик Средней Азии в рамках единого народнохозяйственного комплекса страны. Такой выбор правомерен, ибо братские взаимосвязи, которые сложились между народами Средней Азии, идут из глубины веков. Общность исторических судеб, схожесть языка, культурных, духовных традиций, непосредственное соседство и взаимопроникновение народов этого региона создавали и создают хорошие предпосылки для расширения и углубления всестороннего сотрудничества.

В монографии комплексно исследуются основные направления деятельности партийных организаций республик Средней Азии по укреплению интернационального единства трудящихся. Автор не ограничивается раскрытием общности географического положения

этих республик, их исторического развития, экономических и социальных отношений, быта, национального своеобразия образа жизни, характера их взаимоотношений с единым народно-хозяйственным комплексом, союзными органами управления. Р. Х. Муртазаева стремится выявить новые грани общих закономерностей развития национальных отношений в экономической сфере. Важно, что анализ дан с позиций сегодняшнего дня, когда остро проявились сложные проблемы развития межнациональных отношений.

Исследователь пытается не только проанализировать ряд ключевых проблем взаимодействия экономической и национальной политики, но, отталкиваясь от них, а также учитывая оценки, содержащиеся в новейшей литературе, высказывает суждения по тем дискуссионным вопросам, которые, как нам кажется, имеют принципиальное значение. К числу таких вопросов, несомненно, относятся: размещение производительных сил, промышленное развитие региона, развитие хлопководства, роль научно-технического прогресса в развитии экономики республик Средней Азии, подготовка кадров рабочих и ИТР коренных национальностей, экономическое сотрудничество братских республик.

На основе современных данных автор по-новому раскрывает особенности осуществления национальной политики КПСС в условиях восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства страны (1946—1958). Конкретный документальный материал умело используется автором для обоснования сути деформаций ленинской национальной политики, экономического, политического и нравственного ущерба, который был нанесен интернациональному единству народов в послевоенный период и остро проявился в регионе на современном этапе.

В работе анализируется нарастание негативных процессов в условиях административно-командной системы. Жесткое планирование сверху, спускаемое республикам в порядке непреложных директив, постепенно подтачивало взаимосвязь центра и республик, все меньше учитывались местные интересы в ущерб общегосударственным.

С интересом читаются разделы, в

которых автор размышляет о формировании единого народнохозяйственного комплекса страны, об индустриальном развитии среднеазиатского региона. С учетом реалий сегодняшнего дня предпринята попытка рассмотреть проблемы специализации экономики республик, выявить в ней как положительные, так и отрицательные тенденции. Аргументированно критикуются такие явления, как экстенсивное развитие в регионе хлопководства в ущерб другим культурам, нарушение естественно-исторического развития республик, левая концепция отмирания личного подсобного хозяйства, игнорирование социальных и экологических последствий экстенсивного развития хлопководства.

На конкретном фактическом материале анализируется политика компартий среднеазиатских республик в послевоенный период по подготовке национальных кадров рабочего класса и инженерно-технических работников. Убедителен вывод автора о том, что эта работа была недостаточной, поэтому еще и сегодня данная проблема является одной из актуальнейших.

Много внимания в книге уделяется освещению процессов углубления связей между республиками в исследуемый период, объединения усилий республик, совместного поиска эффективных форм сотрудничества. Все это способствует ускорению социально-экономического и культурного развития наций, своевременному решению на подлинно демократической основе сложных задач гармонизации межнациональных отношений.

Конечно, в небольшой по объему книге невозможно всесторонне рассмотреть все проблемы укрепления интернационального единства республик Союза ССР. Для целостного понимания происходящих процессов важно было бы исследовать вопросы демографии, более аргументированными и конкретными хотелось бы видеть и выводы заключительной части актуальной монографии.

Все эти частные замечания не снижают ценности издания. Р. Х. Муртазаева провела интересное и нужное исследование, которое, несомненно, является серьезным вкладом в изучение теории и практики национальной политики.

В. К. Коршук

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

<i>Бондар П. І.</i> Партыйнае кіраўніцтва маральным выхаваннем працоўных: урокі 60—80-х гадоў	3
<i>Растаргуеў А. У.</i> Аб праблемах падрыхтоўкі кадраў рабочага класа ў сярэдняй школе Беларускай ССР (1959—1966)	6
<i>Эсмантовіч І. І.</i> Удзел камсамольскіх арганізацый вышэйшых навучальных устаноў Беларусі ў павышэнні вучэбнай актыўнасці студэнтаў (1961—1970)	9
<i>Гарбуль П. І.</i> Прапаганда друкам рэспублікі навукова-тэхнічнага прагрэсу ў прамысловасці (1983—1989)	12
<i>Мороз Ю. М.</i> Англо-рускіе адношэнні 1907—1914 гадоў в ацэнке буржуазно-ліберальнай журналістыкі Расіі	15
<i>Станішэўская Л. П.</i> Супрацоўніцтва БССР і НРБ у галіне трактарабудавання	17

ФІЛАСОФІЯ

<i>Морозов И. М.</i> Понятие «бессознательное» в работах К. Маркса	21
<i>Кириченко Е. Г.</i> Гипотеза в структуре социального познания	24
<i>Силин Н. А.</i> Логико-методологические аспекты перестройки стиля научного мышления в современной медицине	28
<i>Кузнецов А. В., Максимова Н. А.</i> Уроки Великой французской революции и современность	31
<i>Гарбаценкава Л. М.</i> Маральнае выхаванне студэнтаў: сацыялагічныя даследаванні, праблемы і пошук рашэнняў (па матэрыялах навукова-практычнай канферэнцыі)	34

НАВУКОВЫ КАМУНІЗМ

<i>Шалькевич В. Ф.</i> Сен-Симон и его место в истории социалистической мысли	38
<i>Белякович Н. Н.</i> Социальное развитие рабочего класса в условиях обновления социализма	41
<i>Гайдученок И. А.</i> Творческие аспекты образования в трактовке Д. Г. Лоуренса	44

ЭКАНОМІКА

<i>Цеханович Е. Е.</i> Методологические основы формирования работника нового типа в системе образования	48
<i>Ермакова К. В.</i> Сацыяльна-эканамічныя праблемы працы жанчын у грамадскай вытворчасці	51
<i>Напрейкова В. И.</i> Развитие кооперации и укрепление дисциплины труда	53
<i>Бачко І. Ю.</i> Сацыяльна-эканамічная форма асабістага фактара сацыялістычнай вытворчасці	56

ПРАВА

<i>Павлова Л. В.</i> Некоторые аспекты практики международного арбитража	60
<i>Бібіла В. М.</i> Спрэчныя пытанні правядзення экспертызы ў крымінальным працэсе	64
<i>Мартинович И. И.</i> Национальные камеры народного суда в истории судостроительства Белорусской ССР	67
<i>Григоренко В. Н.</i> Из истории прокуратуры Беларусіі	70

РЭЦЭНЗІІ

<i>Казакіў Ю. Л., Раманоўскі І. Ф. І. Е.</i> Марчанка, У. І. Навіцкі. Беларуская ССРСР: курсам перабудовы	74
<i>Царук Н. А.</i> В едином строю борцов за мир: Общественность Белорусской ССР в движении сторонников мира	75
<i>Вязовкин В. С., Кузнецова Л. Ф.</i> Владимир Цонев. Картина на света и нейнана светогледна и методологична роля	75
<i>Ревяко К. А., Федосик В. А. Ю. Е. Ивонин.</i> Становление европейской системы государств: Англия и Габсбурги на рубеже двух эпох	76
<i>Пилипенко М. Ф. Л. И. Тегакко, И. И. Саливон.</i> Основы современной антропологии	77
<i>Базылев Н. И., Середа В. С.</i> История политической экономии капитализма	78
<i>Коршук В. К. Р. Х. Муртазаева.</i> Экономика — основа интернационального единства	78